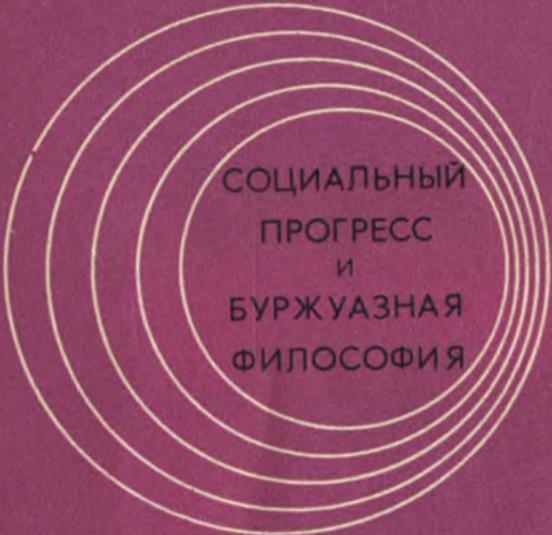

А-98

Г. К. АШИН

ДОКТРИНА
≠ МАССОВОГО
ОБЩЕСТВА ≠

СОЦИАЛЬНЫЙ
ПРОГРЕСС
И
БУРЖУАЗНАЯ
ФИЛОСОФИЯ

Г.К. АШИН

ДОКТРИНА
≠ МАССОВОГО
ОБЩЕСТВА ≠

Издательство политической литературы
Москва · 1971

Ашин Г. К.

А98 Доктрина «массового общества». М., Политиздат, 1971.

191 с. (Социальный прогресс и буржуазная философия).

Книга посвящена критическому анализу концепции «массового общества», широко распространенной в современной буржуазной социологии, философии и социальной психологии. Автор раскрывает механизм управления, посредством которого в условиях государственно-монополистического капитализма правящая элита пытается удержать массы в рамках существующих общественных отношений. В этой связи анализируются такие понятия, как «масса», «манипулируемая личность», «лидерство», «массовая культура» и др. Автор использует обширную литературу по этим вопросам.

Книга рассчитана на преподавателей, студентов, пропагандистов, всех интересующихся критикой буржуазной социологии.

ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха гигантских, всемирно-исторических социальных изменений, невиданных темпов общественного развития связана с приобщением к сознательному историческому творчеству новых и новых миллионов людей. В важнейших социальных процессах, составляющих содержание нашей эпохи,— разложении капитализма, крахе колониальной системы империализма, строительстве социализма и коммунизма — находит свое проявление один из законов исторического материализма — закон возрастания роли народных масс в историческом процессе. Современный этап всемирной истории невозможно осмыслить, отвлекаясь от кардинального вопроса о возрастании роли народных масс в общественном развитии.

Не могут уйти от этого вопроса и буржуазные теоретики. Дело заключается, кроме всего прочего, еще и в том, что проблема субъекта исторического действия неизбежно находится в центре философии истории. При этом субъект истории либо выносился теоретиками эксплуататорских классов за ее пределы и им объявлялись сверхъестественные силы, либо творческая роль в истории приписывалась воле и сознанию выдающихся личностей. И в том и в другом случае народные массы не признавались субъектом исторического процесса, а рассматривались лишь в виде пассивного продукта истории, ее объекта, жертвы (или же фона, на котором разворачиваются «героические» деяния представителей правящих классов).

В освещении современными буржуазными социологами, социальными психологами, экономистами,

историками вопроса о роли народных масс в историческом процессе проявляются две главные тенденции. Первая из них — это традиционное для идеологов эксплуататорских классов отрицание или преуменьшение роли народных масс в истории, провозглашение их «пассивной толпой», способной лишь слепо следовать за лидерами из господствующих классов. Вторая (берущая начало от Лебона и Ницше) связана с вынужденным признанием возросшей роли народных масс в истории и даже нарочитым преувеличением их политической активности в условиях буржуазной демократии и интерпретацией этой роли как разрушительной, угрожающей цивилизации. Нужно отметить, что обе указанные тенденции роднит идеалистическое понимание истории, отрицание творческой, конструктивной роли народных масс в истории, негативная интерпретация этой роли, «доказательство» неспособности масс к эффективному руководству общественной жизнью.

Тем не менее было бы ошибкой не видеть их серьезных различий. Если до XX века безусловно превалирующей в буржуазной социологии была первая из них, то для современного периода характерна именно вторая тенденция. Прошло время, когда идеологи эксплуататорских классов могли просто игнорировать роль народных масс в историческом процессе. Не будучи в силах отрицать общеизвестные факты, они, не отказываясь от своих антинаучных теорий, вынуждены существенно их модифицировать. Эта модификация объясняется в конечном счете историческими условиями и касается как характера аргументации и способа пропаганды, так и методики исследований, прежде всего на эмпирическом уровне.

Современные модификации идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории выражаются в первую очередь в усилении пропагандистской направленности, приспособленной к нуждам манипулятивного управления. Совсем недавно буржуазная идеология ориентировалась главным образом на «внутреннее потребление», мало заботясь о реакции масс, остававшихся вне систематического, организованного и целенаправленного воздействия

со стороны буржуазных социологов. Теперь же теоретические построения в области социологии все чаще оказываются изначально ориентированными на «массовое потребление», на определенную социально-психологическую, если не идеологическую, реакцию масс, что, по признанию даже западных исследователей, прототипирует буржуазную идеологию, которая видит теперь свою задачу не столько в решении теоретических проблем, сколько в социальной демагогии. Она превращается все более в «идеологию убеждения», а точнее, в технику внушения, в орудие воздействия на массовую аудиторию. Основное внимание обращается не на стройность и аргументированность теории, а на умение воздействовать на эмоции масс, манипулировать их сознанием. Пропагандистскую направленность буржуазной идеологии, ориентацию на массовую аудиторию нельзя, разумеется, рассматривать как ее «демократизацию», как уступку массе со стороны интеллектуальной элиты (как это хотели бы представить отдельные западные теоретики). Мы имеем дело с откровенной социальной демагогией: готовность порой польстить буржуазной массе — отнюдь не отказ от элитарных принципов, а всего лишь более ловкая пропаганда их, более успешное «проталкивание», опирающееся на тщательное изучение массовой психологии, предрассудков, стереотипов восприятия. В «потребительском» обществе главное — умело «продать» массам буржуазную идеологию (опираясь при этом на средства массового общения, находящиеся в руках монополистической буржуазии).

Не менее специфична и другая особенность современной буржуазной социологии. В условиях огромного усложнения процесса управления социальной жизнью она выполняет и чисто служебную функцию ориентировки монополистической буржуазии в ее практической деятельности, функцию ассистирования буржуазным политикам. Она дает практические рекомендации, основанные на тщательных эмпирических социологических и социально-психологических исследованиях, ставит порой реальные проблемы, вытекающие из особенностей развития современного производства, средств массовых комму-

никаций и т. д. Их неадекватное решение в рамках буржуазной социологии отнюдь не лишает смысла и важности сами эти проблемы, а, напротив, ставит настоятельную задачу решения их средствами иной, научной теоретической системы (отметим среди них исследования социально-психологических аспектов лидерства, степени подверженности лидера групповым влияниям, поведения личности в массе, эффектов массовой психологии, воздействия на личность средств массовых коммуникаций, возможностей формирования и управления общественным мнением).

Наконец, буржуазная социология характеризуется явно выраженной антикоммунистической направленностью. Главной мишенью критических выпадов антимарксистских теорий о роли народных масс и личности в истории оказывается социально-политическая структура социалистических стран, а главной задачей — стремление ее опорочить.

Теории, о которых идет речь, являются, с одной стороны, порождением идеалистического мировоззрения, их содержание связано с идеалистической, метафизической методологией, на которой базируются эти социологические построения; с другой стороны, они в определенной мере отражают социальные отношения государственно-монополистического капитализма, его реальную практику. Было бы упрощением считать, что идеалистические взгляды на роль народных масс и личности в истории просто выражают своекорыстные интересы эксплуататорских классов. Их влияние тем и объясняется, что они опираются на реальные феномены, на действительные факты, но грубо искажают их. Они порой критичны по отношению к определенным процессам современного капитализма, но именно этот критицизм камуфлирует фактическое оправдание и защиту капиталистических отношений в целом. Поэтому марксистская критика таких взглядов неизбежно включает в себя раскрытие их классовых и гносеологических корней.

Существо социальной теории можно понять, лишь исследуя специфические условия, порождающие ее. Любая теория является продуктом социаль-

ных отношений и как таковая включается в определенные социальные структуры и сама выступает в качестве активного звена в функционировании этих структур. Рассматриваемые теории — закономерное порождение общественных отношений, при которых творческая деятельность превращена в прерогативу отдельных классов и социальных групп, трудящиеся массы угнетены и несправедливы, а всеобщие социальные функции, прежде всего управление обществом, выходят из-под их контроля (и только вопреки существующей структуре, через активность, «дисфункциональную» по отношению к данной системе, — классовую революционную борьбу — массы имеют возможность приобщиться к социальному творчеству). Творческая деятельность оказывается нередко за пределами «человека массы». В таком обществе творческий индивид может вообразить себя противостоящим массе как инертной силе, рассматривать массу как своего врага, хотя виновником трагедии личности в этом обществе оказывается не масса, а система, обрекающая массу на нетворческую роль. Повседневная практика капиталистического общества соответствующим образом отражается в сознании индивидов, включенных в господствующую систему общественных отношений. Так и возникают иллюзорные, мистифицированные, превращенные, по словам Маркса, формы сознания. Идеалистические же теории выступают как систематизация превращенных форм сознания, стихийно порожденных господствующей социальной практикой. И в таком понимании служебная роль этих теорий, скорее, не их исходная точка, а заключительный итог.

Новейшие модификации идеалистических взглядов на роль народных масс и личности в истории обусловлены и теми социальными процессами, которые характеризуют развитие современного капитализма, — углублением его общего кризиса, ростом государственно-монополистических тенденций, милитаризацией экономики, бюрократизацией, тенденцией к фашизации политической жизни. Растущая концентрация и централизация капитала привела к существенным сдвигам в структуре класса буржуазии, свободная конкуренция уступила место всевла-

стию монополистической элиты, оставив за ней лишь роль субъекта капиталистического предпринимательства. «Конкуренция при таком капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его, девяноста девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, nepотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы» (З, т. 35, 195)¹.

С усилением государственно-монополистических тенденций связана бюрократизация, милитаризация, дальнейшее наступление на буржуазно-демократические свободы. Управление в таких условиях неизбежно принимает бюрократическую форму, это — управление методами бюрократического манипулирования; и буржуазная социология, фиксируя обезличенную систему командования массами, рассматривает их в качестве пассивного объекта манипуляций элиты. Углубление противоречий между народными массами и монополистической буржуазией ведет к тому, что ей все труднее сохранять свое господство методами буржуазной демократии. Отсюда — «поворот от демократии к политической реакции» (З, т. 30, 93), тяга к тоталитарным методам господства².

Вполне естественно, что монополистическая буржуазия нуждается в теоретическом обосновании существующей практики. Этим целям и служат идеалистические теории о роли народных масс и личности в истории. В современных вариантах этих теорий доказывается, что в наш «нестабильный» век

¹ Цифры в скобках означают: порядковый номер произведения по помещенному в конце книги списку цитированной литературы, том (если он имеется) и страницу.

² Это наглядно обнаруживается в разбухании государственного аппарата, аппарата политического контроля за населением, особенно полицейского и шпионско-осведомительного. Американский социолог М. Глейссер признает: «Если подсчитать количество людей, занятых у нас в полиции городов, в правительственных учреждениях типа ФБР, то получится, что даже Гитлер в свои лучшие времена никогда не имел таких шпионских организаций, какие имеют США» (80, 178).

демократические методы устарели и становятся «опасными», поскольку влияние «некомпетентного» общественного мнения в определенной мере связывает западных политиков; вынашиваются идеи о «сильной элите», которая была бы «более оперативной» в подавлении масс внутри страны и «твердой» во внешней политике.

Ссылки на одни лишь социальные условия не могут полностью объяснить неадекватное отражение исторического процесса в общественном сознании. Причины распространения идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории лежат и в определенных трудностях познания социальных явлений. Гносеологические доводы питают эти концепции, позволяют облечь их в наукообразную форму, «респектабельную» с точки зрения буржуазной интеллигенции. Разумеется, господствующие гносеологические концепции и методологические принципы сами в конечном счете определены социальными условиями. Поэтому марксистская критика предполагает наряду с анализом социальных условий, вызвавших извращенные представления, исследование гносеологических возможностей и оснований, позволяющих создавать классово-искаженные конструкции общественного процесса.

Каковы же те теоретико-познавательные средства, те методологические установки, тот инструментарий познания, которые серьезно влияют на результаты исследований буржуазных социологов, посвященных проблеме роли народных масс и личности в истории? Сама постановка этого вопроса вызовет многочисленные возражения со стороны западных социологов, которые не преминут «напомнить» об опасности априоризма и провозгласят вполне в духе неопозитивизма отказ от общетеоретических, прежде всего философских, установок. Претензия на «свободу» от теории, конечно, несерьезна. Несомненно, что и выбор объекта исследования даже на эмпирическом уровне, и формулировка проблемы и задач исследования вытекают из теоретических установок; именно в рамках теории вырабатывается и понятийный аппарат, и принципы классификаций и отбора фактов. Да и неопозитивистский принцип тоже

своего рода установка, имеющая вполне определенное гносеологическое и социальное содержание. Уход от обобщений, от философских проблем вовсе не означает «независимости», непредвзятости западных социологов; на деле он оборачивается некритическим восприятием (часто бессознательным) общих установок буржуазной идеологии. Явно выраженная анти-теоретическая направленность, антиисторизм и описательство неминуемо ведут к разрыву между эмпирической и теоретической социологией. Это — неотъемлемые черты господствующего в буржуазной социологии «ползучего эмпиризма», третирующего теоретические обобщения, ограничивающегося лишь констатацией данных непосредственного чувственного опыта.

Отсутствие общей теории пытаются нередко компенсировать интересом к методологии (причем речь идет о системе средств и приемов познания социальных явлений, что правильнее назвать методикой). Недаром прогрессивный американский социолог И. Горовиц, говоря о тенденции «ухода в методологию», писал, что последняя «становится заменой социальных проблем» (83, 9). Нужно признать, что в разработке методики социальных исследований западная социология имеет известные достижения. Но сама по себе методика не гарантирует правильности выводов исследования, она «работает» только в рамках общей теории; в противном случае даже самая лучшая методика оказывается бесполезной либо — хуже того — выступает как наукообразное прикрытие ненаучных выводов.

Все эти обстоятельства наглядно обнаруживаются при рассмотрении доктрины «массового общества». «Массовым» буржуазные социологи называют общество, в котором «доминируют массы», господствует массовое стандартизированное производство, «массовая политика» (т. е. политика, принимающая во внимание реакцию масс), «массовая культура». Что же, по мнению буржуазных социологов, принесли с собой массы, «разорвавшие узду», которая сковывала их в предыдущие столетия? Обличители «массовизации» рисуют этот процесс самыми мрачными красками. Следствие «возвышения масс» — катастрофи-

ческое снижение культурных стандартов, нивелировка личности в массе, постоянное приспособление ее ко вкусам и мыслям окружающих (конформизм), технический фетишизм, нарушение «равновесия» между элитой и массой, характерного для «традиционных обществ», правление «неквалифицированного большинства», ведущее к политическим провалам, падение морали, рост социальных болезней.

Теоретики «массовизации» изображают современный капитализм отнюдь не в розовом свете. Но важно, с каких позиций ведется их критика. А позиции эти по большей части глубоко реакционны. В них явственно ощущается глубокое разочарование «беспокойным XX веком», недовольство обществом, чреватой революцией, раздираемым многочисленными противоречиями и конфликтами, опасения за судьбы своего класса (которые лицемерно прикрываются «заботой» о западной культуре). Это, несомненно, идеология кризиса. Причем скрытый замысел этих теорий состоит в том, чтобы, признав кризисное состояние западного общества, увести из-под критики капитализм, объявив виновником «всех несчастий» народные массы.

В основе доктрины лежат три вопиющие фальсификации. Во-первых, стремление объявить современный капитализм обществом, в котором господствуют народные массы (на том формальном основании, что существует всеобщее избирательное право). Во-вторых, попытка, признав определенные кризисные черты капиталистического общества, объяснить их «засильем» масс в нашем столетии. В-третьих, авторы доктрины объявляют капитализм и социализм разновидностями «массового общества» и, вскрывая язвы капитализма, приписывают их в еще большей степени социализму, смешивая при этом качественно разнородные социальные системы.

Доктрина «массового общества» занимает видное место среди современных буржуазных социологических концепций. Американский социолог Д. Белл вообще называет ее «самой влиятельной, не считая марксизма, идеологической концепцией в нынешнем западном обществе» (64, 21). Причем эта доктрина отнюдь не сводится к проблеме роли народных масс

и личности в истории. Она представляет собой целостную социологическую и философско-историческую концепцию, претендующую на описание структуры и динамики «современного индустриального общества».

В последние годы теории «массового общества» стали предметом целого ряда исследований марксистских социологов¹, что и позволяет в данной книге сосредоточить основное внимание на двух центральных проблемах: решении в рамках концепции «массового общества» вопроса о роли народных масс и личности в истории, а также вопроса об управлении большими массами людей в условиях государственно-монополистического капитализма.

¹ Марксистскими социологами проанализированы критические варианты доктрины (30; 26; 16), «позитивный» вариант (18), история доктрины (33), связь элитизма с данной доктриной (15), проблема техники в ней (19), положение личности в бюрократизированном «массовом обществе» (25; 31; 34), проблемы «массовой культуры» (22; 27; 17) и др.

**«МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО»:
СТОРОННИКИ, КРИТИКИ,
КРИТИКИ КРИТИКОВ**

«Призрак преследует социологов. Призрак массового общества» (56, 30),— пишет американский социолог Э. Шилз, сам отдавший дань описанию этого «призрака». О призраке спорят, в его существование верят или не верят; как всякий призрак, он порождает огромное число разнотолков. «Массовое общество — один из распространеннейших терминов социологического словаря,— замечает другой американский социолог, Э. Уолтер,— тем не менее его принятие социологами менее всего похоже на единообразие. Одни отвергают его как обскурантский бред, другие принимают как истину, третьи связывают с ним утомительный шаблон» (119, 391). О «массовом обществе», «массовой культуре», «массовизации» пишут представители самых различных, подчас конфликтующих между собой направлений буржуазной социологической мысли. Дискуссия о «массовом обществе», о его сущности и происхождении ведется уже не одно десятилетие¹.

¹ Чтобы убедиться в различных, порой противоположных интерпретациях «массового общества» в буржуазной социологии, обратимся к некоторым иллюстрациям. Р. Нисбет рассматривает теории «массового общества» как «серьезное описание реальности» (107), Г. Тиндер придерживается противоположной точки зрения, относя идею «массового общества» не к социальной мысли, а лишь к способу видения современной философии и культуры. Э. Шилз считает, что эти теории «испытали на себе воздействие марксизма», тогда как Г. Элснер (с большим основанием) пишет, что теория «массового общества» была сформулирована как «реакция на марксистский классовый анализ» (76, 203—204). Л. Брамсон низводит

Интересно, что в этой дискуссии редко кто объявляет себя сторонником «массового общества». До самого последнего времени все пишущие о нем были его критиками. И кто только не критикует «массовое общество»! Либералы и консерваторы, правые социалисты и американские «ультра»... Критикуют с самых разных позиций и в самых различных целях. Английский социолог А. Стюарт не без оснований замечает, что фразы о «массовом обществе» относятся не к рациональному мышлению, а скорее к области эмоций и «близки к истерии». «Писатели всех политических направлений используют термин «массовое общество» для критики тех черт современного общества, которые они не одобряют. Это зачастую просто термин для выражения антипатий писателя, перечисление которых, подкрепленное тщательно подобранным «социологическим свидетельством», выдается за реалистическую концепцию современного общества» (114, 22).

Что же такое «массовое общество»? Адекватная модель современного общества или же просто спекулятивная конструкция, не имеющая аналога в действительности и являющаяся орудием политической демагогии, шантажа, средством уязвления политических противников? Не будем спешить с выводами, ибо однозначный и категоричный ответ способен упростить достаточно сложную, противоречивую, многоплановую концепцию.

В вышеприведенном замечании Стюарта схвачена интересная деталь: доктрина «массового общества» — продукт идеологического конструирования особого типа, это модель, созданная определенными теоретиками в качестве мишени для последующего критического обстрела.

При этом не следует думать, что такого рода критика — явление исключительное; у нее имеется

эти теории до положения «социального романтизма». Т. Парсонс и У. Уайт рассматривают их как «идеологическую позицию определенных групп интеллектуалов» (54, 1960, 67), Р. и А. Бауэры — как «склонность к элитизму» (54, 1960, 13). Отметим, что большинство перечисленных подходов фиксирует определенную сторону концепций «массового общества», не охватывая их содержания полностью.

прочная традиция в лице реакционно-критической идеологии, идущей еще от немецких романтиков, Ницше и Буркхарда. Ныне сформировалась целая идеология, у которой нет позитивных идеалов и которая определяет себя через то, против чего она выступает. Мы помним, в каком затруднительном положении оказался «мозговой трест» американского правительства, когда потребовалось сформулировать «национальные цели» США. По признанию самих буржуазных теоретиков, «мозговой трест» потерпел фиаско в этом отношении, «преуспев» только в низкопробном антикоммунизме (что не вызвало энтузиазма у буржуазных идеологов, уныло замечавших по этому поводу: нельзя быть только против чего-то, нужно быть и за что-то).

Доктрина «массового общества» — специфическое мироощущение, критичное в своей основе. Но критицизм этот не наступательный, а скорее глубоко пессимистический и скептический; он исходит из ощущения глубокого кризиса, который переживает современное западное общество с характерными для него милитаризмом, бюрократизмом, манипулированием людьми, ростом преступности, социальных болезней. Это, несомненно, трагическое мироощущение, диапазон которого — от смутного понимания того, что рушатся традиционные ценности, до осознания гибели капиталистического общества; в этом мироощущении — тоска по «доброму старому времени», по капитализму свободной конкуренции и одновременно панихида по нему.

Подобное мироощущение — свидетельство кризисных явлений в современной буржуазной социологии; в нем получил отражение крах либеральных иллюзий капитализма свободной конкуренции, крах идей буржуазной демократии, прогресса, идеалов Просвещения (их предпочитают ныне именовать «мифами просвещения») с их верой в разум, в стремление людей к свободе, к раскрытию своих талантов и способностей. Идеи, развивавшиеся теоретиками нарождавшейся буржуазии, давно уже отступили перед современной капиталистической действительностью. Э. Уолтер, например, определяет концепцию «массового общества» как «социальное видение, при-

званное заменить миф о прогрессе, разуме, свободе и цивилизации» (119, 393).

Итак, теории «массового общества» — это отказ от идей, с которыми выступала буржуазия в период Просвещения, реакция на неосуществимость этих идеалов в буржуазном обществе, разбитых реальными процессами развития государственно-монополистического капитализма. Уолтер, как и другие буржуазные социологи, находит в теориях «массового общества» многое от «идеологизма XIX века» и призывает к дальнейшему очищению социологии от «остатков иллюзий» XVIII—XIX веков, которое лишь частично проделано доктриной «массового общества»: «В настоящее время идея («массового общества». — Г. А.) является более поэтической, чем теоретической, она циркулирует между фактом и предположением, как обычно случается с мифом... идея массового общества является инверсией мифа о прогрессе, разуме, свободе и цивилизации, но покоится на тех же метафизических основаниях. Миф о прогрессе ответствен за раннюю главу в истории социологии. Соответственно, новая глава может быть написана, когда идея массового общества прояснится и социальные факты будут интерпретированы более правильно» (119, 410).

Каков же все-таки реальный адрес критики «массового общества»? Что представляет собой в действительности та модель, которую создали его теоретики в качестве мишени для критического обстрела? Может быть, эта мишень всего-навсего социологическая копия знаменитых ветряных мельниц, с которыми воевал Дон Кихот? Нет ничего ошибочней, чем объявлять конструкцию «массового общества» пустой выдумкой. В ней получили своеобразное отражение, пусть неадекватное, реальные процессы и тенденции, характерные для капиталистической действительности в стадии ее зрелости. В сущности, эта концепция лишь зашифрованное описание явлений и процессов государственно-монополистического капитализма (которое сплошь и рядом незаконно распространяется на все «современное общество»).

И концепции «массового общества» можно рассматривать как способ описания этой социальной

системы, функционирующей в условиях сохранения буржуазной демократии, описания, в котором критика имманентных сторон современного капитализма — бюрократизации, отчуждения личности, манипулирования людьми — отрывается от их существенных причин, прежде всего от капиталистического способа производства. Вместо того чтобы обрушиться на действительную причину фиксируемого ими кризисного состояния современного западного общества, большинство критиков «массового общества» нашло более доступную мишень — «человека массы», созданного государственно-монополистической системой и являющегося ее жертвой.

Эволюция доктрины

В исходных своих положениях рассматриваемые концепции и родились-то вместе с капитализмом и по мере его развития все более явно обнаруживали свое как критическое, так и апологетическое содержание. Чтобы разобраться в нем, нам придется обратиться к истории социологической мысли XIX века. Как правило, при анализе той или иной идеологической концепции исторические экскурсы играют лишь вспомогательную роль, ее развитая форма служит ключом для раскрытия смысла ранних, еще не оформившихся набросков теории. В концепциях «массового общества» все обстоит иначе. Первые варианты их куда более откровенны и определены, чем современные (сплошь и рядом противоречащие друг другу) концепции. Дело в том, что представления о «массовом обществе» вообще не являются продуктом какой-либо научной теории, преемственно развивающейся во времени. Это скорее общий идеологический язык, на котором говорят сторонники различных социологических и политических теорий, язык, над подлинным происхождением которого многие уже не задумываются. Выражения «масса», «массовизация» разные авторы интерпретируют по-разному, но никто из них не может полностью освободиться от власти первоначального смысла этих категорий, от того способа восприятия общественных отношений, который с помощью данных категорий был впервые выражен и зафиксирован. Что же представляет собой способ восприятия, под власть которого подпа-

дает всякий теоретик «массового общества», какую бы позицию — либеральную, радикальную или консервативную — он ни занимал?

Истоки доктрины «массового общества» — в консервативно романтической критике капитализма со стороны классов, утрачивающих сословные привилегии и оплакивающих патриархальный жизненный уклад, бессильный перед лицом господства холодного расчета и голого чистогана (Э. Бэрк, Ж. де Местр, консервативные романтики Германии и Франции). И первым целостным вариантом доктрины был консервативный, или «аристократический», вариант¹. Первые концепции «массового общества» явились (это признают и буржуазные исследователи; см. 92, 21) аристократической критикой социальных изменений XVIII—XIX веков. Большинство современных критиков «массового общества» ссылаются как на своих предшественников на Лебона, Ницше, Бердяева, Ортегу-и-Гассета. Ницше, пожалуй, наиболее яркий выразитель «бунта против массы». Его имя подчас стыдливо замалчивается нынешними теоретиками «массовой культуры», его циничная откровенность шокирует. А между тем Ницше, по сути дела, создал «азбуку доктрины», и его утверждение, что отныне главную роль играет масса — она преклоняется перед всем заурядным, — может быть использовано в качестве эпиграфа к сочинениям большинства современных критиков «массового общества» и «массовой культуры». Именно он высмеивал буржуазный мещанский рассудок, поставив под сомнение охраняемые им ценности, он с особой остротой почувствовал кризис буржуазного сознания. По сравнению с нынешними критиками «массовой культуры» Ницше более последователен и, несомненно, более выразителен в своей ненависти к массе, «нетворческому большинству», желающему использо-

¹ Помимо «аристократического» варианта доктрины в XIX веке начинает зарождаться и будущий либеральный вариант (критика Миллем, Токвилем отрицательных сторон буржуазной демократии с позиций буржуазного индивидуализма). В дальнейшем развитие доктрина интегрировала учение Тённиса о прединдустриальном и индустриальном типах социальной структуры и Дюркгейма о социальной солидарности и аномии.

вать орудие политической демократии для того, чтобы низвести до своего уровня подлинную элиту¹.

Признанные теоретические источники доктрины «массового общества» — «психология масс» Г. Лебона, утверждавшего, что общество вступило в анархический период «царства толпы», и культурно-социологическая концепция Ортеги, который ввел термин «человек — масса», до сих пор фигурирующий в работах большинства критиков «массового общества». «Аристократический» вариант доктрины получил наиболее законченное выражение в концепции «восстания масс» Ортеги, критиковавшего общество XX века с позиций идеализированной духовной элиты. «Неблагодарные» массы, вместо того чтобы следовать за элитой, рвутся к власти, хотя не обладают способностью управлять; это — причина катаклизмов века, конечным результатом их может быть только варварство. Возникнув в сфере социальной психологии (Лебон), концепции «массовизации» были перенесены в область культуры (Ортега) и другие сферы человеческой деятельности. И сформулированные Лебоном, Тардом, Ортегой характеристики психологии масс остаются основой этих концепций, проецируясь на экономику, социальные отношения, политику; в любом объекте рассматривается прежде всего один аспект: появление публики, массовой аудитории.

Доктрина «массового общества», таким образом, возникает как концепция откровенно антидемократическая, как способ видения мира защитниками привилегий аристократии. Никакие последующие истолкования и перелицовки не смогли до конца стереть с нее этого при рождении наложенного клейма. Создатели доктрины с ужасом взирали на буржуазную демократию, видя в ней порядок, чреватый массовым социалистическим движением. Умело спекулируя на ошибках и ограниченности незрелых мелкобуржуазных теорий социализма, они нарисовали карикатурную картину «социалистического будущего», картину общества, где осуществится полная духовная нивелировка индивидов и будут господст-

¹ У его продолжателя О. Шпенглера элита «массового общества» откровенно ориентирована на власть, это не титаны культуры, а финансовые магнаты и политические лидеры.

зовать «интересы желудка», где все подчинится слепой конформистской «тирании большинства».

В дальнейшем с этой карикатурой происходит, однако, любопытная метаморфоза. Сконструированная чисто спекулятивно, умозрительно, она внезапно обретает аналог в действительности. Буржуазная карикатура на социалистический строй оказывается достаточно точным описанием самого капитализма в эпоху развития государственно-монополистических тенденций, бюрократизации и фашизации общественной жизни. После установления фашистской диктатуры на Западе стали заявлять, что доктрина «массового общества» оказалась пророческой, а национал-социализм предугадали еще в прошлом веке. Показательно, однако, что, когда были предприняты попытки анализа фашизма в терминах и расчленениях доктрины «массового общества» (эти попытки образуют второй этап в истории рассматриваемых концепций), они сразу привели к грубым и принципиальным искажениям существа дела.

Вопрос о классовой природе фашизма неизменно оставался в тени, он заслонялся типологическими описаниями методов фашистской демагогии, социальной психологии масс, вовлеченных в национал-социалистическое движение. Реальные отношения были поставлены с ног на голову: фашизм, террористическую и шовинистическую диктатуру империализма, «антитоталитарные» критики «массового общества» К. Маннгейм и Э. Ледерер объясняли возросшей социальной активностью масс и отсутствием в Германии того времени стабильной элиты, которая могла бы противостоять давлению «толпы». Ледерера и его последователей отличают лживые необоснованные попытки объявить фашизм и социализм различными модальностями «массового общества», они доказывают, что «массовизация» — общая тенденция социальной жизни XX века, и пытаются обнаружить на этом основании общие черты, якобы присущие и капитализму, и социализму¹.

¹ В книге Ледерера «Государство масс. Угроза бесклассового общества» мы находим достаточно банальное для западных социологов изображение роли народных масс в истории как отрицательной, разрушительной. «Народ иррационален

Вместе с тем нельзя не отметить и другого важного обстоятельства. Если на первом этапе развития доктрины (конец XIX—первая треть XX века) основным объектом ее критики были демократические учреждения и нормы политической жизни буржуазного общества, то начиная с 30-х годов эта критика все чаще обращается против тех отношений и учреждений, в которых выразилось наступление монополистического капитала на демократию. И хотя сами критики «массового общества» весьма редко могли разглядеть действия невидимой руки монополий, в их работах все чаще стали появляться меткие описания процессов, происходящих в странах империализма. Это особенно характерно для тех теорий «массового общества», которые возникли во время и после второй мировой войны (третий этап, или вариант, доктрины, связанный с именами Э. Фромма, Х. Арендт, Р. Миллса, А. Видича, Дж. Бенсмена и др.)¹. Эти авторы выступают с критикой таких

и следует эмоциям» (94, 30),— клеветает Ледерер на народные массы, объявляя их движущей силой фашистской диктатуры. Фашизм — продукт гниения капитализма — он пытается выдать за результат активизма масс, «массового поведения».

У Маннгейма «массовое общество» — общество с высоким уровнем разделения труда и «функциональной рационализацией»; личность в нем выполняет предписанные «рациональные» роли. Привыкший быть управляемым, частичный человек в системе рационального разделения труда становится беспомощным в условиях общей дезорганизации социальной системы и может дать увлечь себя фашистскому движению, которое предлагает ему иллюзорный «смысл» его деятельности, окончательно подавляя тем самым его спонтанность. По Маннгейму, культурные ценности вырабатываются элитой; для гармоничной личности необходимо свободное время (это — идеал элиты); человек массы должен работать, чтобы существовать, его судьба — специализация. Маннгейм пытался демократизировать откровенно аристократическую элитарную концепцию культуры, найти «оптимальное» отношение элиты и масс. Ряд социологов, в том числе Х. Кэнтаро, считает, что концепция «массового общества» в ее современном виде начинается именно с Маннгейма.

¹ К этому варианту доктрины близок У. Корнхаузер, который в книге «Политика массового общества» пытался создать единую, обобщенную концепцию «массового общества», интегрировав как демократическую, так и «аристократическую» критику, а в последних работах — и четвертый вариант доктрины.

проявлений государственно-монополистической организации, как манипулятивный тип управления, рост бюрократизма, социальной атомизации, конформизма личности, социальной структуры, где господствует «всеобщее отчуждение», несущее распад личности, кризис социального общения, гибель культуры.

Именно этот, наиболее влиятельный ныне вариант доктрины подвергается критике со стороны ряда американских социологов — Белла, Липсета, Парсонса, Уолтера, супругов Бауэр, Этциони и других ревнителей государственно-монополистического статус-кво. Взгляды критиков «массового общества» объявляются «неоправданно критическими», неконструктивными. Даже слабый заряд критицизма беспокоит апологетов монополистического капитализма, усматривающих в критике опасность для «здорового социального сознания». Пессимизм критиков представляется неуместным трубадурам государственно-монополистической системы. Некоторые из них предлагают отбросить теории «массового общества», как устаревшие, другие — коренным образом трансформировать их, вывернув, так сказать, наизнанку и направив в русло оправдания существующего общества. Д. Белл, классифицируя теорию «массового общества» как идеологическую концепцию (и уже в силу этого ложную), пишет: «Теория массового общества не служит более описанием западного общества, выступая как идеология романтического протеста против современной жизни» (64, 36), как этакий интеллигентский снобизм. Белл, С. Липсет, Шилз, Т. Парсонс выступают против критики государственно-монополистического капитализма, присутствующей в большинстве работ теоретиков «массового общества» (критики как консервативной, так и либеральной); эта критика явно преувеличенно третируется как «дисфункциональная» с точки зрения существующей системы. Они «допускают» лишь критику отдельных недостатков, преодолимых в рамках системы капитализма, и особенно «одобряют» критику массовых движений, квалифицируемых как экстремистские.

Теории «массового общества» фиксируют кризисное состояние капиталистической системы (именно поэтому «розовые оптимисты» среди буржуазных

социологов и нападают на них); вместе с тем они пытаются увести из-под критики капитализм, взвалив вину за его кризисное состояние на массы, вторгающиеся в традиционные области элиты. Тем не менее ряд замечаний апологетических критиков критики «массового общества» не лишен оснований.

Параллельно с критикой извне делаются попытки радикально трансформировать, реконструировать доктрину, «убить ее изнутри». Результатом этих попыток явилась «позитивная» трактовка «массового общества» — новейший, четвертый по счету, вариант доктрины; на этом этапе теория «массового общества» оказывается включенной в официальную господствующую идеологию. Э. Шилз, Дон Мартиндейл и др., стараясь использовать популярность теорий «массового общества», спекулируя на ней, стремятся выхолостить их критическую направленность, трактуя их в плане апологии современного капитализма. Этот вариант доктрины получил значительное распространение в американской социологии, хотя, строго говоря, он не достоин именоваться старым именем. Как указывает, например, Шилз, специфика доктрины «массового общества» в том, что она «анализирует патологию современного (капиталистического) общества» (см. 88, v, 10, 64). Он же сам и его коллеги переводят проблему в план апологии официальной социальной структуры и все реальные проблемы, которые ставила критика «массового общества», снимают.

Новый вариант доктрины «массового общества» исходит из того, что социальные коллизии лучше всего разрешаются «законным» бюрократическим путем¹, что в условиях роста «среднего класса» жесткая

¹ Критика «массового общества» рассматривается при этом как одна из форм «отживающих идеологий», которым противостоит «деидеологизация», сциентизм, оказывающийся на деле специфической формой идеологии государственно-монополистического капитализма, точнее, идеологии управленческой бюрократии. Последняя оценивает все социальные проблемы как чисто технические, разрешимые компетентными специалистами внутри данной структуры (собственно, такими они и выглядят, если существующую социальную структуру считать заданной, неизменной). «Специфический идеал подобной бюрократии,— замечают Дж. Бенсмен и Б. Розенберг,— механическая эффективность при исполнении предписанных задач» (62, 508).

дихотомия элита — масса превратилась в атавизм, действительный для обществ, не достигших, по выражению У. Ростоу, «стадии зрелости». «Массовизация» все чаще интерпретируется в позитивном плане как процесс усреднения образа жизни больших масс людей, роста «средних слоев», в результате чего, уверяет Белл, массам становится доступным то, что еще недавно было исключительной привилегией элиты; государственно-монополистические институты рассматриваются как удовлетворяющие потребности масс. В итоге уже возникло якобы «общество согласия», в котором политика не есть отношение классов, а лишь техническое управление, искусство достижения компромиссов между различными группами населения. По Шилзу, институты «массового общества» «объединяют деятельность населения» (56, 3), способствуя его социальному единству, уменьшению разрыва между элитой и массой. Происходит «интеграция масс с центральными институциональными и ценностными системами» (56, 32), выработанными элитой, обуржуазивание масс.

В сущности, в «новейшем» варианте доктрины нет ничего принципиально нового, это всего лишь повторение известных теорий «единого индустриального общества», «государства всеобщего благоденствия» и других концепций «трансформированного капитализма» с использованием специфической терминологии «массового общества». «Позитивная» трактовка «массового общества» выливается в грубое искажение социальной структуры США: общество, которое весь мир (и большинство самих американцев) считает обществом насилия, сидящим на вулкане, раздираемым острейшими классовыми, расовыми противоречиями, изображается в идиллических красках всеобщего «материального благополучия и согласия».

Таким образом, доктрина «массового общества» на протяжении своей истории несколько раз меняла форму. В чем же причина этих метаморфоз? Да в том, что, будучи задуманной как широкая философско-историческая концепция, доктрина оказывалась каждый раз попыткой описания конкретных периодов и поворотов в развитии капиталистического общества. Отметим также, что данная нами классифи-

кация и особенно периодизация доктрины весьма условна: в действительности отмеченные выше подходы к интерпретации «массового общества» сосуществуют, развиваются параллельно. Так, было бы ошибочным считать, что «аристократический» и «антитоталитарный» варианты доктрины стали достоянием истории: эти варианты и поныне развивают С. Хаддлстон, С. Ориа (первый вариант), Х. Арендт, Р. Нисбет (второй вариант).

**Торжествующая
масса
или властвующая
элита?**

Всех, кто знакомится с работами теоретиков «массового общества», поражает исключительное разнообразие в трактовке этого понятия.

Такое разнообразие в общем-то и не удивительно, ибо всеми теоретиками «массового общества» (как сторонниками, так и критиками), в конечном счете, описываются одни и те же процессы, только оцениваются они по-разному. И даже тогда, когда эти оценки вроде бы исключают друг друга, у их авторов все же больше точек соприкосновения, чем разногласий. Так, одни оценивают ситуацию, сложившуюся в «массовом обществе», как «торжество масс», другие — как господство элиты. И вместе с тем даже крайние сторонники второго толкования (например, Р. Миллс) не утверждают, что элита в этом обществе может делать все, что пожелает. Нет, она господствует, ориентируясь на массу («политически инертное общество»). С другой стороны, те, кто кричат о «засилье масс» в нашем веке (Р. Страус-Хюпе, С. Хаддлстон), отмечают, что сама масса все более подвержена воздействию элиты. И чтобы правильно ориентироваться в различных точках зрения, необходимо выяснить, какие стороны государственно-монополистической организации являются объектом обличения в каждом конкретном случае и какова действительная мера этого критицизма.

Наибольший интерес представляет «демократическая» критика «массового общества». В работах левых критиков можно увидеть своеобразное отражение того факта, что развитие монополистического капитализма сопровождается наступлением реакции, фашизацией политической жизни, отказом от буржуазно-демократических свобод. Однако отражение

это неадекватное, внутренне противоречивое. Дело в том, что «демократическая» критика пользуется не ею самой выработанным интеллектуальным орудием, а системой воззрений, основные понятия которой были созданы еще защитниками привилегий аристократии; она движется в русле уже готовых категорий, перетолковывая их, меняя акценты, выворачивая наизнанку идеи предшественников. Это социальная критика, видящая мир сквозь призму категорий, созданных антидемократами, и потому неизбежно оказывающаяся половинчатой, ограниченной; над ней довлеют старые традиции и каноны. Это сказывается прежде всего в том, что во всякой теории «массового общества» элита и масса (как бы ни определялись отношения между ними) по традиции признаются основными, ни к чему другому не сводимыми сегментами социальной структуры. Деление на элиту и массу играет здесь роль исходного расчленения — постулата, закрывающего путь к анализу более глубокой, классово-социальной дифференциации современного капитализма¹.

Критики «массового общества» сходятся в том, что в этом обществе нарушены «нормальные» взаимоотношения между элитой и массой, что порождает неустойчивость социума. Но в определении причин этого нарушения они далеко не единодушны. Поэтому необходимо выявить чрезвычайно важные для пони-

¹ Характерна в этом отношении попытка классифицировать концепции «массового общества», предпринятая У. Корнхаузером. Он разделил критиков на «аристократических» (Лебон, Буркхард, Ортега, Вирек) и «демократических» (Ледерер, Арндт, Миллс). Вот критерий, положенный в основу его классификации: «Любая теория, находящая главную черту массового общества в том, что вторжение масс подвергает опасности элиту, может быть классифицирована как «аристократическая», а любая теория, находящая главную черту массового общества в том, что атомизированные неэлиты подвергаются опасности господства со стороны элит, может быть классифицирована как «демократическая»» (92, 24). Представители «аристократической» концепции делают упор на элиты и приходят к выводу об их слабости и упадке. Представители «демократической» концепции анализируют преимущественно массу и приходят к выводу о ее инертности (что не вполне точно: Миллс пришел к подобным выводам, анализируя по преимуществу именно элиту).

мания существа проблемы расслоения в среде критиков, в том числе «демократических».

В сборнике «Культура и социальный характер», посвященном десятилетию нашумевшей книги Д. Рисмена «Одинокая толпа», Корнхаузер опубликовал интересную статью, анализирующую расхождение между Рисменом и Миллсом в вопросе о сущности «массового общества» и о структуре власти в современных США. Автор констатирует, что «Властвующая элита» Миллса и «Одинокая толпа» Рисмена пользуются наибольшей известностью среди американских социологов и широких кругов интеллигенции, причем книга Миллса благожелательно встречена радикальной интеллигенцией, а книга Рисмена нашла наибольший отклик среди либералов (97, 252). Миллс показывает, что реальную власть в современном американском обществе осуществляет узкий верхушечный слой (властвующая элита), а народ фактически бесправен. Рисмен не может согласиться с таким выводом, разоблачающим лицемерие буржуазной демократии. По его мнению, вопрос «кто властвует в США» носит дискуссионный характер, поскольку «ситуация гораздо более аморфна и неопределенна», чем кажется на первый взгляд. Сущность американской социально-политической системы (сущность, постоянно искажаемую в реальной практике) Рисмен видит в распределении власти между различными автономными группами, обладающими правом вето в сфере своих интересов. Баланс этих групп обеспечивает, по его мнению, демократию, препятствуя монополизации власти одной какой-либо группой.

Миллс рисует пирамиду власти в США, включающую три уровня: реальная власть осуществляется властвующей элитой (в нее входят монополисты, правительственные лидеры, верхушка военщины); «средний уровень власти», отражающий групповые интересы, играет второстепенную роль, наиболее заметную в залах конгресса; наконец, уровень «фактического бесправия» — масса, или политически инертное общество. Пирамида власти, рисуемая Рисменом, состоит из двух уровней, которые, грубо говоря, соответствуют второму и третьему уровню модели Мил-

лса. Верхний уровень пирамиды Рисмена — «вето-группы». Каждая из них занята прежде всего защитой своих интересов, блокируя усилия других групп, которые им угрожают. Низший уровень пирамиды — «неорганизованная публика». Группы, концентрирующиеся вокруг определенных интересов, пытаются не столько господствовать над этой «публикой», сколько привлечь ее в качестве союзника в своих маневрах против действительной или мнимой угрозы ущемления их юрисдикции. Поэтому Рисмен утверждает, что существует «плюрализм структур власти», что «власть в Америке кажется ситуационной и подвижной» (110, 257).

Миллс приводит огромный материал, свидетельствующий о том, что реальная власть в США концентрируется в руках узкого круга лиц при отстранении от управления страной народных масс. Считается, что власть принадлежит народу и его избранным представителям, в действительности же она — в руках тех, кто занимает ключевые позиции в мире бизнеса и бюрократии¹. Рисмен противопоставляет этому заключению свою концепцию «неопределенности», «дисперсии» власти.

Он считает упрощенным «мнение радикалов» о том, что Америкой управляет Уолл-стрит (добавляя, что многие радикалы сомкнулись с консерваторами в борьбе против коррупции и средств массовых коммуникаций). Утверждение, что в США правит (или должно править) меньшинство, он отвергает как «марксистский классовый анализ» (в первом случае) и «аристократический подход» (во втором), допуская, однако, что оно справедливо для времени, которое уходит в прошлое. Рисмен, строго говоря, не считает, что его идеал «балансирующих veto-групп» уже осуществлен в США; он защищает не столько существ-

¹ Точку зрения Миллса поддерживает Ф. Хантер, признающий, что корпорации контролируют всю политическую машину США сверху донизу, приспособлявая ее к своим нуждам (84, 252). Он приводит свидетельство финансового туза, заявившего: «Когда мне надо, чтобы Вашингтон сделал что-то для меня, я встречаюсь с несколькими знакомыми сенаторами, членами палаты представителей, парой министров и возвращаюсь к себе, ожидая быстрых и положительных решений».

вующий режим, сколько усмотренные в нем «внутренние тенденции». Несоответствие американской действительности сконструированному им идеалу политической жизни Рисмен готов объяснить досадными упущениями, расстройством соответствующих механизмов контроля и т. п. Как ни ярка порой критика Рисмена, буржуазная ограниченность не позволяет ему ставить вопрос о принципиальной невозможности осуществления идеала «вето-групп» в условиях господства монополий. Его «политический плюрализм», по существу, идеологизация буржуазно-демократических свобод, прикрывающих всевластие монополий.

Если Миллс приближается к пониманию реальной структуры власти в США, показывая, что власть элиты базируется на взаимосвязанных и переплетающихся интересах корпораций, политических и военных учреждений, то Рисмен рассуждает об аморфности власти, отражающей интересы главных «организованных групп» (политических партий, групп бизнеса, профсоюзов и т. д.), которые «преуспели в маневрировании и могут нейтрализовать тех, кто их атакует» (110, 244). К тому же Рисмен впадает в крайний субъективизм, утверждая, что главное не столько материальные возможности власти, сколько психические состояния людей: насколько они чувствуют себя сильными или, наоборот, зависимыми¹. Что касается Миллса, то он также обнаруживает известную непоследовательность, находя в составе властвующей элиты три якобы независимые силы, хотя приводимые им самим данные не оставляют сомнения в том, что политические деятели и верхушка военщины, связанные с финансовой олигархией, занимают под-

¹ Рисмен пишет: «Если бизнесмены чувствуют себя слабыми и зависимыми, они действительно становятся слабее безотносительно к ресурсам, которыми располагают». Мы далеки от мысли оспаривать точку зрения, что если человек чувствует себя увереннее, он ведет себя соответствующим образом; мы лишь против гипертрофирования этого положения. А именно так поступают социологи, утверждающие, как Т. Парсонс, что основная дифференциация людей носит психологический характер, и делящие людей на самоуверенных, ориентирующихся на «лидерство», «популярность», и неуверенных, склонных к подчинению (42, 61).

чиненное положение в структуре их империи. Непоследовательность Миллса — уступка теории «баланса элит», вносящей в его концепцию элемент эклектизма.

Нужно признать, что обе концепции имеют определенные корни в современной капиталистической действительности. Дело в том, что все большая концентрация власти в руках финансовых магнатов сопровождается стремлением тщательно замаскировать этот процесс, придать ему «демократические» формы, прикрыть его пропагандистской деятельностью гигантского масштаба.

Если господствующие классы докапиталистических формаций («традиционные элиты») узаконивали свое господство де-юре, сопровождали его внешними атрибутами власти, которые должны были поразить и ослепить подданных, то особенностью господства финансовой олигархии является стремление замаскировать свою власть. Господство монополистической элиты по видимости безлично: эта элита не имеет своего лица, она подчеркнута заурядна, ее образ жизни — образец дурного вкуса, она демократична на словах, хотя подражает старой аристократической элите (во всяком случае, в стенах своих имений) на деле. Элита финансистов ничем не обогатила культуру, а тем более мораль, так что у ее апологетов не осталось того идеологического прикрытия, к которому прибегали для оправдания «традиционных элит»; оттого-то «аристократические критики» отказываются, как правило, от социологического заземления элиты.

Интересно, что эта безликость монополистической элиты не только не скрывается, но и широко рекламируется. Буржуазные социальные психологи, специалисты по рекламе пытаются создать иллюзию близости элиты к массам (в противоположность «старым элитам»). Поскольку «современная элита» поощряет и инспирирует эту пропагандистскую кампанию, часто говорят, что она «работает под массу». Широко используются средства массового общения, для того чтобы трудящиеся поверили, будто современные руководители политики и бизнеса — «свои парни», которым можно довериться: у них костюм того же по-

кроя, что и у представителей «среднего класса», стоя перед телекамерой, они добродушно улыбаются, за просто похлопывают по плечу рабочего или клерка. На экранах кино и телевизоров обыватель видит большого босса в домашнем кругу, как тот ковыряется в саду, шутит с детьми, ему «доверительно» сообщают о его маленьких слабостях, его хобби. Все это создает атмосферу иллюзорной интимности, цель которой — прикрыть тот факт, что элита финансовой олигархии превратилась в замкнутую касту. Американский социолог Ф. Ландберг писал, что представители американской элиты рождаются в пурпурных мантиях, что владельцы крупных состояний организованы в защитные фаланги, напоминающие иерархию династий эпохи феодализма. Однако этот все возрастающий разрыв между элитой и массой происходит как бы в шапке-невидимке, он маскируется противоположным процессом обезличивания элиты, создающим видимость ее полной зависимости от масс. Чем более эта элита превращается в замкнутую касту, в наследственную группу с крайне низкой мобильностью, тем зауряднее ее представители, тем более они могут соответствовать вкусам и симпатиям обывателя.

Как раз с этой точки зрения спор Миллса и Рисмена весьма показателен. Миллс выявляет наиболее существенные зависимости в развитии современного капитализма — процесс концентрации власти в руках финансовой олигархии и зависимых от нее элитных групп. При этом, однако, он зачастую отвлекается от внешней формы процесса, от важных для социологического анализа проявлений сущности. Последнее как раз и противопоставляет ему Рисмен. Если сущность политической структуры современного капитализма элитарная, то ее оболочка по видимости демократична. Механизм этого сокрытия может быть предметом социологического и социально-психологического исследования. Рисмен и обращает главное внимание на те зависимости, которые обеспечивают маскировку господства современной капиталистической элиты, на внешне демократичный и обезличенный механизм осуществления элитой власти, на «превращенную форму» определенного обществен-

ного отношения. При социологическом анализе необходимо учитывать оба эти аспекта. Важно показать, что современное капиталистическое общество элитарно по своей сущности (это в значительной степени удалось Миллсу), но необходимо раскрыть и социально-психологический механизм господства элиты (оказавшийся в центре внимания Рисмена и абсолютизированный им). Можно сказать, что Миллс слишком прямолинеен и иногда недооценивает сложных окольных путей, используя которые элита реализует свою власть. Процесс, сущность которого выделил Миллс, на поверхности выступает так, как его описал Рисмен. Оба рассматривают одни и те же зависимости, но первый — в их сущности, второй — в их внешних проявлениях, в их повседневной наличности; один описывает процесс, так сказать, изнутри, другой — снаружи.

**Элита, масса и
«промежуточные
группы»**

Теоретики «массового общества», определяя его структуру прежде всего с точки зрения отношений между элитой и массой, претендуют на создание модели, в которой были бы учтены взаимоотношения обеих этих структурных элементов. Большинство социологов исходит из признания необходимости сосредоточить руководство социальной жизнью в руках узкого круга людей, обладающих определенным статусом, престижем и влиянием (элит). «В любой большой и сложной системе, — пишет Корнхаузер, — защита стандартов необходимо должна быть сосредоточена в руках сравнительно небольшого количества людей, обладающих ценностями и умением; без элит не обойтись» (92, 52). Для приверженца доктрины «массового общества» это аксиома, вопрос заключается лишь в том, кто может получить доступ в элиты и оказать на них влияние.

Трагедия «массового общества», по мнению большинства его критиков, состоит в том, что элита становится слишком доступной главным образом благодаря ее высокой социальной мобильности. Однако концепция широкого проникновения в элиту из «низших страт» была развенчана Миллсом, Ландбергом и другими исследователями, и сегодня лишь немногие могут усомниться в том, что капиталистическая эли-

та — узкая группа с крайне низким уровнем социальной мобильности. Поэтому ныне буржуазные теоретики (Корнхаузер, Липсет и др.) предпочитают переносить вопрос о «доступности элит» в плоскость анализа подверженности их влиянию со стороны неэлит. Но это — очередная пропагандистская концепция, в которой столько же истины, сколько и в концепции высокой мобильности элиты. По существу, здесь в несколько завуалированной форме протаскивается мысль о том, что социальное происхождение и положение правящей элиты не имеет существенного значения, что она «надклассова» в том смысле, что выносит беспристрастные, оптимальные решения в той или иной ситуации «государства благоденствия». Получается, будто и без представительства рабочего класса в Конгрессе США его интересы учитываются, принимаются во внимание элитой, которая понимает, что в случае принятия решений, противоречащих интересам рабочих, последние могут дать отпор, что приведет к «ненужной» классовой борьбе. Цель подобной теории очевидна: обосновать отстранение трудящихся масс от управления общественной жизнью.

То, что буржуазные социологи описывают как «подверженность элиты влиянию масс», на деле есть лишь новая техника, с помощью которой достигается идейное господство над массами. Финансовая олигархия управляет, опираясь на весьма сложный, гибкий, хорошо замуфлированный механизм. Если предшествовавшие эксплуататорские классы («традиционные элиты») осуществляли свое господство путем системы прямых приказов, то современные элиты используют своеобразные схемы «обратных связей», включают в свою пропаганду то, что на поверхности выступает как продукт собственного мышления масс. Важной деталью этой сложной техники является фабрикация элитой того, что она называет «общественным мнением». Было бы упрощением считать, что элита просто обманывает массы (в принципе невозможно обмануть людей, которые прежде сами в чем-то не обманывались). Массам не просто преподносятся та или иная идея, нужная элите, но совершенно чуждая им. Нет, в процессе фабрикации «обществен-

ного мнения» тщательно изучаются и культивируются предрассудки масс, обреченных в условиях капитализма на культурную отсталость. Умело воздействуя на массовую психологию, элита мобилизует те «мнения», которые ей выгодны. Правящая элита использует подобное «общественное мнение» как инструмент управления массами, как средство социального контроля. Даже такой апологет монополий, как А. Берль, с издевкой пишет о «пропагандистских машинах, принимающих за народные решения эхо собственных барабанов». При поверхностном рассмотрении данный процесс выглядит как «заземление» идей, приспособление их к запросам массовой аудитории, как уступка массе со стороны элиты. Эта чисто внешняя, затемняющая суть дела зависимость и абсолютизируется в работах многочисленных теоретиков «массового общества».

Отсюда — бесконечные разговоры об утрате элитой былой автономии, которую оплакивают «аристократические» критики, и столь же бесконечные разговоры демократических критиков о «доступных» и «завербованных» элитой массах.

Существует, однако, и некоторая «промежуточная» позиция, отличающаяся как от «демократической», так и от «аристократической» критики. И одним из наиболее заметных ее представителей является Корнхаузер. Говоря об односторонности и «аристократических» и «демократических» критиков, он рассматривает «массовое общество» как социальную систему, в которой «элиты весьма доступны влиянию со стороны не-элит, а не-элиты весьма доступны для мобилизации их элитой» (92, 39).

Исходя из вечности деления общества на элиту и массу, Корнхаузер строит типологию социальных структур с точки зрения отношения элит и не-элит. «Общинное общество» (близкое к понятию «традиционного общества», искусственно объединяющего докапиталистические формации) характеризуется недоступными элитами (они наследственны) и неподатливыми не-элитами (связанными принадлежностью к общине). В «тоталитарном» обществе элита недоступна, а массы податливы (они не включены в автономные группы и легко мобилизуются элитой). «Мас-

совое общество» — общество доступной элиты и податливых не-элит, в нем отсутствуют «промежуточные группы», в результате чего социальная активность его членов выливается во «вторжение в жизненно важные центры общества». Вот истинная подоплека буржуазной критики «массового общества»: в нем массы вторгаются в политику, оказывая давление на элиту. В обществе, где люди разобщены и социально отчуждены, где порожденная отчуждением от «традиционных связей» апатия масс перерастает в активность, массы, стоявшие ранее вне политики, переходят к «демагогическим атакам на существующую социальную систему» (92, 61). Такого рода «массовое поведение» в отличие от поведения людей, принадлежащих к «независимым группам» и склонных к поддержанию «традиционных норм», представляет опасность для существующего социального режима.

Как видим, Корнхаузер сам не свободен от «аристократического видения». Во имя «сохранения демократии» он требует сдерживать тенденции к массовизации, которые видит в утере автономии элитами и независимой жизни — не-элитами. «Высокая скорость массового движения может ожидаться, когда как элитам, так и не-элитам не хватает социальной изоляции, т. е. когда элиты подвержены прямой интервенции со стороны не-элит и когда не-элиты подвержены мобилизации со стороны элит» (92, 42). В «аристократическо-демократической» концепции Корнхаузера нет ничего подлинно демократического, его программа направлена фактически на усиление изоляции между элитой и массой и укрепление кастовости в современном капиталистическом обществе.

Альтернативой «массовому обществу» Корнхаузер считает «плюралистическое общество», социальную систему, где люди объединены в многочисленные «промежуточные» группы (социальные слои, организации, добровольные общества и т. д.), которые образуют своеобразный буфер, устраняющий непосредственные контакты элиты и масс. Таким путем конструируется идеализированный образ буржуазной демократии, в которой будто бы ликвидируется

социальная атомизация и массы защищаются от произвола элиты сетью независимых групп.

По Корнхаузеру, во всех обществах, кроме примитивных, существуют три уровня социальных отношений: первый — личные отношения, их основная ячейка — семья; третий — отношения государственные, национальные; второй же уровень включает «промежуточные отношения» — местные общины, добровольные ассоциации, профессиональные объединения и т. д. «В массовом обществе промежуточные отношения не развиты, поэтому индивидуум и первичная группа прямо соотносятся с государством и организациями национального масштаба» (92, 74—75). В этих условиях «элиты и не-элиты прямо зависят друг от друга: существует непосредственный доступ в элиты и прямая манипуляция не-элитами... Такова ситуация массового общества» (92, 100). Она-то и порождает «массовое поведение».

Что касается плюралистического общества, то в нем социальные группы, большие, чем семья, и меньшие, чем государство, действуют, чтобы соединить (и одновременно разъединить) элиты и массы. «Главной гарантией против узурпации элитой власти является существование множества групп, достаточно равных по силе, чтобы породить истинную конкуренцию за лидерство» (92, 226), — пишет Корнхаузер, повторяя, по существу, концепцию «вето-групп» Рисмена (их именуют в буржуазной социологии также «группами давления», «лобби-группами»). В «плюралистическом» обществе, полагает он, ликвидируется база для массовых движений, исключается непосредственное вмешательство масс в политику, а революционные движения заменяются «конкуренцией лидеров», широкими дискуссиями и реформистской деятельностью властей.

Основную мысль своей концепции Корнхаузер формулирует так: «Эффективное участие в социальной жизни большого общества требует групп, промежуточных между семьей и нацией; слабость такой структуры создает подверженность общества массовым движениям... индивидуум, у которого есть личные связи, но нет более широких связей в обществе, более подвержен массовой активности» (92, 93). Он

приводит статистические данные по США для подтверждения своего тезиса о том, что в «спокойное время» среди атомизированных людей выше процент людей аполитичных. Зато в годы кризисов больший процент именно атомизированных людей, не входящих в промежуточные группы, вовлекается в массовые движения. Этот критик «массового общества», именующий себя либералом, призывает охватить массы «добропорядочными», лояльными по отношению к капиталистической системе группами, не предоставлять массы самим себе, ибо это опасно для элиты.

Марксистский анализ без труда устанавливает, что теория «плюралистического общества» — мещанская иллюзия людей, принимающих капитализм, но желающих его «улучшить». Мы готовы предположить, что Корнхаузер руководствовался благими намерениями, но объективный смысл его программы — привязать массы к капитализму с помощью сети буржуазных коллективов, создать при помощи «буферных групп» механизм более мягкой стыковки масс с правящей элитой. Для того чтобы народные массы, отстраненные от участия в управлении обществом, субъективно не ощущали себя отчужденными от жизни «большого мира», предлагается отвлечь их, занять деятельностью в промежуточных группах, создать для них суррогат социальной жизни. «Позитивная программа» сторонников плюралистического общества крайне скудна, это нечто вроде «теории малых дел», заштопывания отдельных прорех капитализма во имя увековечения этого строя.

Было бы неправильным игнорировать вопрос о так называемых «промежуточных отношениях», как и вопрос об организациях масс, каналах их деятельности. Больше того, воздействие народных масс на политическую жизнь капиталистического общества в периоды более или менее «мирного» его развития осуществляется через их организации. Но все дело в том, что теоретики «массового общества» готовы признать только те каналы и те организации, которые лояльны по отношению к «макроструктуре» общества, т. е. к капиталистическому строю. Никто из них не возражает против общества защиты живот-

ных и врагов алкоголя или церковных конгрегаций,— они не угрожают «макроструктуре», и участие в них дает человеку определенное удовлетворение потребности в общении, в социальной деятельности. Но вот участие в коммунистической партии уже другое дело: это массовая организация, нацеливающая людей на «вторжение в жизненные центры государства» и поэтому осуждаемая буржуазными идеологами.

Тезис Корнхаузера и других либеральных критиков «массового общества» о развитии «промежуточных отношений» как панацее против язв капиталистического общества оказывается весьма уязвимым. Нужно отдать должное, например, Р. Миллсу или Э. Фромму, которые видят, что организации, созданные под эгидой монополий, бюрократизируются и «предрасположены к конформизму». Использование концепции «промежуточных отношений», пишет А. Стюарт, «ведет к тому, что придается все большее значение «группизму» (добавим: буржуазному группизму.— Г. А.). Неизбежная бюрократизация этих групп обуславливает то, что они не приносят облегчения индивиду и в то же время ничуть не мешают росту этатизма» (114, 24).

Но наряду с этой критикой «слева» Корнхаузер и его сторонники подвергаются критике «справа». И как раз последняя связана с переходом от третьего к четвертому варианту доктрины «массового общества». Ведь и прямые апологеты капитала не прочь занять массы деятельностью в локальных организациях, канализировать их активность в нужном для себя (или, по крайней мере, безопасном для системы) русле, оградив «жизненные центры» общества (и это, собственно, давно делается; вспомним хотя бы теорию и практику «человеческих отношений»). Г. Виленский оспаривает тезис Корнхаузера о том, что «промежуточные отношения» растворяются в «массовом обществе», считая, что «первичные группы (т. е. группы, возникающие в результате непосредственных контактов индивидов.— А. Г.) возрождаются, даже процветают», развиваются и неформальные отношения (121, 174—175). Белл также пишет, что тезис о гибели промежуточных отношений и растущем отчуждении в «массовом обществе» опровергается фак-

том существования в США 200 тысяч добровольных организаций, клубов, общин, объединяющих около 80 миллионов человек (64, 30—33). Этциони критикует «модель общества, предполагающую прямое взаимодействие между лидером и атомизированными массами», доказывая, что ныне «национальные элиты уделяют большую часть времени и энергии работе с организованными коллективами и их элитами и только небольшую — на прямые призывы к народу» (77, 433).

Перед лицом этой критики Корнхаузер ныне вынужден несколько смягчить свою первоначальную точку зрения: «Исследователи массового общества считают,— пишет он,— что функции первичных групп падают в условиях массового общества, а не то, что они отсутствуют» (88, v, 10, 62).

Но это все же скорее частности, не устраняющие известного «единства» всех теоретиков «массового общества». Главный объект нападок критиков «массового общества» (как, впрочем, и его защитников) — это революционные массовые движения. В них они видят основную угрозу «институтизированному образу жизни». Буржуазия согласна на любые формы и механизмы господства, но только не на вмешательство масс в политику. Она боится изменения статус-кво непосредственными действиями масс, отвергающих «обычный» путь больших дискуссий и малых реформ. Массовые движения объявляются угрозой демократии; политическая активность масс третируется как «массовая политика», обвиняется в недемократизме, ибо идет вразрез с конституционными нормами и процедурами. В «массовом обществе» население имеет тенденцию непосредственно вторгаться в политику, пишет Корнхаузер в поддержку плюралистического общества, где метод участия масс менее прямой, менее активистский. Тут явно обнажаются пороки насквозь формальной классификации Корнхаузера: «использование неинститутизированных средств», «устремленность в центры общества» рассматриваются как экстремизм. Но тогда пришлось бы считать «недемократичным» любое революционное движение. Буржуазные теоретики утверждают, что в массовое движение толкает людей мелкобуржуаз-

ная зависть, авантюризм дезинтегрированной личности. Экономические, классовые причины массовых движений остаются нераскрытыми. Ограничение активности масс как нельзя более импонирует теоретикам «массового общества», оно и представляет собой, собственно, основную идею рассматриваемой доктрины. Страх перед народом, перед его творческой активностью, революционной энергией, стремление удержать массы в угнетенном, зависимом положении — характерные черты идеологии реакционного класса, пытающегося любыми средствами сохранить свое политическое господство.

Как целостная концепция доктрина «массового общества» создается буржуазными теоретиками в ответ на настоятельную потребность описания и объяснения двух социальных тенденций, с особой силой проявившихся в XX веке, но обозначившихся еще раньше, причем действующих не в чистом виде, а имеющих как бы свои контртенденции. Первая из них — возрастание роли народных масс в историческом развитии (и антипод этой тенденции — формирование консервативной массы, в которой ищет опору эксплуататорское меньшинство). Вторая — это рост классовой поляризации, обострение классовых антагонизмов (и ее продукт, превращенная форма и одновременно контртенденция — то, что в буржуазной социологии именуется дестратификацией, т. е. видимость сближения социальных групп и слоев). Обе тенденции обусловлены сдвигами в социальной структуре общества, ломкой старых, традиционных социальных дифференциаций, порожденной, в частности, научно-технической революцией. Процесс этот рассматривается апологетами государственно-монополистического капитализма (Беллом, Шилзом) как движение в сторону преодоления классовых антагонизмов, тогда как в действительности они воспроизводятся в новых и, как правило, более острых формах.

Указанные тенденции вскрыты еще К. Марксом и Ф. Энгельсом. Именно ими раскрыт закон возрастания роли народных масс в историческом процессе,

обосновывающий увеличение объема массы населения, оказывающей непосредственное воздействие на ход общественного развития. В соответствии с этим, чем больше объем массы, вовлеченной в активное социальное действие, тем глубже, значительнее общественное преобразование. Вместе с тем в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс охарактеризовал и противоположный процесс формирования деклассированной, консервативной массы, которая становится основой бонапартистского типа власти. Бонапартизм возникает в период кризиса верхов, неспособных сохранять свое господство прежними методами, и ищет опоры в наименее развитых слоях населения (в условиях середины XIX века во Франции — в атомизированной крестьянской массе, лишь объективно составляющей класс, но не ставшей классом для себя).

В концепциях «массового общества» указанные тенденции описываются неадекватно, их анализ производится с позиций реакционного класса, антагониста народных масс. И хотя либеральные критики «массового общества» не устают уверять, что они против консервативной массы, против экстремизма «во всех формах», объективно доктрина направлена прежде всего против революционных движений масс. Именно возрастание роли народных масс осмысливается буржуазными идеологами как «буйство толпы», сокрушающей ценности культуры. Буржуазный обыватель при этом запугивается отрицательными последствиями «гипердемократии», создающей условия для торжества «грядущего хама». Эти тенденции воплощаются в первых вариантах доктрины «массового общества».

Однако ныне требования монополистической буржуазии к своим идеологам вышли за рамки критики массовых движений. Государственно-монополистический капитализм стремится прежде всего стабилизировать себя как систему, во-вторых, он страстно мечтает о контрастном наступлении против социализма. А для этого ему необходима политическая армия, определенная массовая опора. И правящая элита лихорадочно ищет такую социальную базу. Ее стратегические замыслы заключаются в том, чтобы, с одной

стороны, оторвать широкие массы от революционного движения и превратить их в «молчаливое большинство», хотя и пассивное, но лояльное по отношению к существующей системе («функциональное», говоря словами Парсонса), а с другой — сформировать консервативную массу как важное средство борьбы против антикапиталистических движений. Вербовка консервативной массы — «опоры режима» — оказывается в фокусе внимания политической и идеологической элиты. Задача видится в создании аполитичной, безыдейной массы, заботящейся исключительно о потреблении, массы, которая перестала быть опасной для монополистической буржуазии и, напротив, стала ее опорой. Ставка делается на «средние слои» с мелкобуржуазной идеологией (что не означает численного преобладания мелкой буржуазии; сюда входят и все растущие «новые средние слои», прежде всего «беловоротничковые», и часть рабочего класса, находящегося под влиянием буржуазной идеологии и задетого благодеяниями «общества изобилия»).

Что касается второй тенденции, называемой в западной социологии «дестратификацией», то в действительности этот процесс представляет собой конгломерат разнотипных явлений, общих, однако, в том плане, что они как бы размывают классовую дифференциацию, маскируют ее. Одна группа этих явлений связана с изменениями социальной структуры, в процессе которых большие группы населения оказываются в определенное время в переходном состоянии; это процесс разложения определенных социальных групп, связанных со старыми производственными отношениями. Такова поляризация рынка мелких производителей, в процессе которой часть их разоряется, выталкивается в разряд «излишнего» населения и мигрирует в индустриальные центры, пополняя армию наемного труда (или безработных). Став объективно пролетарием, бывший мелкий буржуа рассматривает это свое состояние как временное, как трагическую неудачу в своей жизни, в его сознании почти полностью сохраняется мелкобуржуазный индивидуализм. Таким образом, то, что рассматривается как дестратификация, оказывается изменениями в классовых структурах. Далее, к подобному типу

явлений относится и образование люмпен-пролетариата, опустившихся на дно деклассированных элементов, которые могут образовывать значительные прослойки населения в современных капиталистических странах. Третий тип «дестратификации» связан с повышением уровня доходов определенных слоев населения капиталистических стран, сближением характера потребления различных социальных групп (отсюда — возможность разрушения классового самосознания части трудящихся и их обуржуазивания, «подключения» их к государственно-монополистической системе); он широко описывается в буржуазной социологической литературе, как правило, в плане апологии современного капитализма, «доказательства» его социальной однородности¹. В таких описаниях выступающее на поверхности явление абсолютизируется, ссылкой на него маскируются существенные процессы, связанные с углублением социальных антагонизмов (а Г. Маркузе и ряд «новых левых», извращая этот же процесс, пишут об «интеграции» рабочего класса в системе капитализма).

Государственно-монополистический капитализм ведет не к социальной однородности общества, а, напротив, «углубляет пропасть между трудом и капиталом, между большинством нации и монополиями» (6, 27). В действительности происходит не «гомогенизация единого народа», а поляризация классовых сил, не рост «единого среднего класса», а пролетаризация населения, быстрое увеличение лиц наемного труда (особенно рабочих в сфере обращения и услуг, слоев интеллигенции и служащих, наиболее близких по своему положению к пролетариату). А на другом полюсе — концентрация богатств в руках элиты финансового капитала. Всего несколько сот богатейших

¹ Эти социальные процессы (в том числе рост квалифицированных рабочих, служащих, интеллигенции) послужили основой известных теорий о «доминировании среднего класса» (в них широко используются индексы дохода и занятости) и об «исчезновении классов», авторы которых ссылаются на уравнивание в типах жилищ, одежды, доступность товаров длительного пользования (см. 29). Отдельные изменения в уровнях доходов, структурах потребления происходят в условиях капитализма, но это не меняет эксплуататорской сущности капиталистических производственных отношений.

семейств США держат в своих руках львиную долю всех промышленных активов, осуществляя полный контроль над экономикой страны. А в это время свыше 35 миллионов американских семейств страдают от недопотребления (9, 1969, № 49, 9). Таков в действительности «единый гомогенный народ».

Рассмотренные социальные процессы и находят отражение в доктрине «массового общества». Неудивительно, что наиболее фундаментальным для нее является понятие «масса», которое используется всеми вариантами доктрины (многие авторы справедливо указывают на то, что феномен массы и массовых движений прототипичен по отношению к «массовому обществу»).

Само понимание содержания категории «масса» крайне неопределенно из-за огромной пестроты в толковании этого понятия, которая приводит порой к тому, что конфликтующие концепции имеют в виду совершенно различные вещи, а спор напоминает диалог глухих. Уже само неоднозначное употребление таких понятий, как «народ», «толпа», «публика», «масса», может служить основой для фальсификаций (особенно когда на место понятия «народные массы» подставляется понятие «толпа»)¹. Подобное смешение имеет давние традиции: еще Платон третировал людей физического труда как толпу, чернь; на протяжении столетий термины «народ», «толпа», «масса», «чернь» употреблялись как синонимы. В этом проявился традиционный подход идеологов эксплуататорских классов, их презрительное отношение к народным массам как к толпе, лишенной разума.

В любых концепциях буржуазных социологов игнорируется самое главное — классовое содержание социально-политической категории «народные массы». Разоблачив измышления буржуазных идеоло-

¹ В различных трактовках буржуазных социологов «масса» понимается 1) как гетерогенная аудитория, противостоящая классу и относительно гомогенным сегментам; 2) как уровень некомпетентности, как снижение цивилизации; 3) как результат машинной техники; 4) как «сверхорганизованное» (Маннгейм), бюрократизированное общество; 5) как толпа. Ряд критиков «массового общества» связывают с этой категорией тенденцию к устранению социальных различий (Ледерер), к униформизму, отчуждению (64, 22—23).

гов о «безликости» и «аморфности» массы, марксизм-ленинизм показал, что в классовых обществах народ состоит из различных классов и прослоек, что это исторически изменяющееся, развивающееся единство определенных классов общества. Народ составляют прежде всего трудящиеся, непосредственные создатели материальных ценностей; вместе с тем на определенных этапах общественного развития к нему могут относиться нетрудящиеся классы и слои, которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества и активно выступают совместно с трудящимися против отживающих социальных отношений (см. подробнее 15, 33—45).

Общая антинародная направленность реакционной идеологии обнаруживается и в методологических установках и исходных принципах, используемых при построении теорий «массового общества». Суть их заключается в стремлении исключить из социологического анализа классовые отношения, отношения собственности и ограничить его только межличностными, интерперсональными отношениями, перевести его в русло частных эмпирических исследований. Сюда следует добавить еще и психологический редуционизм. Ограничивая свою задачу исследованием «микроотношений», социолог тем самым закрывает себе пути действительного изучения роли народных масс и личности в истории. Эту проблему в принципе невозможно решить на примере небольшой, как правило случайной группы. Шаткость постулата о том, что «микроструктура» общества (уровень интерперсональных отношений в малых группах) изоморфна его «макроструктуре», отмечают и более дальновидные буржуазные социологи (например, А. Этциони, см. 77). Эмпирические исследования малых групп сами по себе, разумеется, правомерны, но необходимо решительно возразить против попыток придать выводам из этих наблюдений общесоциологическое значение. Социологи США пишут о «массовизации» «вообще», хотя исследуют ту или иную группу американцев, пренебрегая тем, что отношения в ней во многом обусловлены более общими социальными структурами.

По своему происхождению категория «масса» в использовании буржуазных социологов прежде всего социально-психологический термин. Он выработан в ходе эмпирического наблюдения над непосредственно обозримыми множествами индивидов (поведением толпы на улице, публики в театре и т. д.). В каждом таком случае обращало на себя внимание возникновение некоторой психической общности, заставляющей индивидов вести себя иначе, чем в случае, если бы они действовали изолированно, и нередко примитивизирующей их поведение. В дальнейшем эта эмпирическая констатация превращается в абстрактную модель, которая прилагается к самым различным сферам общественных отношений, к человеческим множествам, уже не являющимся непосредственно обозримыми. Психологическая схема толпы переносится, скажем, на массу избирателей, хотя пространственная близость между ними отсутствует, психологическая схема публики — на всех потребителей духовной продукции, хотя они и не связаны единой аудиторией. Этот способ восприятия социальной действительности приводит к реакционным выводам, когда термин «толпа» подставляется на место социально-политической категории «народные массы», когда революционное массовое движение подводится под типологическую конструкцию, выработанную при наблюдении случайного сборища, косной, обывательской аудитории. Саму доктрину (по крайней мере в момент ее зарождения) можно в известном смысле рассматривать как перенос понятия «масса» на общество в целом; она родилась как перенос на все общество социально-психологических наблюдений над поведением толп, массовых движений, как описание функционирования общества по способу поведения массы.

Эволюция буржуазной социологии, в частности доктрины «массового общества», привела к изменениям понятия «масса», она же требовала дифференциации терминов «масса», «толпа», «публика». Эволюция эта в своих основных чертах может быть представлена следующим образом. На первом этапе развития доктрины (Буркхард, Лебон, Ортега) «масса» в соответствии с исходными установками теоре-

тиков «массовизации» рассматривается как буйствующая толпа, как рвущаяся к власти чернь, ниспровергающая традиционную элиту и угрожающая человеческой культуре. На втором этапе первоначальный смысл категории «масса» во многом сохраняется (Маннгейм, Ледерер еще отождествляли массу и толпу), однако характерно, что масса выступает здесь главным образом как консервативная сила, завербованная элитой и манипулируемая ею при помощи тоталитарного политического аппарата и системы массовых коммуникаций. На третьем этапе развития доктрины подчеркивается отчуждение личности в массе, постепенно пересматривается отношение к ней как к толпе, к социально-психологической общности, основанной на сильных эмоциональных воздействиях, и обнаруживается, что «современная масса» — эта «толпа одиноких», атомизированных личностей; принимается подход Блюмера к массе как к разнородной совокупности атомизированных индивидов, слабо взаимодействующих друг с другом. В этом варианте «массовое общество» предстает как общество растущей дезинтеграции социально-атомизированных, отчужденных людей. В четвертом, откровенно апологетическом варианте доктрины масса — социально однородное образование, интегрированное государственно-монополистической системой, удовлетворенное своим положением в ней, отказавшееся от «бессмысленной» оппозиционности и разделяющее официально санкционированные ценности культуры и политики. Это якобы результат «стирания классовых стилей жизни» (Белл), движения к социальной однородности.

Хотя понятие «масса» изменялось на каждом из основных этапов эволюции доктрины «массового общества», между различными интерпретациями этого понятия в любом из вариантов имеется принципиальная общность, связанная с негативистской интерпретацией массы, с социально-психологической трактовкой ее и т. д. Ниже мы попытаемся более подробно проследить указанную эволюцию, а также проанализировать основные расчленения («масса», «народ», «толпа», «публика», «латентная», «наличная» масса), введенные западными социологами.

Масса как толпа Общепризнано, что концепции «массового общества» специфичны для последних ста лет. Тем более удивительно, признает Э. Уолтер, что наиболее фундаментальная категория, на которой основываются указанные концепции,— категория «масса» взята из описания толпы самыми консервативными теоретиками прошлого, типа Берка и де-Местра, причем и в их работах трактовка массы как «великого животного», «яростной толпы», «свинячего множества» была скорее пережитком, чем новаторством (119, 398). Буржуазные историки доктрины «массового общества» не могут не признать, что термины «масса», «толпа» принадлежит языку аристократической критики прогрессивных изменений XVIII—XIX веков (92, 21—23).

В XIX веке защитники исчезающих сословных привилегий именовали пугающую их историческую силу «толпой», «массой». Именно с помощью этих понятий, употребляя их как синонимы и прилагая к трудящимся массам (хотя Лебон и оговаривал, что массовому поведению подвержена не только толпа рабочих, но и академиков), авторы первых вариантов доктрины попытались интерпретировать социальные изменения своего времени. Все это не более как выражение классовой позиции теоретиков эксплуататоров, направленной на дискредитацию массовых движений трудящихся.

У Сигеле, Лебона, Г. Тарда, Н. Михайловского моделью массы является толпа. Толпа рассматривается как психологический феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии, случайности повода, вызвавшего ее образование. В толпе образуется социально-психологическое («духовное») единство — «душа толпы» (Лебон); толпа проникается определенными общими чувствами, взаимовнушение дает ей колоссальное увеличение энергии, под влиянием такого внушения в толпе глушится, исчезает сознательная личность¹.

¹ С точки зрения ходячих буржуазных представлений о массе характерна позиция С. Ориа. Доктрина «массового общества», по его мнению, выполнила задачу «анализа трансформации, перенесенной обществом под влиянием плебей-

Толпа, с точки зрения Сигеле, объект не социологии, а психологии, точнее, коллективной психопатологии и психиатрии.

По Тарду, толпа формируется прежде всего благодаря взаимной симпатии, «этому источнику подражательности»; на первый план выступают эмоции, объединяющие людей. Интенсифицируясь, они заглушают голос рассудка. Сигеле, Лебон считали, что толпа, масса легче объединяется на отрицательных чувствах, чем на положительных; на толпу, в отрицательном направлении действует ощущение безответственности, испытываемое отдельными ее членами. И хотя Лебон и Тард допускают существование «героических толп», они считают, что гораздо больше шансов в пользу того, что в толпе возьмут верх низменные страсти. Сигеле добавляет, что могущество толпы прямо пропорционально ее численности. Тард пишет, что отдельные мнения в толпе (массе), сближаясь и опираясь на взаимную поддержку, приобретают характер непоколебимых верований, выливаются в фанатизм.

То общее, что объединяет всех названных авторов, можно суммировать следующим образом: 1) Толпа, масса рассматривается не просто как агрегат, но как единое целое, оказывающее подавляющее воздействие на психику составляющих ее людей. 2) Толпа оценивается как «организм низшего порядка» (Тард) по сравнению с «цивилизованной общностью». Люди в массе объединены на основе наиболее сильных и вместе с тем элементарных эмоций и идей, доступных всем ее членам (т. е. рассчитанных на низший общий знаменатель), поэтому интеллектуальный и моральный уровень толпы ниже «нормального» со-

ского духа... Тогда было пущено в обращение понятие «масса», чтобы подчеркнуть появление толп на сцене истории. Термин «масса» заимствован из физики, где он относится к единообразному поведению материи. Его употребление в общественных науках указывает на аналогию ситуаций. Индивиды, составляющие народные массы, так похожи друг на друга установками, вкусами, что кажутся повторением одного и того же психологического клише. Каждый воспроизводит стиль анонимной жизни, духовного склада, который принадлежит не ему, но общественной группе, частью которой он является» (85, 196—197).

стояния членов данного общества. 3) Личность в массе нивелируется, «опускается вниз по лестнице цивилизации». В изолированном положении, пишет Лебон об агенте массового действия, «он может быть культурным человеком, в толпе это — варвар, то есть существо инстинктивное». Общим является также стремление буржуазных теоретиков объяснить чисто психологическими зависимостями такие противоположные социальные явления, как революционный порыв масс и суд Линча, энтузиазм коллектива и поведение паникующей толпы. Таковы те основные теоретические положения, которые позднейшая буржуазная социология критиковала, пересматривала, видоизменяла, но из-под влияния которых так и не освободилась¹.

Каков же реальный смысл всех этих построений?

Бросается в глаза, что для буржуазных теоретиков характерен уход от главного — от анализа наиболее глубоких, устойчивых социальных общностей, прежде всего классов, и акцентирование внимания на производной от классовой структуры общности (типа толпы). Причем, несмотря на тщательную маскировку, классовая направленность критики «омассовления» очевидна: главный противник один, и имя ему пролетарский коллективизм. В подчеркивании опасности «омассовления», пагубности «сверх-

¹ Для современной буржуазной социологии характерно главным образом стремление вложить отрицательный смысл в само понятие «масса». Для Ортеги это «усередненная, худшая часть людей» (108, 109), для Г. Марселя — «сниженный уровень человечества», для А. Тойнби — косная сила, противостоящая творческому меньшинству.

Стала банальной точка зрения на массу как на общность, в которой люди теряют индивидуальность, становятся ущербными, готовыми в озлоблении своем к бессмысленным разрушительным действиям. Г. Хенстенберг рассматривает массу как болезнь общности, в которой личность деградирует. Ж. Лякруа утверждает, что «масса состоит из индивидов, индивидуальность которых уничтожена, как бы поглощена... это потеря личности в пользу стадного и одновременного атомизированного индивида, потеря суждения в пользу лозунга, потеря внутренней глубокой жизни в пользу стадной экзальтации» (52, 1953, № 198, 29). Луи Боден считает, что «масса ведет себя как упрощенная личность. Она сохраняет общие черты и исключает индивидуальное превосходство...» Аналогичных рассуждений можно привести сколько угодно.

социализации», превращающей человека в конформиста, в простого агента социальных влияний, в безликий автомат, явственно проявляется страх буржуазии перед организацией масс. Индивидуалистический протест против коллективизма как «потери личности» глубоко реакционен.

Но за этой реакционностью скрывается постановка немаловажной — и реальной — проблемы. Дело в том, что, не имея возможности прямо отрицать роль народных масс в истории, буржуазные теоретики переводят этот вопрос в плоскость исследования массовидного субъекта, его характера и структуры, вызываемой «омассовлением», степени нивелировки личности, подавления ее спонтанности, превращения в конформиста. Мы, очевидно, имеем дело с неадекватной постановкой реальной проблемы: каково различие взаимоотношений индивидов в псевдоколлективе, представляющем собой обезличенную массу, и в «личностном» коллективе. Действительная задача состоит в том, чтобы заменить состояние социальной жизни (характерное для капитализма, особенно на монополистической стадии), в котором группа выступает как безликая масса, нивелирующая личность, коллективизмом, создающим простор для всестороннего развития личности (что возможно в условиях ликвидации эксплуататорских отношений). Именно в бюрократизированной государственно-монополистической структуре подлинная коллективность подменяется ее суррогатом, нивелирующим индивидуальности, удерживающим массы в системе отношений господства и подчинения. Напротив, участие рабочего в организованной борьбе за социальное освобождение способствует развитию его личности.

Классовая ограниченность мешает буржуазным социологам сформулировать проблему таким образом. Близкие к экзистенциализму социологи пишут, что личность сохраняет свою целостность, пока она асоциальна; социализация личности несет угрозу погружения ее в «неподлинные коммуникации», это путь к конформизму, к редуцированию личности. Произвольно сконструированный конфликт индивида и коллектива рассматривается как вневременной,

хотя за «вневременными» проблемами явственно проглядывают отношения государственно-монополистического капитализма, в условиях которого социализация действительно выступает как предпосылка конформизма. Буржуазные индивидуалисты совершают жульнический трюк: абсолютизируя псевдоколлектив, они нападают на коллектив как таковой и превращают его в силу, якобы подавляющую личность. На словах все это предпринимается во имя личности; на деле же упомянутый трюк имеет целью защитить капитализм от организованной, массовой борьбы трудящихся.

Возвращаясь к лебоновской интерпретации массы, отметим, что толпа не может выступать первоосновой человеческой общности, это не более чем форма, которая наполняется определенным социальным содержанием. Б. Ф. Поршнев отмечает, что «идеальная» толпа, описываемая Лебоном в качестве совершенно случайного и аморфного скопления, на практике почти не встречается (во всяком случае как социально значимая сила, а не просто толпа зевак на улице), она ничего общего не имеет с более или менее однородной массой во время революционных выступлений, демонстраций и т. д. «Несомненно, что это самая начальная и самая низшая, можно сказать, всего лишь исходная форма социально-психологической общности» (28, 91).

Отметим вместе с тем, что в буржуазной социологии нет недостатка в критике лебоновского понимания массы за его априоризм, отсутствие эмпирической базы и т. д. В толковании «инстинктов масс» теоретики «массового общества» все больше идут по пути фрейдизма (хотя между концепцией Лебона и Фрейда много общего¹ и второй с почтением цитировал первого). Фрейдизм подверг сомнению тезис Лебона о том, что в массе с утратой индивидуальности возникает особое групповое сознание, «дух

¹ Деятельность массы рассматривалась Фрейдом как возврат к психической деятельности предшествовавших фаз развития человечества, как «возрождение примитивной орды», в которой «нисколько не удивляясь, мы встречаем дикаря или ребенка».

толпы»¹. Поведение массы, толпы истолковывается фрейдистами как «освобождение импульсов, подавленных условиями повседневной жизни и социального контроля» (100, 430). В лебоновской трактовке важнейшими характеристиками массы признаются ее спонтанность, временный и неорганизованный характер; фрейдисты же, опираясь на свои социально-психологические исследования, доказывают, что масса может быть сознательно формируемым образованием², не обязательно временным, эфемерным, но подчас длительным, даже постоянным, не обязательно аморфным, но и опирающимся на массовые организации. (Так что эволюция лебоновского понимания массы оказывается переосмыслением самой исходной модели этого понимания.) Если в социально-психологической литературе XIX века понятие «массовое поведение» применялось лишь к отдельным сегментам социальной жизни, то в XX веке оно все чаще используется для характеристики общества в целом. Поскольку массовое поведение в традициях Лебона — Сигеле отождествлялось с поведением толпы, теоретики «массового общества» первого поколения приходили к выводу, что общество все более превращается в толпу, функционируя по ее законам.

Масса и публика Большинству современных теоретиков «массового общества» такой подход представляется во многом неудовлетворительным. Рассматривая западное общество как «становящееся все более массой», они уже не утверждают, что оно превращается в толпу. Признается, что старое понимание массы приложимо (и то отчасти) к периодам революций, массовых движений, в периоды же «нормального» функционирования западного общества доминирование массы обнаруживается каким-то иным способом (а для буржуазного теоретика «нормальные» периоды — те, в которые массы

¹ «Нет действительных свидетельств тому, что «групповой разум» существует независимо от разума индивидуальных членов толпы или других групп, таких, как публика, масса» (100, 429).

² По Фрейду, масса — образование не обязательно спонтанное, она может создаваться произвольно и превращаться в объект манипуляций.

безропотно дают себя эксплуатировать. Высмеивая эти мещанские представления, В. И. Ленин писал, что для марксиста революция и есть самый «нормальный» порядок в истории).

Прежде всего, ставится под сомнение тезис об интенсивном взаимодействии индивидов, составляющих массу. Он находится в явном противоречии с эмпирически фиксируемыми тенденциями современного капиталистического общества — ростом атомизации, некоммуникабельности его членов, отчуждения. Новый подход к описанию социально-психологической ситуации «массового общества» потребовал известного переосмысления категории «масса». Адекватной моделью массы выступает теперь не толпа, а публика; активистского участника толпы сменяет зритель.

Различение категорий «толпа» и «публика» имеет свою предысторию. Впервые оно было предложено Тардом, требовавшим «перестать смешивать толпу и публику»: в первой люди физически сплочены, во второй — рассеяны, первая «гораздо более нетерпима», вторая более пассивна и более «цивилизована». Отсюда Тард делает вывод о желательности замены толпы публикой¹. Ясно видно, что за этим различием скрывается определенная, весьма консервативная установка — растворение активистской массы в конгломерате более или менее пассивных «публик», с тем чтобы избавить правящую элиту от давления организованных масс. Позднее Р. Парк специально исследовал различия между «массой», которую он рассматривал как толпу, считая непосредственное взаимодействие индивидов психологическим условием образования «массы», и «публикой», у которой такое «взаимодействие может отсутствовать».

¹ Тард пишет о нетерпимости «всякой толпы, а следовательно и всякой нации, среди которой преобладает дух толпы, потому что толпа захватывает в себя все существо человека и увлекает его с непреодолимой силой, не встречающей себе никакого противовеса. Отсюда же вытекает и выгода постепенной замены толпы публикою, ибо такое преобразование всегда сопровождается выигрышем в терпимости...» (44, 9—10). Публика понималась Тардом «в смысле чисто духовного собирательного целого, в котором индивиды физически рассеяны...» (44, 1).

Тем не менее пионером нового подхода к пониманию массы считается американский социолог Г. Блюмер. Моделью его массы была аудитория кинотеатров (он и занимался одно время исследованием кинозрителей). Масса кинозрителей не является сильно взаимодействующей, объединенной одним стремлением (в этом ее несомненное отличие от активистской толпы Лебона); напротив, индивиды, составляющие эту аудиторию, обособлены, атомизированы. Главными характеристиками массы Блюмер считает анонимность и изолированность ее членов, слабое взаимодействие между ними, случайность их социального происхождения и положения («масса» включает представителей различных стран, профессий, «культурных срезов»), отсутствие организованности (организации) или неопределенность этой организации (67, 185—186).

Если раньше масса рассматривалась преимущественно как образование, основанное на «психо-физической близости» составляющих ее индивидов, то теперь утверждается, что социально-психологическими взаимоотношениями, классифицируемыми как «массовизация», охвачены люди, в действительности отчужденные друг от друга и не находящиеся в непосредственном контакте друг с другом. Причем новая концепция массы не просто исключает предшествовавшую, но претендует на более широкое объяснение зафиксированных ею зависимостей: приватизация (ограничение интересов личности потреблением, семьей и т. д.), атомизация личности, выпадение ее из сложившейся системы социальных связей в результате дестратификации рассматриваются как источник наспех устанавливаемой близости в активистской толпе. «Толпа одиноких» (Рисмен) — предельно яркая, лапидарная характеристика массы в системе современного капитализма; люди буржуазного мира чувствуют себя отчужденными от него, от других людей; отношения между ними проявляются в форме недоверия и враждебности. Под массой все чаще понимают социально-психологическую общность, которая при развитых средствах массового общения может создаваться и вне непосредственного контакта (при этом ряд эффектов, характерных для

взаимодействия индивидов в толпе,— усереднение их восприятий на низшем уровне, усиление эмоций и т. д.— сохраняются).

Модель массы как публики возникает, когда наряду с феноменом «массового общества» исследуется феномен «массовой культуры». Причем в процессе анализа «массовой культуры» и средств массовой коммуникации эволюционирует и понятие «публика». У Тарда моделью публики выступали читатели газет, у Блюмера — кинозрители (как образец урбанизированной массы). В дальнейших исследованиях «массовой культуры» модель Блюмера частично пересматривается. Его кинозрители еще связаны непосредственными контактами в единой аудитории; в современных же исследованиях «массовой культуры» преобладает интерес к раздробленной публике, не связанной непосредственными контактами. Идеальной моделью такой публики оказываются телезрители, связанные лишь единством содержания воспринимаемого зрелища. Общепринятым в буржуазной социологии становится определение публики Г. Лассуэллом как совокупности людей, объединенных общезначимыми для них символами.

«Массовая культура» и направлена на производство пассивной «публики», внимающей буржуазным «отцам нации», на отвлечение масс от творческой, революционно-преобразовательной деятельности. Представители позднейших вариантов доктрины «массового общества» понимают массу как «политически индифферентных людей» (Х. Арндт, 58, 305). Ф. Альбертони отмечает, что если для западных исследователей первой половины века «массификация» означала пролетаризацию масс и рост их политической активности, то ныне с «массификацией» связываются тенденции противоположного характера, прежде всего постепенный процесс деградации интереса к политическим проблемам.

Масса и «страты» Более развитая концепция массы в буржуазной социологии связана с попыткой подхода к выяснению отношений классов (впрочем, чаще говорят о «стратах») и масс — проблеме, поставленной марксизмом более столетия назад. Нужно сказать, что само обращение к этой проблеме

свидетельствует о крахе традиционного для буржуазной социологии игнорирования классов и классовой борьбы при анализе массовых движений, о неудаче формального психологического описания этих движений как явлений «массовой параной» и других психических аномалий; обнаружилась теоретическая бесплодность абстрактного противопоставления личности и массы, столь характерного для буржуазной социологии. Ряд социологов попытались сделать основным стержнем анализа «массового феномена» другую пару категорий, противопоставив «устойчивые социальные группы» и массу.

Даже некоторые социологи-немарксисты ныне видят неудовлетворительность концепций, игнорирующих социально-классовый характер массовых движений. Отсюда, с одной стороны, призывы к сочетанию концепции «массового общества» с классовым подходом (например, высказанные японскими социалистами в журнале «Тюокорон») или, чаще, с суррогатом этого подхода — «социальной стратификацией» масс, а с другой — критика лебоновского понимания массы как совершенно бесструктурного образования. Саму массу (отождествляемую то с толпой, то с публикой) начинают рассматривать как социальную группу, правда весьма нестабильную (см. 100, 421). Следовательно, вся проблема принимает вид вопроса об отношении массы и стабильных социальных групп.

Еще со времени возникновения второго варианта доктрины (Ледерер) обозначилась тенденция рассматривать массу как продукт дестратификации, как составленную преимущественно из деклассированных элементов. Характерно, что американский социолог Х. Элснер недавно выразил надежду на то, что «теории массового общества усовершенствуются до того, чтобы определить, какие группы и при каких условиях становятся массами, то есть смещенными армейскими офицерами, безработными интеллектуалами, разоренными буржуа, безработными рабочими и т. д.» (76, 204). Ряд социологов рассматривают «массу» как «аутсайдеров индустриального общества», его «дно», совокупность выбитых из колеи людей, не находящих себе места в «обществе процвета-

ния» и представляющих потенциальную угрозу социальной системе¹. Это — «периферия» общества. Применительно к США сюда относят безработных, «неопределившуюся» молодежь типа хиппи, угнетенные национальные меньшинства — негров, пуэрториканцев, всех, кому не досталось «сладкого пирога» в «государстве всеобщего благоденствия». В таком понимании масса — заведомо меньшинство общества; большинство же, включая основные слои рабочего класса, рассматривается как «интегрированное» внутри «индустриального общества», функциональное по отношению к нему, управляемое специфическими для него средствами².

Четвертый вариант доктрины и рассматривает массу как «интегрированное системой большинство», «завербованное» элитой и ставшее ее опорой. Насколько этот подход близок официальной пропаганде США, можно судить по одной из речей Р. Никсона осенью 1969 г. Апеллируя к «молчаливому большинству», он стремился создать впечатление, что большинство населения США поддерживает правительство во вьетнамской агрессии и внутренней политике, образуя «функциональное», но пассивное, «молчаливое» большинство; напротив, недовольных — меньшинство, но это «крикливое меньшинство»³.

¹ Г. Маркузе, говоря о массах, имеет в виду «деклассированные слои, тех, кто не приспособился и, возможно, не может приспособиться: расовые и национальные меньшинства, постоянную армию безработных, нищих — они-то и создают, по существу, отрицание системы. Но ни степень их сознательности, ни их организация не достигли ступени, когда эти группы могли бы выступить в качестве субъекта социалистических тенденций».

² Характерно, что апологетический вариант доктрины идет рука об руку с «ультралевыми» типа Маркузе. И те и другие отрицают реальную социальную силу, способную противостоять системе государственно-монополистического капитализма, отрицают руководящую роль рабочего класса. Поэтому «ультралевые» фактически тормозят развитие борьбы прогрессивных сил против монополистического капитала.

³ Интересно, что вскоре после произнесения этой речи журнал «Ю. С. Ньюз энд Уорлд Репорт» вышел под заголовком «Восстание среднего класса. Молчаливое большинство зашевелилось». Журнал с явным сочувствием пишет, что «средняя Америка» активизируется, и это активизация кон-

Представители четвертого варианта доктрины рассматривают массовизацию как «дестратификацию» (в этом их близость со вторым вариантом), но опираются уже на иные аргументы, прежде всего на рост «среднего класса», на «депролетаризацию», возникшую якобы в результате роста заработной платы; они утверждают, что при капитализме происходит «исчезновение классов».

Итак, к традиционному для буржуазной социологии противопоставлению личности и массы добавилось противопоставление класса, социальной группы массе; «масса», следовательно, характеризуется как образование бесструктурное.

Определенным шагом на пути к такому пониманию было различие «наличной» и «латентной» массы, введенное еще в 30-х годах (Л. фон Визе, Флейгельс) и развитое в 50—60-х годах (Гофштеттер, Соди). Формирующаяся масса, лишенная прочных социальных корней, традиций, неуверенная метущаяся (латентная масса) отличается от массы актуальной, активистской, готовой на крайние действия, нарушающие «принятые процедуры» (наличная масса). «Латентной массой» фон Визе называет «межчеловеческое длительное образование, которое покрывается на неясном представлении его участников об общности судьбы и переживаний»; «наличной массой» — совокупность людей, действующих коллективно в конкретной, относительно непродолжительной ситуации под влиянием «аффектов, в большей или меньшей степени господствующих над всеми участниками» (20, 78). Наличная или актуальная масса, характеризующаяся «мятежным» поведением, формируется на основе латентной массы.

сервативного большинства. «Это белые американцы... преимущественно старше 21 года... это люди, которые зарабатывают на жизнь, платят налоги, уважают законы и бьются, чтобы свести концы с концами» (47, Nov., 24, 1969). Против кого выступает «молчаливое большинство»? Оказывается, против либеральной элиты, которая заигрывает с неграми, «красными», «розовыми». В качестве примера журнал приводит обращение к «простым американцам» кандидата в мэры Нью-Йорка М. Прокаччино, выступавшего против Линдсея и других «либералов в лимузинах». Журнал с сочувствием относится к демагогическим призывам полуфашистского типа против негров, «красных» и «либералов наверху».

Следует заметить, что в этих рассуждениях искажена реальная проблема: соотношение между классами и слоями, из которых формируется масса, и самой активной массой, складывающейся в те или иные исторические периоды. Бросается в глаза также субъективизм в трактовке «латентной массы», принадлежность к которой фон Визе усматривает не в социально-экономическом положении определенных классов, а только в совместных психологических переживаниях. В дальнейшем Э. Ледерер связывал «дестратификацию» с образованием реакционной конформистской массы. Вместе с Маннгеймом он считал, что «массовое общество» исключает классовую борьбу и характеризуется распространением и институтизированием масс.

Позднее поборником «стратификации» масс, включения их в многочисленные «промежуточные» группы выступил У. Корнхаузер. «Масса в простейшем смысле — агрегат людей, в котором не различаются группы или индивидуумы», — пишет он (88, vol. 10, 58). Корнхаузер предупреждает против смещения «массы» с рабочим классом, ибо «при определенных условиях любой класс может породить массу — большое число людей, не интегрированных в какие-либо социальные группы и классы» (92, 14). Развивая свою концепцию, Корнхаузер утверждает, что «классовая общность имеет тенденцию к утере своего значения, когда все население инкорпорируется в деятельности крупномасштабных организаций. Роль классовой дифференциации» (88, vol. 10, 59). Итак, и социальной идентичности падает. Классовые различия уменьшаются, и классовые границы затемняются. Классовое сознание и классовая солидарность растворяются в массовом сознании и массовой солидарности. Низшие классы все более вступают в область коммуникации, ранее доступную лишь высшим классам. Общие символы... сменяют концепцию классовой дифференциации» (88, vol. 10, 59). Итак, «массу» стали рассматривать как «антикласс». Эта концепция дополняется абсолютизацией процесса «деклассирования через Организацию»: у человека, работающего на Организацию («беловоротничкового» прежде всего), зачастую разрушается чувство при-

частности к классу, которое сменяется рассмотрением себя как человека Организации (Уайт), принятием установок организации. Если во втором и третьем вариантах исследуемой доктрины мы обнаруживаем индивидуалистический протест против порабощения личности организацией, то для четвертого характерна защита установок государственно-монополистического капитализма. При этом характерно, что стратификация, как и дестратификация рассматриваются как нечто такое, что можно искусственно насадить путем социального планирования, осуществляемого элитой. Нет сомнения в крайнем субъективизме рассматриваемого варианта понятия «масса».

Масса и народ Необходимо коснуться соотношения понятий «масса» и «народ» в современной буржуазной социологии. Следует строго различать понятие «народ» в социально-политическом и этнографическом смыслах; неоднозначное употребление термина часто служит буржуазным теоретикам для маскировки антагонистической структуры общества¹. Той же цели служит и употребление понятия «народ» в собирательном смысле, как синонима населения; по отношению к антагонистическим структурам такое понимание лишено научной ценности². Характерно, что понятие «народ» в устах буржуазных теоретиков обычно не несет негативного оттенка; в последнем смысле они говорят о «массе», «толпе», применяя эти понятия по

¹ Так, Дж. Сантаяна определяет народ как «цивилизованное племя, объединенное единством крови, языка, религии». Сантаяна смешивает народ с нацией, давая идеалистическое определение последней. У. Липпман полагает, что народ — «поток индивидов, связанный поколениями меняющихся людей. Это не только те, кто живет, но и те, кто умер и кто должен родиться... Народ — это объединение, сущность, которая остается, в то время как индивидуумы приходят и уходят из нее» (96, 35). Исходя из данного определения, он проводит различие между народом и избирателями: последние, находясь в плену своих непосредственных интересов, не представляют народ, избиратели меняются, народ остается; постичь его интересы может лишь подлинная элита.

² Вспомним в связи с этим, что фашистские идеологи рассматривали понятие «народ» как выражение «единства нации», мнимого отсутствия противоречий внутри буржуазной нации.

отношению к активистской части народных масс, выступающих за социальные преобразования, особенно к революционным массам. Подобное различие достаточно рельефно выражено в томистской социологии.

Т. Корбетт пишет о «противоположных статусах подлинного народа и масс», именно последние и являются объектом томистской критики. Корбетт ссылается на энциклику папы Пия XII, в которой тот охарактеризовал массы как «бесформенное множество, инертное само по себе и движимое извне...». В результате ловкого управления государство может использовать примитивную силу масс. В честолюбивых руках одного или немногих людей, искусственно объединившихся для эгоистических целей, «массы», низведенные до уровня машины, могут быть использованы государством для того, чтобы навязать свою волю «лучшей части подлинного народа». Итак, народ (прежде всего его «лучшая часть») — это благословенное богом образование, тогда как массы — образование богопротивное; именно на уровне массы разворачивается классовая борьба и происходят другие «нежелательные» процессы, как, например, утрата почтения к «традиционным ценностям», в том числе падение религиозной веры. Именно в «массе» люди «все больше и больше эмансипировались от тех общих религиозных верований и моральных стандартов, которые прежде формировали их жизнь. Так возникло новое социальное явление — образовались «массы», то есть большие скопления людей, не связанных друг с другом, не имеющих общих ценностей и убеждений; их духовное состояние все более характеризуется как вакуум» (71, 97).

* * *

Прослеженная эволюция представлений о «массе» наглядно обнаруживает классовую ограниченность буржуазных социологов. Очевидно, что размывание устойчивых социальных групп можно зафиксировать, лишь исходя из признания классовых дифференциаций и противоречий. Буржуазные социологи, игнорируя классовый анализ, рассматривают массу чисто формально, как «массу вообще». Но таковой

в действительности не существует. Есть революционная масса рабочих и крестьян, мелкобуржуазная масса обывателей и т. д. Собственно, и сами буржуазные социологи подставляют под абстрактные типологические характеристики «массы» трудящихся, борющихся против капитализма. Поэтому так настойчиво ставится задача «расчленив массы», связать их определенными группами, лояльными по отношению к существующему порядку, привязать массы к капитализму, «интегрировать» их в его системе.

Следует признать, что апатичная, политически инертная масса в условиях капитализма — реальный феномен. Монополистический капитализм порождает немало людей, травмированных и озлобленных неудачами в борьбе за «место под солнцем», дезориентированных и становящихся легкой добычей пропаганды. Нельзя не учитывать того, что современный капитализм обладает огромными средствами для подкупа и развращения части трудящихся, для формирования массы обывателей. Правящая монополистическая верхушка, играя на низменных чувствах подобной массы (формированию которых в немалой степени способствует информация, передаваемая по каналам массовых коммуникаций), использует ее как реакционную силу (причем элита, используя консервативную массу, в «благодарность» глумится над ней, презирает ее). По своим запросам, жизненным целям и ожиданиям это масса буржуазная, что не значит, будто она состоит из представителей буржуазии (ведь толпы американских расистов, улюлюкающих по адресу негритянских детей, осмелившихся пойти в школу «для белых», состоят не из миллионеров; не из представителей монополистической буржуазии состоят и толпы линчевателей). Правящей элите не нужно даже специально нанимать этих людей: воспитанные на буржуазных индивидуалистических идеалах, озлобленные крахом своих надежд, неизбежном в мире, построенном на бизнесе, оболваненные пропагандой, они не могут распознать своих действительных врагов. Главный источник зла они начинают усматривать в существовании нации-конкурента, в неграх, якобы претендующих на их работу, и т. д. Масса обывателей мо-

жет быть довольно пестрой в классовом отношении; она представляет собой конгломерат выходцев из различных социальных групп и слоев, цементируемый общностью житейских неудач, подачками, мас-сированным воздействием буржуазной пропаганды. Тон в этой массе, как правило, задают представители мелкой буржуазии, зачастую разорившиеся, деклассированные элементы, представители так называемых «непроизводительных» профессий. К этой массе иногда могут принадлежать и наименее развитые, отсталые слои рабочего класса, а также представители рабочей аристократии.

Одна из главных особенностей стратегии и тактики империалистической буржуазии состоит в том, что она пытается объединить подобных людей на почве политической незрелости, колебаний, частнособственнических установок и направить их против демократических и революционных сил. Общности трудящихся она противопоставляет массу людей отчаявшихся, усталых, политически равнодушных. Буржуазия не скупится на расходы, чтобы культивировать в народных массах свойства консервативной толпы, чтобы завербовать свое «большинство», на которое можно было бы опереться в сложных политических ситуациях.

Стремление реакционной монополистической буржуазии, особенно ее ультраправого крыла, найти массовую опору давно уже было разоблачено компартиями. XIII пленум ИККИ подчеркнул: «Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и в частности к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс» (4, 6). Соответственно меняет акценты и буржуазная социология. Открытое третирование массы уступает место растущему интересу к консервативной массе, к исследованию возможностей «возбуждения» массовых реакционных движений и т. п.

Порок доктрины «массового общества» не в том, что она обратилась к рассмотрению реакционной массы, которую действительно вербует и выращи-

вает капитализм, а в том, что она с самого начала отказалась от классово-социального анализа этого явления, объявив «массу» фатальным следствием индустриализации и урбанизации, что в ряде случаев она переносит абстрактные характеристики толпы на народные массы, на революционную борьбу трудящихся масс. Порок этой критики в том, что она нападает не на социальные отношения, порождающие консервативную массу, а на саму массу — жертву этих отношений, обвиняя ее в невежестве, отсталости, на которые ее обрекает капитализм. Именно такая критика стремится возложить ответственность за фашизм на массовые движения.

Следует иметь в виду, что доктрина «массового общества» разрабатывается буржуазными социологами в странах, сохранивших остатки буржуазной демократии; в этих условиях элита может порой испытывать бумеранговый эффект давления со стороны ранее сфабрикованной ею (и консервативной) массы. Представим себе перспективу некоторого «полевения» элиты, выдвижения новых, более реалистических лидеров. Ясно, что она с самого начала натолкнется на массу, завербованную своими более консервативными предшественниками, и будет вынуждена ориентироваться на нее. Рассмотренные в этой перспективе, массы обывателей оказались бы мощной инерциальной силой. Нельзя отрицать, что в какие-то моменты масса действительно может быть консервативной по отношению к личности, выступающей новатором (новая мысль не может прийти в голову одновременно тысячам людей). Все дело в том, что новаторство новаторству рознь: если оно отвечает классовым интересам трудящихся масс, то получает их поддержку и воплощается в жизнь чаще всего благодаря им; напротив, активность личности из эксплуататорских классов сталкивается с непониманием или враждебностью народных масс. Однако буржуазно-либеральные критики «массового общества» пренебрегают классовым анализом. Они «забывают», что для антагонистического общества, в котором управление — прерогатива реакционных эксплуататорских классов, положение, когда лидер «левее» массы, явно нетипично.

Нельзя не отметить также, что буржуазные идеологи, рассматривая процесс формирования аполитичной, обывательской массы, нарочито абсолютизируют его, распространяя на все население. Но тем самым они либо сознательно игнорируют, либо не умеют разглядеть другой, причем существеннейший, процесс — рост сил, являющихся отрицанием капиталистической системы. Они «не замечают» возрастания политической сознательности рабочего класса, трудящегося фермерства, широких кругов интеллигенции, служащих, укрепление революционного авангарда рабочего класса и трудящихся масс — коммунистических партий. Глубочайший социальный процесс, происходящий в условиях современного капитализма, — непрерывный рост сил, борющихся за мир, за демократию, за социалистическое переустройство этого общества. Причем массовая база этого процесса непрерывно расширяется. В резолюции XXIV съезда партии по отчетному докладу ЦК КПСС отмечается: «Государственно-монополистическое развитие ведет к обострению всех противоречий капитализма, к подъему антимонаполистической борьбы. Ведущей силой в этой борьбе выступает рабочий класс, который все больше становится центром притяжения всех трудящихся слоев населения. Крупные выступления рабочего класса, трудящихся масс являются предвестниками новых классовых боев, которые могут привести к фундаментальным общественным преобразованиям, к установлению власти рабочего класса в союзе с другими слоями трудящихся» (8, 193—194).

«Феномен массы» Категория «масса» вводится в буржуазной социологии для обозначения субстрата «феномена массы», т. е. «класса социальных явлений, в которых большое число людей в одно и то же время ведут себя таким образом, что прерывается их рутинное социально санкционированное ролевое поведение» (88, v, 10, 55). Таким образом, категория «масса» используется в западной социологии по отношению к поведению людей, являющемуся нарушением повседневного, шаблонного образа их жизни и вызывающему определенную «дезорганизацию» социального процесса. Главными типами «массового поведения» считается паника, апа-

тия, бумы и сумасшествия, моды, мятежи и социальные движения. Нам теперь следует коснуться и этой стороны дела.

По Корнхаузеру, «массовое поведение» обнаруживает следующие характеристики. Во-первых, фокус внимания его участников перемещен с повседневной жизни на отдаленные цели — национальные или международные, что ведет к «утрате чувства реальности и ответственности». Получается, что ограничение интересов домашним очагом повышает чувство ответственности и делает человека «добропорядочным» обывателем, а выходя за эти пределы, он рискует подвергнуться опасности «массового поведения», утраты индивидуальности. Соответственно «массовыми» объявляются движения, в которых народные массы идут дальше повседневных забот и вторгаются в «запретную зону» — сферу политики, считающуюся монополией элиты. Второй особенностью «массового поведения» Корнхаузер считает «прямой способ реакции на отдаленные объекты», поясняя, что народ не просто «обсуждает проблемы», а действует непосредственно, минуя «законные процедуры». Ссылаясь на пример пужадизма, он упрекает массовые движения в недемократичности, экстремизме. «Политическая активность масс имеет тенденцию быть недемократичной... отрицает уважение к принципам свободной конкуренции и публичной дискуссии как основы для компромисса» (92, 46). Корнхаузер приводит пример правозащитного движения, для того чтобы скомпрометировать саму идею «вторжения» масс в политику, восхвалять реформизм в рамках буржуазной «законности». Третьей чертой «массового поведения» объявляется «нестабильность, готовность переместить фокус внимания, изменить интенсивность своей реакции — от апатии до активизма» (последние рассматриваются как однопорядковые категории, порожденные отчуждением).

Буржуазные социологи и в данном случае фиксируют определенное реальное явление капиталистического общества, но дают ему ложную интерпретацию. Бюрократизированный государственный аппарат стремится исключить влияние масс на политику; «человек массы» отчужден от участия в политиче-

ской жизни, он, по словам Ф. Селзника, «живет в обществе, не принадлежа к нему». Понимая, что не может оказать на общественную жизнь влияние в рамках «буржуазной законности», человек теряет интерес к политике. Отсюда — политическая апатия широких масс. И именно неудовлетворенная потребность участвовать в жизни «большого мира», глубокое разочарование в своем положении в буржуазном обществе, переходящее в отчаяние, толкает массу на активистский способ действия. А если масса не развита политически, не идет за революционной партией, ее протест может вылиться в стихийный бунт, она может попасть в объятия правых экстремистов, которые попытаются использовать недовольство масс в своих интересах, канализировать его в нужную им сторону — для атаки на буржуазную демократию справа.

Корнхаузер пишет, что массовые движения имеют разную скорость в разных типах общества. В «общинном» и «плюралистическом» обществах скорость массовых движений низка и затрагивает лишь периферийные области (что его весьма устраивает). «В массовом обществе массовое поведение протекает на высокой скорости и охватывает центры общества» (92, 51). Авторитет власти падает, индивид высвобождается из-под влияния связывавших его групп, но вместе с тем лишается их поддержки. Растут противоречия между теми, кто продолжает быть интегрированными в локальных группах, и теми, кто вступил в массовые отношения (88, vol. 10, 60).

Потому-то «массовое общество» и критикуется Корнхаузером, Селзником и др., что оно уязвимо для массовых движений. «Конструируется модель плюралистического общества, — формулирует их позицию Г. Элснер, — вне границ этой модели лежит массовая дезорганизация и террор» (76, 205).

Буржуазные социальные психологи стремятся подвести движения масс (независимо от классового характера) под категорию «глухого бунта», «иррационального недовольства», третируют их как патологические, а причины ищут в неумении людей приспособиться к социальной реальности. Протест народных масс против эксплуататорского строя Г. Лассу-

элл объявляет «социальной аномалией», «патологией массовой психологии» (93). Подобно тому как в прошлом было модным наклеивать на социальные явления биологические ярлыки, так на массовые движения наклеивают ярлыки, заимствованные из психологии: «массовый невроз», «массовый психоз».

**Массовые
и тоталитарные
движения**

Тенденция буржуазной социологии к негативной интерпретации возросшей роли народных масс в истории вылилась в попытки возложить на них ответственность за такой продукт гниения империализма, как фашизм. Никак нельзя обойти вопрос о том, как возможны тоталитарные движения в наш «просвещенный век». А ответ на этот вопрос чрезвычайно показателен.

Критики «массового общества» различают массовые и тоталитарные движения (что само по себе следствие эволюции доктрины, сторонники которой ранее рассматривали любое массовое движение как тоталитарное) как аморфные и лишённые стабильного руководства, с одной стороны, и тщательно организованные — с другой. Тоталитаризм при этом понимается крайне формально, как определенным образом организованная система контроля сверху (со стороны государства) над общественным и даже бытовым поведением человека. Классовое же содержание проблемы нарочито игнорируется. Ответственность за тоталитаризм возлагается не на капитализм, а на массы, их «антидемократические потенции».

Либеральные критики «массового общества» говорят обычно об опасности правозэкстремистских движений; правые критики нападают на «современное общество» за то, что оно не может эффективно противостоять массовым движениям, которые описываются самыми черными красками. Вся теория сконструирована так, что любое движение за социальное изменение, которое не принимает форму парламентского, определяется как массовое, экстремистское или тоталитарное.

Для понимания особенностей подхода к тоталитаризму обратимся к ставшими уже «классическими» в буржуазной социологии трудам Э. Ледерера, Х. Арендт, Э. Фромма. Критикуя фашизм, они высту-

пают с буржуазно-либеральных позиций. Но изображение фашизма как движения атомизированных масс означает не просто одностороннюю оценку, но и фальсификацию явления. Уход от классового анализа приводит к грубейшим извращениям, к смешению не только различных, но противоположных социальных движений: фашизм — шовинистическая диктатура монополистического капитала, опирающаяся на мелкобуржуазную и деклассированную массу; социалистическая революция осуществляется рабочим классом, идущим во главе трудящихся масс; первый имеет целью ликвидацию остатков буржуазно-демократических свобод, вторая означает гигантское расширение демократии. Именно в этом вопросе левые критики смыкаются с правыми, объявляя «тоталитарными» и социалистические движения масс, именно тут их критика капитализма перерастает в его апологетику, в защиту от революционных движений трудящихся. Отметим, что названные социологи, критикуя фашизм, обрели определенную популярность в среде интеллигенции. Правда, нередко они использовали эту популярность для того, чтобы посеять недоверие к социализму.

Э. Ледерер рассматривал фашизм как следствие «массовизации», т. е. превращения людей в бесклассовую массу, «дестратификации». Откуда могла взяться точка зрения, согласно которой фашизм ведет к стиранию граней между классами? Возможно, Ледерер сам попался на удочку фашистской пропаганды, принял за чистую монету демагогические утверждения, будто национал-социализм борется против монополий-плутократов за единый, бесклассовый народ. Неспособность понять классовую природу фашизма толкнула Ледерера на поиски паллиативных мер против фашизации (он видел их в разделении масс на классы и социальные группы и «нормальной», с точки зрения буржуазных либералов, работе социального механизма). Ледерер клеймит любое массовое движение, предварительно смешав в кучу различные и противоположные по своей природе социальные процессы.

Подход Э. Фромма к проблеме преимущественно социально-психологический. По его мнению, атоми-

зированность и отчужденность личности в «массовом обществе» делает ее подверженной тоталитарным движениям. Это действие бессознательного механизма, заставляющего человека «бежать от своего невыносимого чувства одиночества и бессилия». Индивида в капиталистическом обществе раздражают сомнения, угнетает чувство одиночества и собственной ничтожности. Его свобода лишь негативная, иллюзорная свобода, а бремя ответственности, связанное с ней, становится невыносимым. «Ему угрожают мощные сверхчеловеческие силы — капитал и рынок. Его отношение к братьям, к каждому, кто стал его потенциальным конкурентом, сделалось враждебным и отчужденным; он свободен — это значит одинок, изолирован, ему со всех сторон угрожает опасность» (79, 62). Объятый страхом, человек испытывает желание подчиниться «сильной личности». Он становится легкой добычей тоталитарных движений, он «устал» от свободы и готов к «бегству в авторитаризм», спеша укрыться от своего одиночества в «суровом комфорте тоталитарной диктатуры». Противоречие между личностью и обществом достигает апогея в современном буржуазном обществе, признает Фромм. Личность, с одной стороны, не может развиваться вне общества и стремится к общению; с другой стороны, в бюрократизированном мире это общение, оказываясь «сверхсоциализацией», деперсонифицирует личность, сводя ее деятельность к выполнению системы ролей, предписанных обществом. Социально-атомизированному человеку «массового общества», переживающему глубокий психологический кризис, фашизм предлагает «безопасность», псевдогруппу, в которой тот может преодолеть свое одиночество («единый народ», «нордическая раса»). Фашизм дает потерявшему человеку иллюзорный смысл жизни, иллюзорную значительность его действий, сильного лидера, приобщает к чувству власти путем агрессии против слабейших. Символ фашизма — массовое сборище, на котором «единство» достигается путем массовой истерии.

Почти такой же известностью, как «Бегство от свободы» Фромма, пользуется на западе «Происхождение тоталитаризма» Х. Арендт. Она также считает,

что социальная изоляция, атомизация, аморфность социальных отношений порождает подверженность тоталитарным движениям (58, 310). Лояльность по отношению к фашистскому движению «может ожидать только от полностью изолированного человеческого существа, без каких-либо социальных связей, который ощущает свое место в мире, лишь принадлежа к какому-либо массовому движению» (58, 316—317). Активизм «массового человека» Арендт объясняет тем, что он стремится заполнить внешними, от лидера полученными установками свою внутреннюю пустоту. Вовлеченный в тоталитарное движение, он отныне подчиняется «ориентированной на массы элите», часто сам стремится попасть в нее.

Интересно, что все «антитоталитаристы» вместо ответа на вопрос, что такое фашизм, пытаются ответить на другой вопрос: каков психологический механизм вовлечения индивида в фашистское движение. Естественно, что сущность фашизма остается нераскрытой. Получается, что фашизм имеет чисто психологические причины, заключающиеся в патологической, неуравновешенной психике «массового человека» XX века. Чисто психологическое объяснение тоталитаризма ненаучно: психологические причины требуют социально-экономического анализа. В итоге существо дела коренным образом извращается, хотя сами по себе социально-психологические наблюдения западных исследователей не лишены интереса. Только в марксистских исследованиях раскрыты социально-экономические причины и классовая сущность фашизма, лишь компартии возглавили бескомпромиссную борьбу народных масс против него.

Все это отнюдь не означает игнорирование социально-психологических аспектов массовых движений. Они и в самом деле начинаются в условиях социально-психологической напряженности, недовольства существующими социальными отношениями. Кризисная ситуация, в которой правящие классы вынуждены маневрировать, может усилить подверженность масс демагогии. Консервативные силы обычно стремятся использовать стихийное недовольство масс, канализировав его в выгодном для себя направлении, обмануть их (использовав, в частности, прием

«козла отпущения», направить их недовольство по ложному руслу). Как указывал В. И. Ленин, реакционные классы стремятся к разжиганию «дурных страстей темной массы» (3, т. 12, 132). В подобной ситуации исключительно возрастает роль пролетарской партии — революционного авангарда трудящихся, задача которого — революционизировать массы, вооружить их передовой идеологией, организовать, направить на борьбу против капитализма, не допустить, чтобы буржуазные и мелкобуржуазные лидеры увлекли их демагогическими, шовинистическими лозунгами (не дать им «перехватить» массу).

Марксизму-ленинизму чуждо народническое любование массой; в определенные моменты массы — даже трудящиеся — могут поддаться отсталым настроениям. В. И. Ленин писал: «...масса тоже поддается иногда... настроениям несколько не передовым» (3, т. 44, 122—123). Борясь против отзовистов, деморализованных наступлением реакции, Ленин писал: «Мы — партия, ведущая массы к социализму, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроения или упадком настроения масс. Все с.-д. партии переживали временами апатию масс... но никогда выдержанные революционные с.-д. не поддаются любому повороту настроения масс» (3, т. 17, 299). В период первой мировой войны В. И. Ленин отмечал, что буржуазии удалось захлестнуть массы, в том числе и пролетарские, «мутным потоком национализма и шовинизма» (3, т. 27, 79). Таким образом, создаваемая капитализмом мелкобуржуазная по своей психологии масса, включающая отчаявшихся индивидуалистов, деклассированные элементы и отсталую часть трудящихся, может выступать как консервативная сила, хотя она сама страдает от капитализма, разоряется или разорена монополиями. На эту консервативную массу, подверженную социальной демагогии, и стремятся опереться реакционные политики авторитарного плана, которые для достижения своих целей охотно апеллируют к ней. Именно эти обстоятельства и фиксируются Ледерером, Арендт, Фроммом; не раскрывая классовую структуру масс, не видя всемирно-исторической роли пролетариата, эти авторы впадают в пессимизм, считая, что современное общество мо-

жет выбирать лишь между апатией масс или их экстремистским активизмом.

Бесклассовые позиции «осуждения» массы или ее восхваления, таким образом, ненаучны. Необходимо анализировать, какова классовая структура массы, какова ее объективная роль в классовой борьбе, в историческом процессе, и, исходя из этого, определять свое отношение к ней (см. подробнее 15, 35—45). Коммунистическая партия идет в массы, просвещает массы, организует их на борьбу за социализм, раскрывает им их подлинные интересы, поднимает их до уровня сознательных творцов истории.

Характерной чертой современного буржуазного общества его исследователи считают упадок и бюрократизацию лидерства. Однако прежде чем рассмотреть особенности лидерства в «массовом обществе», необходимо обратиться к теориям лидерства в современной буржуазной социологии и социальной психологии.

Возрастающий интерес к проблеме лидерства в буржуазной социологии (которая подчас объявляет ее даже центральной проблемой социальной психологии) объясняется несколькими моментами. Во-первых, идеологическими соображениями: идеалистические теории лидерства, традиционно перемежающиеся с отрицанием творческой роли народных масс в истории, объявляющие творцами социального процесса отдельных лидеров из господствующих классов, служат оправданием самого существования эксплуататорских классов. Больше того, они маскируют реальные классовые антагонизмы капиталистического общества, переводя проблему в русло «вечных» отношений руководителя и руководимых. При этом допускается в общем-то не очень хитрая подтасовка. Совершенно необходимое для любых совместных действий людей руководство этими действиями отождествляется с особой, исторически преходящей формой такого руководства — лидерством. Для последнего характерно особое положение одного человека или меньшинства (элиты) по отношению к большинству, неравенство в статусе, престиже, круге прав и

обязанностей людей, задаваемые сверху нормы координации деятельности тех или иных групп людей, превращающие трудящихся в объект манипулирования со стороны господствующих классов, иерархическая система командования. Во-вторых, пристальный интерес к этой проблеме объясняется объективным возрастанием роли управления в современный период, практическими нуждами монополистической буржуазии как в области политического руководства, «государственного регулирования» экономики, так и в области управления отдельными предприятиями (предмет исследования социологии менеджмента).

В соответствии с этими задачами можно условно вычлениить два уровня решения проблемы лидерства. На первом уровне — преимущественно идеологическом — делаются попытки общетеоретического решения проблемы; тут нет недостатка в повторении традиционных концепций культа героев (см. об этом 13, 149—169). Впрочем, за последние годы эти теории значительно модифицировались, по мере того как все более ясной становилась зависимость личности (в том числе лидера) от бюрократических организаций; много пишется о том, что единоличный лидер сменился «группой ответственных лиц», что западный мир переживает кризис лидерства.

Решение проблемы на втором — преимущественно утилитарно-практическом уровне — означает, как правило, перевод ее в план эмпирических исследований лидерства в «малых группах» и выработки практических рекомендаций для руководства на промышленном предприятии, в армии и т. д. Разумеется, эмпирические исследования выполняют, пусть не столь явно, и идеологическую функцию. Их главная задача — сохранение капиталистических производственных отношений. Буржуазные теоретики интенсивно разрабатывают методы эффективного лидерства, в максимальной степени учитывающего настроения, психологию масс; упор делается не на авторитарные методы и открытое насилие, но на «мягкие средства», особенно идеологические. Налицо стремление модернизировать методы лидерства, сделать их более гибкими по форме, придать им видимость демократичности.

В буржуазной социологии наметилась тенденция объяснять пороки современного капитализма не его природой, а определенными внешними, субъективными факторами, преимущественно «неадекватным управлением»; много пишется о том, что уровень управления отстает от уровня развития цивилизации¹. Совершенствование управления объявляется панацеей от всех бед «массового общества». Сама проблема социального управления рассматривается крайне односторонне, в социально-психологическом плане, и вопрос о лечении многочисленных недугов капиталистического общества по сути дела сводится к подготовке квалифицированных лидеров, способных оптимально решать политические проблемы, не меняя при этом социальную структуру, обладающих личными качествами, позволяющими «все спокойно взвесить и утрясти», примирить интересы различных групп так, как умелый руководитель умеет примирить и увязать интересы двух или нескольких несогласных друг с другом индивидов. Футурологи рисуют социальную идиллию, к которой придет человечество посредством подбора и специального обучения лидеров.

Главное — сохранить в неприкосновенности капиталистическую систему и ее основные институты, отдельных же лидеров можно периодически приносить в жертву. Дж. Райли пишет, что правительственные бюрократы и иные лидеры «подвергаются периодическим встряскам... Во всех таких случаях фундаментальных изменений в организациях не происходит. Имеет место разделение функций, изменение иерархии лидерства», но остаются без изменений фундаментальные институты, они «невредимы, независимо от персональных изменений» (112, 2). Итак, нужно держаться не за лидера, но за систему. Король умер, да здравствует король!

¹ Многочисленные провалы империалистических политиков буржуазные идеологи обычно связывают не с характером социально-политического строя западных стран, но с неумелым лидерством. В США проблема лидерства, в связи с провалами как во внутренней, так и внешней политике, стала одной из наиболее обсуждаемых, превратившись, по признанию американской прессы, в национальную проблему.

Поскольку функции руководства в антагонистическом обществе монополизируются эксплуататорскими классами, их идеологам свойственно стремление абсолютизировать отношения лидерства; эти отношения фетишизируются, считаются вечным атрибутом любой социальной структуры. Авторы различных, порой соперничающих концепций лидерства отталкиваются как от аксиомы от положения о том, что человечество извечно делится на пастухов и козлиц, что деление общества на лидеров и ведомых — имманентный элемент социальной структуры. «Лидерство — универсальное человеческое явление», — пишет американский буржуазный исследователь лидерства Б. Басс, ссылаясь на антропологические исследования примитивных племен Австралии, Конго, островов Фиджи, Новой Гвинеи (59, 5)¹. Ч. Адриан и Ч. Пресс утверждают: «Любая социальная группа нуждается в руководстве — нация и политическая партия, конгресс и малая группа. По всеобщему разумению, лидерство естественно и всеобщее» (55, 377). И. Никкербоккер, заявляя, что «если все будут говорить сразу, никто ничего не услышит», выводит отсюда необходимость лидера даже для небольшой компании. Конечно, тщетно искать в этих трюизмах указаний на то, каково социальное содержание лидерства в условиях современного капитализма, почему оно используется как инструмент эксплуатации человека человеком. Названные теоретики не связывают лидерство, его структуру с характером производственных отношений, о нем говорится как о явлении, присущем самой человеческой природе. На деле же исследуются определенные отношения лидерства, сложившиеся и функционирующие в условиях государственно-монополистического капитализма.

Перед нами вариант субъективно-идеалистической трактовки проблемы управления социальной

¹ Отметим противоположные данные, свидетельствующие о том, что у ряда примитивных племен лидерство отсутствует. Исследование шведским антропологом К. Тэрнбуллом жизни пигмеев показало, что у них нет ни вождей, ни совета старейшин; в любой области жизни, однако, всегда находится один-два человека, более авторитетные, чем другие, но обычно их авторитет основывается на делах совершенно практических (9, 1967, № 48, 25).

жизнью, существо которой сводится к тому, что язвы капиталистического общества объясняются ошибками отдельных лидеров, революционные действия масс объявляются бессмысленными, а единственно разумным путем совершенствования общества признается путь реформ, насаждаемых сверху умными и дальновидными лидерами.

Социально-психологические аспекты лидерства. Методика исследований

Проблема лидерства на Западе интенсивно изучается рядом социальных дисциплин: социологией, социальной психологией, политической наукой, менеджментом. Но в подавляющем большинстве работ по лидерству фиксируется лишь социально-психологический его аспект, анализируются межличностные отношения и влияния в группе. Басс определяет лидерство как влияние, точнее, «*позитивное влияние*»: «*Когда цель члена (группы) А — в том, чтобы изменить члена В... то усилия А есть попытка лидерства. В может действительно изменить свое поведение в результате попыток А; это будет успешное лидерство. Изменение В может принести В удовлетворение... это — эффективное лидерство*» (59, 89—90). Под это определение подойдут весьма различные по своей природе явления — и усилия составителя рекламы зубной пасты, и поведение главы преступной шайки, и деятельность политического руководителя. Нарочито широкая трактовка лидерства позволяет выхолостить из него социальное содержание, перевести всю проблему в план психологических отношений.

Постановка вопроса о роли народных масс, классов, руководителей представляется в таком случае слишком теоретичной, зачастую третируется как псевдопроблема, не поддающаяся верификации, остающаяся за пределами научно достоверного рассуждения. «*Реальной*» объявляется проблема лидерства лишь в эмпирически наблюдаемой группе в два-три (диады и триады) или несколько человек; далее предполагается, что любая более широкая форма лидерства может и должна быть сведена к этой модели (если сведение невозможно, анализ признается не вполне точным со «*строго социологической точки зрения*»).

В основе «чистого эмпиризма» лежит абстрактное допущение, что всякую систему отношений людей можно мыслить как «группу, нуждающуюся в лидерстве». Материальные отношения, на основе и по поводу которых складываются определенные коллективы, остаются за пределами анализа, в поле зрения социолога попадают лишь группы, характеризующиеся определенными типами межличностных отношений. Прежде чем решать проблему лидерства в глобальном масштабе, ее предлагается всесторонне исследовать на уровне малых групп; далее, накопив опыт, опробовав методику, можно будет перейти к более широким обобщениям. Но уход в микропроблемы не столько помогает западным социологам решать макропроблемы, сколько отвлекает от их решения. Исследование взаимоотношений народных масс — классов — партий — руководителей вообще невозможно осуществить на «микроуровне».

Пожалуй, наиболее явно связь эмпирических исследований лидерства с традиционной «героической» интерпретацией истории можно проследить на так называемой «теории черт». Она исходит из традиций немецкой идеалистической психологии конца XIX — начала XX века, концентрировавшей внимание на врожденных качествах лидера. Лидерство объясняется как социально-психологический феномен, а лидер — это человек, обладающий определенной совокупностью психических черт. Э. Богардус перечисляет многочисленные качества, которыми должен обладать лидер; тут и чувство юмора, и такт, и способность привлекать к себе внимание (68). Отвлекаясь от классового анализа той или иной социальной организации и ее лидеров, Богардус искал общие черты, свойственные руководителям политических партий, вожакам преступного мира, предводителям бойскаутов, доказывал, что способность быть лидером является врожденной, свойственной лишь небольшому кругу лиц, которые, пользуясь своим влиянием на массу, и творят историю.

Лидер оказывается не продуктом социальных отношений, а неким вечным типом, обладающим определенным биопсихическим комплексом. В 1940 г. американский социолог К. Бэрд, обобщив 20 подоб-

ных исследований, составил список из 79 черт, присущих лидерам. И сразу же обнаружили непреодолимые трудности, связанные с разнобоям приводимых исследователями данных. Из 79 черт 65% были упомянуты только однажды, 16—20 — дважды, 4—5 — трижды и только 5% — четырежды. Многие из приведенных черт оказались взаимоисключающими. Рост исследований в последующие десятилетия только увеличил разнобой. В конце концов не осталось практически ни одной черты лидера, с которой были бы согласны все авторы. Оспариваются даже такие на первый взгляд очевидные черты лидера, как сила воли или ум. Обнаружилось, что в условиях «массового общества» многие волевые люди, способные противостоять «массовым предрассудкам», превращаются в изгоев, а лидерами становятся те, кто угождает массовым вкусам, идет на поводу групповых экспектаций (ожиданий). В итоге дело дошло до конфуза: был описан ряд лидеров «без черт», т. е. людей, выдвинувшихся в руководители в силу своей абсолютной безличности. Обезличенный лидер, делающий «что нужно», человек-функция наиболее соответствует бюрократизированному «массовому обществу». Столкнувшись с этим обстоятельством, американский социолог Ю. Дженнингс сокрушенно пишет: «Никто не может быть удовлетворенным и сказать, что тайна лидерства решена. Частные исследования скапливаются в тома; одни черты выдвигаются, чтобы опровергнуть другие. Из перечисляемых черт... лишь немногие соотносились с лидерством, но ничего не давали для его объяснения» (89, 161). Признавая крайний субъективизм «теории черт», он отмечает, что «подобные эмпирические исследования более правильны в отношении характеристики доминирующих черт экспериментаторов, чем исследуемых лидеров» (89, 166).

«Теория черт» метафизична, в ней много пережитков натуралистической социологии. Она предполагает, что черты лидера «срабатывают» автоматически, что они врождены. На деле их следует рассматривать в развитии, в связи с социальными условиями; тогда мы обнаружим, что это черты в основном благоприобретенные, воспитанные в системе опреде-

ленных социальных отношений. «Теория черт» не учитывает еще одного важного обстоятельства: само выполнение функций лидера способствует развитию качеств, необходимых для этого.

Не следует думать, что «теория черт» стала достоянием прошлого, исследования, основанные на этой методике, продолжают. Но огромная пестрота получаемых данных не могла не настораживать. Легко заметить, что исследование различных групп дает различные данные о чертах лидера, что, следовательно, различные по характеру группы требуют и различного лидерства. Лидерство все чаще рассматривается как функция ситуации¹, а «теория черт» критикуется за игнорирование соответствующих факторов. Дж. Симпсон и Дж. Ингер, отвергая теорию черт, пишут: «Нужна более соответствующая истине теория личности, которая полностью охватывала бы влияния ситуации» (42, 420). Ситуационное направление в социальной психологии, первоначально развивавшееся бихевиоризмом, было подхвачено и неофрейдизмом, и теорией «социального действия». Т. Парсонс, критикуя «примитивный, устаревший психологизм» (сам он находится в плену психологизма новейшего и утонченного), пишет, что объяснение социальных отношений через сведение их к чертам личностей, в них участвующих, несостоятельно. Однако, когда Парсонс пишет, что элементы социального действия могут быть сведены к «актеру» и ситуации, это отнюдь не значит, что ситуация рассматривается как нечто объективное, она выступает как «значение» сознания «актера». Такая постановка вопроса не выводит Парсонса за пределы критикуемого им самим психологизма. Так или иначе, но лидерство начинает рассматриваться в терминах роли, которую играет личность в группе.

Ситуационизм отнюдь не полностью исключает «теорию черт». Часто сторонники ситуационизма ис-

¹ Поведение лидера, которое вполне подходит для одной ситуации, может быть полностью непригодно в другой. «Поведение бригадира на сталелитейном заводе весьма отличается от того, как должен вести себя руководитель исследовательской лаборатории. И, хотя это не так очевидно, то же относится к различному психологическому климату в эквивалентных ситуациях» (74, 227).

ходят из того, что черты лидера просто варьируются в зависимости от ситуации. А. Голднер пишет: «Ситуационный подход к лидерству не отрицает, что качества личности играют важную роль, но он указывает, что явление лидерства есть продукт ситуации ... в одной ситуации один человек может стать лидером, в другой ситуации — иной» (82, 444).

В свою очередь, и ситуационизм подвергается критике, порой довольно острой. Известный психолог Ж. Пиаже замечает, например, что подобный подход рассматривает индивида как пустой ящик, заполняемый обществом, и тем самым игнорирует активность личности. Критика ситуационизма нередко оборачивается и пессимистическими оценками самого общественного климата, порождающего ситуационистское понимание лидерства. И это не случайно, ибо человек, являющийся всего лишь функцией ситуации, своего рода флюгером, «действующим по обстоятельствам», и становится наиболее часто лидером в «массовом обществе», что видно из исследований Э. Фромма, Д. Рисмена, Ю. Дженнингса. Это «человек с рыночной ориентацией» (Фромм) или «внешне-ориентированный индивид» (Рисмен). Человек с «рыночной ориентацией» относится к себе как к товару, который нужно продать подороже, и вырабатывает в себе качества, соответствующие конъюнктуре, или «ситуационному спросу»; это ловкий приспособленец, конформист, заботящийся только о своей карьере.

Дженнингс критикует ситуационизм за то, что он принижает активность личности, делая ее лишь инструментом ситуации, упускает из поля зрения тот момент, когда лидер «овладевает» ситуацией. «Великие события — всегда свадьба между человеком и временем. Великий лидер «чувствует» ситуацию и знает, как... обратить ее в свой актив» (89, 15). И если бюрократическая ситуация «массового общества» диктует лидеру его поведение, это, считают Дженнингс и А. Шлезингер, «несчастье века», ведущее к утрате веры в «героическое лидерство»¹.

¹ Шлезингер ссылается на мысль Монтескье: «Когда общества рождаются, именно лидеры создают институты республики. Позднее институты производят лидеров» (48, 1960, № 6, 10).

Наряду с «ситуационистами» теорию черт стали критиковать социальные психологи, делающие упор на отношении ведомых к лидеру. Группа выбирает лидера, удовлетворяющего интересы ведомых; лидер же не более чем инструмент группы. Поэтому отгадка тайны лидера — не в нем самом, а в запросах, ожиданиях (экспектациях), психологии последователей. «Именно последователь воспринимает лидера... принимает или отвергает его», — пишет Ф. Сэнфорд. Такой подход близок ситуационизму, поскольку настроения, потребности членов группы рассматриваются как элементы ситуации. Сама же ситуация трактуется буржуазными социологами идеалистически, как сумма психических состояний группы, ее экспектаций. В соответствии с этим и лидер описывается в терминах групповых экспектаций; он ориентируется на них, ведет себя в соответствии с ними, выполняя, таким образом, групповую функцию.

Эмпирические исследования, основанные на этой методике, объективно подтверждают марксистское положение о том, что социальный процесс не есть продукт творчества отдельных выдающихся личностей; но такие исследования несравненно «мельче», ограниченной марксистской постановки вопроса, ибо не выходят за рамки психологического объяснения социальных отношений (и поэтому не могут объяснить изменений самих групповых экспектаций, которые в конечном счете объясняются изменениями в материальных условиях социальной жизни). Эмпирические исследования показали, что отношение лидер — масса не односторонне, что имеется и обратная зависимость, иногда даже превосходящая первую, что традиционное для метафизика рассмотрение отношения лидер — масса неверно; в эмпирической социологии возникли трудности в проведении, выражаясь словами А. Танненбаума, «демаркационной линии между лидером и ведомыми» (88, vol. 9, 105).

Обычно социологи, принимающие концепцию определяющей роли последователей, считают их влияние негативным (эта традиция идет от Лебона и Ортеги), видят в нем причину ослабления лидерства, превращения лидеров в современном капиталистическом обществе в марионеток, принимающих критерии

массы и действующих ей на потребу: лидеры ведут массы лишь в той мере, в какой сами идут на поводу массовых предрассудков. Лидерство в «массовом обществе» Дженнингс иронически называет «атмосферным»: «Член группы, стремящийся быть лидером, прежде всего пытается почувствовать «дух» или «моду», соответствие которым позволило бы ему достичь цели без большого риска» (89, 14). Лидером и становится человек, наиболее успешно осуществляющий ориентацию «на других». Дженнингс упрекает американских лидеров за то, что им «не хватает воли к власти», хотя вовсе не в том смысле, что они не желают власти. Эти лидеры жаждут господства, стремятся к высокому положению, но «они неспособны выработать собственный курс... они движутся вместе с окружающими, вычитывают в них свои цели» (там же, 123). В несамостоятельности Дженнингс видит главную особенность лидера «массового общества». Таким образом, признание кризиса политического руководства в капиталистическом обществе сочетается у него с тоской по «сильному лидеру».

В современной буржуазной эмпирической социологии сохранилось значительное число последователей «теории черт», «ситуационистов», социологов, делающих упор на психологии ведомых. Но в настоящее время наибольшее распространение получила концепция, которая пытается объединить все три указанных подхода, каждый из которых в отдельности объявляется односторонним. Таково последнее слово эмпирической социологии.

Подобный подход, однако, не выводит за рамки идеалистического психологизма. Констатация взаимодействия между лидером, ситуацией, требованиями ведомых в сущности, трюизм, мало что дающий науке. Категория взаимодействия носит всеобщий характер, все элементы социальной системы взаимодействуют. Поэтому нельзя останавливаться на констатации взаимодействия, необходимо выяснить, на какой основе оно происходит, вскрыть его генезис. Действительно, существует сложное взаимодействие между ситуацией, требованиями, предъявляемыми группой лидеру, чертами лидера (тот или иной лидер может по-разному играть свою роль), но эти взаимодейст-

вующие факторы не равнозначны (иначе смазывается диалектика объективного и субъективного факторов в социальном процессе). Мы должны отметить первичность «ситуации» (разумеется, рассматриваемой не в качестве психологического феномена, что характерно для «ситуационизма», но прежде всего как объективное состояние общества, класса, социальной группы, как совокупность их потребностей, выступающих источником активности, мотивацией деятельности) по отношению к субъективным качествам лидера (которые, разумеется, оказывают обратное воздействие на ситуацию); такой подход не отрицает, а предполагает относительную самостоятельность лидера.

Прослеженная нами эволюция подходов к лидерству в современной буржуазной социологии весьма симптоматична. Она показывает, что при отсутствии научно-материалистической теории эмпирическая социология вынуждена блуждать в потемках, оцупью искать решения. Для того чтобы убедиться, например, в ненаучности «теории черт», совсем не обязательно проводить сотни «полевых» исследований. Ведь метод проб и ошибок не лучший способ поиска решений.

Среди социологов-эмпириков происходит полемика, в частности между пропагандистами культа героев и сторонниками имперсональной точки зрения. Нельзя игнорировать этот факт, равным образом не следует его и переоценивать, так как весь спор вращается в кругу психологических определений: одни принимают за первичное волю и сознание лидера, другие — групповую психологию. Лидер неизменно вводится как волеопределяющая фигура, вносящая активность в пассивную группу. Не удивительно, что итогом большинства эмпирических исследований является вывод об активности лидера и «внушаемости» группы. Методологическая несостоятельность подобного подхода состоит в том, что все отношения между людьми он сводит лишь к психологическим, игнорируя объективные, материальные отношения, растворяя их в психических механизмах, свойственных людям, общающимся в малых группах.

Можно ли объяснить лидерство, исходя из межличностных отношений в группе, или оно задается внепсихологическими зависимостями? Любая из перечисленных методик исходит из первого предположения. Тут-то и кроется главная причина того, что «тайна лидерства» не раскрыта буржуазной социологией. Все чаще сами западные социологи вынуждены ставить сакраментальный вопрос о том, можно ли раскрыть сущность группы (или даже дать ее адекватное описание) без привлечения зависимостей иного рода, чем только интерперсональные.

Структура группы определяется не социально-психологическим взаимоотношением лидер — ведомые (если это, разумеется, не специально подобранная экспериментальная группа, скомпонованная для исследований лидерства), а внешними по отношению к лидерству установками и задачами (само лидерство выступает как средство их решения). Так, если группу образует производственная ячейка, то ее структура складывается прежде всего на основе определенных отношений в области разделения труда. Группа не есть некая спонтанная целостность, цель которой состояла бы в удовлетворении потребностей ее членов. В условиях современного капитализма цели подобных групп задаются корпорацией и эффективность лидера измеряется тем, в какой мере его методы руководства обеспечивают наибольшую прибыль, рентабельность, наилучшее использование производственных фондов и т. д. «Большой мир» властно стучится в узкие рамки эмпирически обозримой группы, определяя и ее структуру, и функции ее членов, и самый характер лидерства¹. За отношениями лидерства скрываются, таким образом, социальные отношения, и прежде всего отношения классов. Но эти отношения — табу для эмпирических социологов.

¹ Принципиально важно то, что лидер формальной группы всегда назначается корпорацией, а не выбирается ее членами. «Менеджер обычно назначается на свой пост в организации бизнеса,— пишет Хейман,— и назначение обычно не делается подчиненными или группой, которой он руководит, но менеджером, стоящим над ним в менеджерской организации. Вся власть, необходимая для выполнения работы, дается ему сверху» (82, 440—441).

Тоска по «большой теории», стремление вырваться за узкие рамки «малой группы» наблюдается у многих западных социологов. Указывая, что исследования лидерства ограничиваются малыми группами, Дженнингс, например, призывает в будущем изучать «более широкие влияния» (89, 156). Предпринимаются определенные попытки найти какой-то выход, перебросить мост в «большой мир», покинуть пределы эмпирически обозримой группы, но эти попытки носят заведомо паллиативный характер. Проблеме лидерства зачастую формулируют чрезмерно широко, считая соответствующие теории пригодными даже для руководства огромными социальными общностями (хотя исследуются лишь малые группы). Басс призывает на помощь даже авторитет Конфуция, говорившего: «Когда человек знает, как руководить людьми, он затем знает, как руководить империей» (59, XI). Басс считает, что «лидерство в непосредственных группах нуждается в разработке прежде, чем перенести его на лидерство в организациях». Решение столь широко трактуемой проблемы лидерства на небольших группах само по себе достаточно карикатурно. Невозможно дать «чисто психологический» анализ социального образования, которое лишь в последнюю очередь характеризуется психологическим единством (например, нации, класса, социального слоя и т. д.). При подобном подходе социальное, классовое содержание проблемы руководства игнорируется, анализ сводится к формальной характеристике межличностных отношений.

Л. Селигман признает, что, хотя данные о лидерстве взяты из наблюдений в малых группах, результаты микроисследований «применяются многочисленными политологами на макроуровне» (88, vol. 9, 108). И задается вопросом: могут ли данные о лидерстве, полученные в малых группах, распространяться на большие социальные системы? (Заметим попутно, что такой подход, строго говоря, противоречит «ситуационистской» методике, что, впрочем, оказалось за пределами внимания самих «ситуационистов».) Хотя Селигман и признает, что нет доказательств в пользу утвердительного ответа на этот вопрос, тем не менее, ссылаясь на «общее согласие», он

утверждает, что лидерство в малых группах является «необходимой моделью... для изучения больших структур» (там же).

Марксизм отнюдь не отрицает важность исследований, раскрывающих социально-психологические отношения руководителя и членов определенных коллективов. Но при этом следует исходить из того, что исследуемые социальные группы сами составляют элементы более широких социальных структур, абстрагируясь от анализа которых социолог обрекает себя на поверхностное описательство. Частные социологические исследования лидерства «работают» только в рамках широкой научной теории, иначе они в определенном пункте превращаются в социографию. Нет «лидерства вообще»; описываемые буржуазными социологами механизмы фиксируют весьма общие формы интерперсональных отношений, которые в различных социальных структурах действуют по-разному, наполняются различным социальным содержанием. А. Танненбаум утверждает, что «социальная система... программируется лидерством» (88, vol. 9, 102). В действительности справедлив обратный тезис: лидерство «программируется» социальной системой.

Основная слабость буржуазных концепций лидерства — их абстрактность, отсутствие классового подхода. В них ставится вопрос о «лидере вообще». Но важно знать, какой лидер исследуется, интересы какого класса он выражает. Отвлекаться от анализа социальных условий при исследовании лидерства — значит заранее обречь его на неуспех.

Вопрос о руководителях и руководимых стоит совершенно по-разному в различных социальных условиях: при капитализме за ним скрываются антагонистические отношения господства и подчинения; при социализме руководство базируется на отношениях товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. Буржуазные социологи-эмпирики, исследующие лидерство, субъективно полагают, что они описывают «человеческую природу», человеческую психологию, диктующую определенные взаимоотношения между людьми; а объективно они описывают феномен, вызванный к жизни определенной соци-

альной системой — государственно-монополистическим капитализмом.

**«Демократизация»
лидерства
в «массовом
обществе»**

До сих пор мы рассматривали преимущественно методы исследования лидерства, выработанные эмпирической социологией, то, что Р. Мертон и другие обычно относят к разделу «method», в отличие от раздела «results», куда входят результаты исследований. Коснемся и этой стороны дела.

Начнем с того, что, по мнению большинства буржуазных социологов, в условиях современного капиталистического общества лидерство модифицируется: оно «демократизируется», с одной стороны, бюрократизируется — с другой. Исходный тезис первого из утверждений таков: если ранее предпочтение отдавалось авторитарным методам лидерства, то в последние десятилетия центр тяжести сместился к «демократическим» формам¹. Наиболее влиятельными теоретиками лидерства первой трети XX века были М. Вебер и Р. Михельс. В «классической» модели бюрократии Вебера упор делается на исключительную прерогативу лидеров командовать и беспрекословную обязанность подчиненных повиноваться. По Михельсу, лидерство и демократия несовместимы, лидерство становится олигархическим даже в организациях, возникающих демократическим путем (105, 195). Ныне А. Танненбаум пишет, что эти концепции, хотя и «очень ценны», во многом устарели. Он связывает это со сдвигами в технологии в процессе научно-технической революции: «Возрастающее число и сложность организаций в современном индустриальном обществе требует больше людей на роли лидеров... Эксперты вытесняют тех, чье положение основывается на социальном статусе и семейных связях» (88, vol. 9, 103). Нетрудно заметить явное стремление апологетизировать нынешнее лидерство как более про-

¹ Нельзя сказать, что концепция «демократического лидерства» — изобретение последнего времени. Об этом писал еще В. Вильсон. Но как целостная концепция она, безусловно, продукт последних десятилетий (хотя А. Шлезингер пытается проследить истоки «демократического лидерства», начиная со взглядов Локка).

свещенное и демократическое. Л. Селигман объясняет «демократизацию лидерства» революционными изменениями XVIII—XIX веков и общей деперсонализацией власти («Власть по конституции вручается учреждениям, а не отдельным личностям»). Но он (и это делает его версию шаткой и уязвимой) избегает даже упоминания о социалистической революции. Между тем «демократизацию» лидерства невозможно понять без учета воздействия социалистической системы; именно под ее влиянием идеологи неокapитализма разрабатывают рецепты перехода от прямого манипулирования массами к скрытому, замаскированному.

В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорилось: «Особенности современного капитализма в значительной мере объясняются тем, что он приспособливается к новой обстановке в мире. В условиях противоборства с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классовой борьбы в массовое революционное движение. Отсюда — стремление буржуазии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем» (8, 14—15).

Буржуазные социологи много пишут о необходимости нового подхода к лидерству, который учитывал бы возросшую в наш век роль народных масс, задачи их интенсивной идеологической обработки, выработки более демократичных по форме отношений между буржуазными лидерами и массами, чтобы «сильная рука администратора» возможно чаще облакалась в бархатную перчатку. «Неизбежное» манипулирование массами элита должна осуществлять в более мягких формах, создавая иллюзию «добровольного» подчинения ее «целесообразным» решениям.

«Демократическое», «мягкое» лидерство противопоставляется авторитарному, жесткому, грубому лидерству и рассматривается в качестве оптимального как с точки зрения ослабления классовых конфликтов, так и функционирования отдельного предприятия, ибо оно, по замыслу, не унижает подчиненных,

пробуждает их активность, позволяя достичь наиболее высокой производительности труда.

Б. Басс, описывая виды лидерства в США, отмечает: «На одной стороне мы находим вежливых руководителей, делающих упор на награды за хорошо выполненную работу, на получение подчиненными подлинного удовлетворения от своей работы, поддерживающих у подчиненных чувство собственного достоинства, относясь к ним как к равным, создающих для подчиненных атмосферу, в которой они свободно разговаривают с лидерами... На другой стороне — грубые надзиратели, которые часто требуют больше, чем человек может сделать, критикуют подчиненных перед лицом других, третировают их, не считаясь с их чувствами, унижают достоинство или угрожают безопасности подчиненных, действуют без консультаций с ними, отказываясь принимать их предложения и объяснять свои действия» (59, 99). Басс явно предпочитает первый тип лидерства, маскирующий классовую природу власти в буржуазном обществе. Ряд социологов вообще считает, что только «демократическое лидерство» имеет право именоваться подлинным лидерством, что отношения лидерства возникают только тогда, когда группа следует за лидером добровольно. Проводится различие между лидерством (leadership) и главенством (headship), когда речь идет о должности. Впрочем, большинство употребляет термин «лидерство» в обоих случаях.

Английский социолог Р. Холмс, говоря о существовании в обществе «социальной дистанции», пишет: «Иное дело, основывается ли эта дистанция на рождении или заслугах». В первом случае возникает традиционное лидерство, во втором — демократическое. Традиционный лидер опирается на закон или обычай, он редко сталкивается с новыми ситуациями, власть, как правило полученная по наследству, «исходит» от него самого. «Демократический лидер возникает обычно в условиях динамически изменяющихся ситуаций... Он должен доказать, что служит самой группе, он апеллирует к ситуации. Такой лидер может сказать: «Смотрите, не я прошу вас сделать что-то, это требование ситуации. Я также должен трудиться и страдать»». Холмс пишет, что тради-

ционные виды лидерства не удовлетворяют «массовое общество». «Что хочет рабочий от «хорошего босса»? Ни того, чтобы он был недоступным, ни того, чтобы он был равным коллегой... Подчиненные хотят иметь свое пирожное... Им нужен источник психологической поддержки (капиталист отныне не угнетатель, он источник «психологической поддержки»! — Г. А.), и в то же время демократический источник» (51, 1965, № 2, 132—136). Претендуя на знание психологии «современного рабочего», Холмс ориентируется на рабочего с буржуазным сознанием.

От лидера в бизнесе требуется умение «срабатываться с людьми», непринужденно, внешне демократично, но на самом деле твердо, «не давая людям распускаться», направлять их на достижение целей корпорации. Как говорится в памятке-брошюре, изданной «Саккони Вакуум Ойл К⁰», «бизнес слишком сложен. Ни один человек не может сделать все сам, он должен уметь работать с другими людьми» (89, 24). Хорош лидер, умеющий заставить работать других.

Призывы к «демократизации» лидерства стали обычны и в западноевропейских странах. Характерно обращение к руководителям промышленности ФРГ буржуазного экономиста И. Хойслера, подчеркивающего «настоятельную необходимость» замены доминирующих в настоящее время авторитарных, бюрократических методов в руководстве «демократическим, коллективным стилем», коллегиальностью, верой в добрую волю и чувство ответственности сотрудников, децентрализацией управления (70, 74—80).

«Демократическое» лидерство не случайно называют иногда рыночным лидерством, что, в частности, применимо к политическому управлению: буржуазный политический лидер выставляет себя «на продажу» (в период избирательной кампании), обнаруживает свою программу и старается «продать» ее возможно большему числу «покупателей». При этом он, как всякий торговец, не скупится на рекламу и принаравливается к покупателям¹. Итак, «демократиче-

¹ Характерно, что «демократическое» лидерство в политике трактуется отнюдь не с позиций активности, самостоятельности масс; за ними признается право не выдвигать лидеров, а выбирать между предложенными лидерами.

ским» лидерством именуют методы управления в капиталистическом обществе, имеющие целью придать управлению демократическую видимость, но в действительности основанные на отстранении народных масс от активного участия в политической жизни буржуазного государства.

Для понимания рассматриваемой концепции важна проблема формального и неформального лидерства¹. В неформальной организации обнаруживается тот факт, что личность в бюрократизированном «массовом обществе» не тождественна своей социальной функции, она обладает относительной самостоятельностью по отношению к этой функции, ее интересы не исчерпываются участием в формальной организации. В противоположность регламентированным связям, характерным для «массового общества», неформальная структура возникает спонтанно, как реакция членов группы на структуру, жестко «программирующую» деятельность личности.

Исследователи «неформальных организаций» давно уже заметили, что «функция внутриучрежденческих клик состоит в том, чтобы дать сотрудникам возможность сопротивляться нажиму со стороны работников, облеченных формальной властью» (42, 471). Самый простой, но, как выяснилось, наименее эффективный рецепт в отношении таких организаций — попытка разрушить их. Вместо разрушенных,

¹ Формальным лидером называется официально назначенный руководитель. Неформальный лидер — человек, который, не занимая формально руководящего поста в организации, может влиять на поведение других людей, добровольно принимающих его лидерство (82, 450). Характеризуя формальные и неформальные отношения, Басс пишет: «Взаимодействие является формальным, когда оно происходит между людьми, занимающими определенные посты, независимо от того, кто их занимает. Неформальное взаимодействие осуществляется между людьми, независимо от положения, которое они занимают в группе» (59, 84). Басс поясняет это на примере. Сотруднику предприятия потребовалось 100 долларов на новое оборудование, и он направляет соответствующую просьбу начальнику финансового отдела; это — формальное отношение. Сотрудник Джо, зная, что его непосредственный начальник не одобрит расхода, связывается со своим приятелем из финансового отдела Эдом, который может помочь ему в приобретении оборудования; это — неформальное взаимодействие.

однако, возникали, воссоздаваясь из пепла, как феникс, новые, опять-таки вне официального контроля, организации. Было замечено также, что неформальная организация не всегда негативно соотносится с формальной, она может компенсировать недостатки последней, помогать включению личности в организацию¹. Однако гораздо чаще неформальная организация выступает как форма сопротивления целям формальной организации, образуя своеобразный способ защиты личности от бездушной регламентации бюрократизированного буржуазного общества.

«Социальные инженеры» советуют лидерам «массового общества» не разрушать неформальные организации, а овладевать ими, иметь в них своих людей, контролировать их, используя на пользу корпорации (можно постараться подкупить неформального лидера прямо или, чаще, косвенно, продвигая его по службе, показывая ему, что корпорация его ценит; все это, разумеется, не относится к «красным» неформальным лидерам; по отношению к ним политика иная — выживание их с предприятия). Неформальное лидерство и является ключевым моментом неформальной организации. Г. Ландберг писал, что при изучении неформальных групп особенно важно выявлять их лидеров. И нанятые фирмой «социальные инженеры» выявляют структуру неформальных групп, их лидеров, чтобы изолировать их в случае, когда они наносят ущерб интересам фирмы, и поощрять те неформальные группы, которые фирму устраивают. «Менеджеры склонны игнорировать неформальное лидерство, — жалуется Хейман. — Некоторые даже заходят так далеко, что пытаются разрушить его автократическими методами. Однако, вместо того чтобы разрушать это неформальное лидерство, менеджер поступит мудро, если попытается сотрудничать с ним и обеспечить его помощь в достижении целей компании» (82, 447).

¹ Шибутани пишет, что неформальные нормы развиваются там, где «формальная социальная структура оказывается неадекватной, обычно в «пустых местах», образующихся между формальными предписаниями. Они возникают, когда формальные предписания настолько негибки, что не позволяют эффективно действовать в конкретных ситуациях» (46, 335).

«Демократическое лидерство» находится в центре социометрических исследований¹. Социометристы стремятся добиться, чтобы формальная структура группы находилась в возможно большем соответствии с ее неформальной структурой и чтобы формальное лидерство по возможности совпадало с неформальным (социометрическая процедура и направлена прежде всего на выявление неформального лидера и соответствующую перестройку структуры небольшой группы).

С теорией лидерства сопряжен и менеджмент². С одной стороны, лидерство шире менеджмента, который часто определяют как лидерство на производственном предприятии, иногда — как лидерство в любой формальной организации. С другой стороны, менеджмент помимо социально-психологических включает и определенные технологические аспекты лидерства. Большинство современных теоретиков «научного менеджмента» — сторонники «демократического лидерства», считающие сердцевиной его использование активности, спонтанности членов руководимого коллектива. Т. Хейман пишет: «Лидерство может быть определено как процесс, посредством которого руководитель направляет других, влияет на индивидуумы и организацию таким образом, чтобы обе стороны получали максимальное удовлетворение... менеджер может сравнительно неплохо управлять и не будучи лидером; лидерство — не синоним менеджерской способности, хотя эти термины смешивают... Очевидно, что менеджер будет более эффективным, если он является также и лидером» (82, 440).

Чтобы ближе присмотреться к менеджменту как «оптимальному» лидерству, надо иметь в виду его эволюцию. Ф. Тейлор выступал против авторитарного, «военного типа» руководства, призывая заменить его «функциональным лидерством», причем считал, что последнее обладает столь же «точными законами», как и инженерия. Г. Эмерсон полагал, что главное в управлении не гениальный лидер, а научная система, что «правильные принципы в руках

¹ На исследованиях лидерства специализировалась социометристка Элен Дженнингс (см. 90).

² О теориях менеджмента см. 23.

посредственных людей оказываются сильнее бессистемных действий гения». Утверждая, что «дисциплинарные акты» должны исходить «не беспорядочно со стороны лидеров», наделенных официальным авторитетом, но из общей системы, он выступал против волюнтаристского лидерства.

Ранний менеджмент критикуют за то, что он не обратил достаточного внимания на человеческую психологию, считал единственным носителем активности лидера производственного коллектива. Д. Макгрегор, например, считает, что нельзя рассматривать подчиненных только как «сырой материал», который нужно наиболее эффективно использовать. Субъектом производственного процесса объявляется вся иерархия капиталистического предприятия: менеджер — начальник цеха — мастер; отдельные социологи добавляют сюда и рабочего, «полезную» активность которого призывают утилизировать. При этом учитывается огромное усложнение процесса управления современным предприятием, которое не под силу не только капиталисту, но и нанятой им иерархии надсмотрщиков. Для наиболее полного решения проблемы управления на всех уровнях (прежде всего на самом низшем) предлагается подключить к нему и рабочего, заинтересовав его в повышении производительности его собственного труда. Если ранние теоретики менеджмента откровенно признавали труд рабочего нетворческим и неприятным делом, считая, что поднять его производительность можно только такими стимулами, как увеличение зарплаты, страх перед увольнением и т. п., то теоретики «человеческих отношений» поставили перед собой задачу (принципиально невыполнимую в условиях капитализма) — сделать труд рабочего привлекательным, создать иллюзию того, что он не просто наемный раб капитала, а участник управления, что его ценят, к его мнению прислушиваются, добиться, чтобы он гордился своей принадлежностью к определенной фирме. Но все усилия «социальных инженеров» направлены на создание иллюзии творческого труда; на деле же практика «человеческих отношений», по признанию Э. Фромма, приводит к усилению манипулирования массами.

Основной путь к решению проблемы менеджмента его современные теоретики видят в подготовке элиты лидеров, способных «анализировать групповые чувства», ставить диагноз социальной болезни, организовывать производство «с использованием минимума власти и максимума внимания к труду индивидов» (89, 177). Монополии щедро поддержали теоретиков «человеческих отношений». Наиболее дальновидные бизнесмены почувствовали, пишет Ю. Дженнингс, что спонтанность индивидов, их стремление к кооперации «может быть утилизирована умной практикой» (89, 177). Ряд американских, а затем и западноевропейских корпораций стал готовить кадры «лидеров» по программе «человеческих отношений». Только «Дженерал электрик» тратила в 60-х годах на подготовку лидеров в рамках этой программы свыше 5 миллионов долларов ежегодно. Ставится задача воспитать лидеров, которые будут «не подгонять подчиненных, а мотивировать их... Великий лидер — тот, кто больше использует народ, чем властвует над ним» (89, 179). Монополии считают, что получают двойные дивиденды по программе «человеческих отношений», достигая и повышения производительности труда, и подчинения трудящихся буржуазной идеологии. Специалисты по «человеческим отношениям» из «Дженерал моторс» пишут, что они «пытаются использовать группу как агента по подъему производительности и морали» (89, 180).

В самом основании буржуазных теорий «демократического лидерства» заложено противоречие: управление в антагонистических формациях по существу не может быть демократическим, ибо оно направлено против интересов народных масс, на их угнетение и эксплуатацию (что не исключает «демократического» камуфляжа лидерства). Поскольку подлинно демократического лидерства в эксплуататорском обществе быть не может, рассматриваемые концепции неизбежно имеют демагогический оттенок.

Тенденция буржуазных социологов рекомендовать предпринимателям и государственным органам внедрять «демократические» методы лидерства вместо авторитарных не случайна; она связана с потерей капитализмом былой уверенности в способности

управлять массами старыми средствами, с вынужденным маневрированием перед лицом притягательного примера социалистических стран. Разумеется, классовая природа «демократического лидерства» тщательно маскируется, буржуазные социологи выдают свои рецепты за наиболее целесообразные с точки зрения «общественной пользы». Их подход к проблеме лидерства в отрыве от социальной структуры общества не может не быть чисто формальным, ибо управление есть функция социальной структуры, целиком определяется последней. Теоретики лидерства, анализируя многочисленные внешнеполитические и внутривнутриполитические провалы капиталистических лидеров, заявляют, что они могли бы быть предотвращены или сведены до минимума, если бы последние действовали оптимально. Причины этих провалов связываются с отсутствием научной системы управления; теория «научного лидерства» рассматривается как панацея от подобных провалов. «Научной» системой руководства, позволяющей достичь наиболее действенных результатов, и объявляется «демократическое лидерство».

**Лидер
или «человек
Организации»?
Кризис лидерства
в «массовом
обществе»**

Господство бюрократических монополистических организаций не может не оказать существенного воздействия на характер лидерства в капиталистическом обществе. «В бюрократической системе роль индивидуума в основном совпадает с положением, которое он занимает... В обществе, становящемся бюрократическим, как наше общество,— пишет Ю. Дженнингс,— великий человек подчинен квалифицированному человеку. Исполнитель сбросил с трона лидера» (89, 27—28). Одни буржуазные социологи опасливо относятся к бюрократическим гигантам, завладевшим жизнью капиталистических стран, другие говорят о них как о неизбежном зле, третьи восхваляют их как форму управления, адекватную «массовому обществу», четвертые критикуют их с позиций романтизированного раннего капитализма. Не случайно Дженнингс жалуется, что «даже само индивидуальное лидерство стало рассматриваться как романтический пережиток прошлого» (89, 29). Как за-

явил президент дюпоновской корпорации К. Гринуолт, «ответственная группа заняла место ответственного индивидуума».

Классическим исследованием влияния бюрократических учреждений на личность считается книга У. Уайта «Человек Организации». Уайт пишет, что современная бюрократическая организация не терпит незаурядных людей, нонконформистов, она «борется против гения». В бюрократизированном американском обществе «хорошо сыгранная команда ценится выше, чем блестящие умом люди» (120, 225). Уайт проводит различие между лидером и администратором: администратор управляется организацией, выполняет функции, предписанные ею; лидер определяет направление и характер организации. Лидер должен преодолеть пресс массовой организации, не потеряв в ней свою индивидуальность. Но именно администратор-конформист, безлико осуществляющий установленные функции, человек Организации, и становится обычно во главе ее. И Уайт уныло констатирует: «*Бюрократ как герой* — новое явление для Америки» (120, 83).

Бегство лидера от ответственности, безоговорочное принятие им принципов и целей бюрократической организации, описываемое Уайтом, отражает существенные тенденции развития современного капитализма, прежде всего его бюрократизацию. Многие капиталисты, и особенно сыновья предпринимателей, вместо того чтобы продолжать дело отца со связанным с ним риском конкуренции, предпочитают перейти на службу монополиям, что дает гарантированный доход, не связанный с большим риском. Но при этом, разумеется, приходится жертвовать своей независимостью, стать человеком Организации¹ (монопо-

¹ Причем уход от самостоятельного предпринимательства под крыло монополистической организации не снимает бешеной конкуренции в капиталистическом обществе, но переносит центр ее тяжести внутрь корпорации. Внутрикорпоративная конкуренция может быть еще более жестокой, ибо она, несомненно, более скрыта, мелочна, сопровождается подсиживаниями, интригами, закомуфлирована уверениями в преданности Организации. Задача участника современной внутрикорпоративной борьбы состоит именно в том, чтобы сыграть коллективиста, не став им, отмечает Э. Ю. Соловьев (см. 31).

листического объединения, государственного органа). Как отмечает Дж. Гэлбрейт, «связав себя с группой, ее участник находит привлекательными для себя ее цели или подчиняется им. Эти цели заменяют ему собственные цели. Он видит преимущества — доступ к источникам силы и влияния, — связанные с заменой собственных целей на более скромное положение в крупной организации...» (38, 187). Организация позволяет «расширить сферу его влияния. А более высокое положение в иерархии способствует укреплению иллюзии власти» (38, 201). Типичным современным буржуазным лидером и оказывается человек Организации (отметим, что по образцу монополистической корпорации строится и государственное учреждение, и армия). Личность становится частью бюрократического аппарата; ее воля, наклонности приносятся в жертву тому, что Уайт называет «групповым интересом» и что на деле является интересом монополистов, владельцев Организации.

Бюрократизация «массового общества» — объект критики ряда западных социологов, атакующих буржуазный группизм с позиций индивидуализма. Фромм, заявляя, что индивид первичен по отношению к группе, что группа разрушает его инициативу и ответственность, особой критике подвергает теорию «человеческих отношений». Ю. Дженнингс более осторожен: «Пока сверхсильные индивиды не появятся на американской сцене, чтобы показать, как жить в наших огромных организациях без потери героической перспективы и самоуправляемости, «человеческие отношения» и упор на ресурсы группы принесут пользу» (89, 195). Он рекомендует лидеру «массового общества» жить «в гармонии с прессом Организации, не будучи поглощенным ею» (89, 233). Дженнингс признает, что в условиях бюрократизации возможности выбора решений лидером резко ограничиваются, он все меньше имеет возможность проявить свое «я» и жалуется на то, что тип людей, процветающих в этом обществе, — «сверхорганизованные люди». Именно с бюрократизацией общественной жизни связывают западные исследователи факт «падения лидерства» в капиталистическом обществе, «измельчание лидеров», крушение их престижа, констатируя,

что «лишь немногие из наших лидеров служат великим целям, добровольно выбранным ими. Все слишком часто выбирают цели, в которых получает выражение культурный стереотип лидерства» (89, 145). Подобная индивидуалистическая критика процесса бюрократизации лидерства, избегающая ставить вопрос о классовой природе этого процесса, бьет мимо цели.

Теоретики «демократического лидерства» претендуют на то, чтобы продолжить традиции просветителей, видевших задачу в разъяснении людям их собственных интересов, их ориентировке, просвещении. Но лидерство в современном капиталистическом массовом обществе имеет целью подчинить людей бюрократическим организациям, превратить их в конформистов, принимающих заданные ими цели и ценности. Иначе говоря, лидерство все более превращается в манипуляторство, несколько закамуфлированное, но неизменно наталкивающееся на скрытое или явное сопротивление масс. Упомянутая Э. Дженнингс, понимая эти обстоятельства, ратует лишь за такие формы лидерства, при которых члены группы «не чувствовали бы, что принуждены поступать так, а не иначе, и думали бы, что поступают по своей воле» (90, 118).

Ж. Маритен предложил критерий для разграничения позитивного лидерства и манипуляторства: «Пробуждают народы или их используют?» Пробуждает ли государственный деятель, лидер активность масс, мобилизует ли на действия, соответствующие их собственным интересам, или же он использует их для достижения чуждых им целей, для собственного возвышения или для защиты интересов привилегированного класса (манипулирует массами)? По отношению к современному капиталистическому обществу, к его лидерам, выражающим интересы класса — угнетателя народных масс, ответ может быть только один, и противоположный тому, который хотелось бы получить Маритену: гнивающий капитализм пытается именно использовать массы, манипулировать ими, видя в этом суть лидерства.

Бюрократизация социальной жизни оказала наибольшее воздействие на политическое лидерство,

государственное руководство капиталистических стран. Вот особенности «лидерства в национальном масштабе», отмечаемые западными исследователями: 1) Оно носит «дистанционный» характер. Лидер и последователь не имеют прямых контактов друг с другом, их отношения опосредуются массовыми коммуникациями, организациями. 2) Это многоролевое лидерство. Политический руководитель выполняет различные роли, действуя в соответствии с различными ожиданиями: его непосредственного окружения, партии, бюрократической исполнительной машины, наконец, широкой публики. Важнейшая задача лидера — поддерживать эти, подчас противоречивые, роли в определенном равновесии. 3) Лидерство носит более или менее корпоративный характер. Хотя политическое лидерство приписывается обычно одному человеку (президенту, премьер-министру), оно всегда продукт «организационной активности». Государственный руководитель стал символической фигурой, и его многочисленные роли фактически выполняют многие люди, прежде всего его ближайший штаб, «исполнительная элита». 4) Лидер действует в условиях предписанных норм, определяющих масштабы его власти и каналы ее осуществления; бюрократические институты относительно автономны (случаи внезапной смерти лидера показывают, что они функционируют и в отсутствие руководителя) (см. 88, vol. 9, 107). Действительно, бюрократическая машина «работает» независимо от персональных изменений в буржуазном правительстве. Отсюда и многочисленные жалобы, что подобная институтизированная процедура угрожает способности лидера принимать самостоятельные решения.

Самый характер принятия решений в громоздком монополистическо-бюрократическом аппарате снижает возможность того или иного политического лидера воздействовать на курс государственной политики. В последнее десятилетие мы были свидетелями нескольких смен хозяев Белого дома, иногда весьма драматических, но можно ли сказать, что радикально изменялась политика? Э. Линкольн пишет, что различия между Кеннеди и Джонсоном «гораздо фундаментальнее, чем между Монтеки и Капулетти. Эти

два семейства жили, в конце концов, в одной и той же Вероне. Кеннеди и Джонсон жили в разных мирах» (95, 2). Но они «жили» в одной госмонополистической системе, и когда «блестящую профессорскую команду» Кеннеди сменила «техасская мафия» Джонсона, изменился скорее стиль руководства. Монополистическая буржуазия цепко держит власть.

Многие сегодня пишут о кризисе политического лидерства в буржуазном обществе. Но буржуазные теоретики не хотят признать, что этот кризис всего лишь проявление общего кризиса капитализма. Реакционный, умирающий класс не может научно руководить обществом, он лишь приспособливается к обстановке, силясь всеми средствами удержаться на поверхности, сохранить свои привилегии. Метафизически рассматривая феномен лидерства как самодовлеющий, способный сам по себе разрешить все социальные проблемы, буржуазные социологи мечтают о «возрождении лидерства», о вдохновенных, гениальных лидерах. Богардус писал: «Никогда еще мир не нуждался в великих лидерах так, как сейчас» (68, 288). Р. Беллоуз полагает, что для спасения цивилизации необходимо «созидательное лидерство», ибо только оно способно «сплотить людей в гармоничный коллектив» (63, IX). И это говорится применительно к классовому, антагонистическому обществу! Поглощенный межличностными отношениями в малых группах, Беллоуз склонен пренебречь такими «детальями» макромира, как классовые интересы и классовая борьба.

Проблема кризиса лидерства в США давно уже вышла за рамки специальных социологических исследований. «Нью-Йорк Таймс» писала, что никогда еще лидерство в США не падало так низко в глазах людей, не было так непопулярно. При этом обвиняются отдельные лидеры, неспособные обеспечить стабильное и гибкое руководство, говорится об «истощении идей» у «духовных лидеров»¹.

¹ «Позиция президента (США) еще никогда не была так ответственна,— пишет Дженнингс,— но она серьезно снижается кабинетной политикой, заседаниями, группами советников, помогающих президенту выработать решение... Институты и бюрократия имперсонифицируют взгляды президен-

Огорчение отсутствием «героических лидеров» нередко дополняется известными опасениями. Так, А. Шлезингер отчасти побаивается (и не без оснований) «героического» лидерства, хотя и пытается доказать его совместимость с буржуазными ценностями. «Как можем мы быть уверены, что героический конституционный лидер не использует свою исключительную власть для того, чтобы уничтожить конституцию?.. Нет гарантированного ответа на этот вопрос» (48, 1960, № 6, 9).

Да, государственно-монополистический капитализм не рождает героических лидеров. Последние, как справедливо пишет Дженнингс, «должны иметь цели». А у вождей монополистической буржуазии он не находит более возвышенных целей, чем стремление обогатиться, прославиться, извлечь побольше выгод из занимаемого положения. Если система смертельно больна, неудивительно, что она порождает паралич лидерства, вырождение его в прямое манипуляторство.

та» (89, 17). Одна из американских газет писала в начале 60-х годов, что история современного американского президентства показала, что президентом может быть кто угодно (имея в виду бесцветную личность Г. Трумэна, демагога с кругозором провинциального лавочника) и вообще никто (имея в виду Эйзенхауэра, увлекавшегося гольфом и передоверявшего решение государственных вопросов другим лицам). Процесс нивелировки индивидуальностей пронизывает все уровни современного капиталистического общества и, пожалуй, наиболее сказывается на его элите (поведение капиталиста имперсонифицировано, оно есть прежде всего, как показал Маркс, функция капитала). Западные социологи пишут об отчуждении лидера в «массовом обществе», о его одиночестве, отрыве от населения, об утере «интимного контакта» между ними.

МАНИПУЛИРУЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»

Доктрина «массового общества» возникает как социально-психологическая и социологическая конструкция, задуманная прежде всего для описания социальной структуры, которая низводит личность до роли марионетки, где ее поведение полностью «запрограммировано», регламентировано, где она не является субъектом социальной активности, а, напротив, ощущает себя жертвой обезличенного социального процесса или — того хуже — даже не осознает утраты творческого, человеческого содержания в своей жизни, превращаясь в «веселого робота» из антиутопий О. Хаксли или Р. Бредбери. Эта конструкция возникает в ответ на потребность объяснения противоречивого положения личности в современном капиталистическом обществе. Культурный уровень, объем информации, техническая оснащенность человека резко возросли, он свободен от патриархальных уз, сковывавших личность, богаче набор его социальных ролей, его социальные связи стали многограннее. Но вместо самостоятельности личности западные социологи единодушно признают противоположное явление — рост зависимости человека. В концепциях «массового общества» это противоречие не разрешается, а лишь воспроизводится порой в острой форме, осознается даже как трагедия личности. Развитие государственно-монополистического капитализма убедительно показало иллюзорность традиционно воспевавшихся индивидуалистических ценностей; это общество попирает право человека и даже

буржуа на автономное, самобытное существование, оно стремится к тотальному контролю над личностью, требует массового производства конформистских, поддающихся манипулятивному управлению людей.

Авторы доктрины сталкиваются с дилеммой, порожденной специфическими противоречиями современного капитализма. Личность в «массовом обществе» порабощена социальными условиями, на которые она не может воздействовать (во всяком случае, в одиночку, а это единственный способ действий буржуазного индивидуалиста), и выход видится в том, чтобы, приняв это общество, «плыть по течению» и, став конформистом, попытаться сделать карьеру внутри него. С одной стороны, возрастает потенциальная возможность человека оказывать возрастающее воздействие на социальный процесс (растет его научная и техническая вооруженность), с другой — эти возможности оказываются нереализованными и он в еще большей мере сковывается эксплуататорскими отношениями. Он подчинен бездушному, обезличенному социальному организму с его холодной рационалистичностью, он деталь социальной машины, на которую не может воздействовать, и уже потому собственная деятельность представляется ему иррациональной.

Растущее манипулирование человеком, все более полная и жесткая регламентация его жизни как в сфере производства, так и материального и духовного потребления широко освещаются буржуазными социологами (но неизменно отрываются от социально-политической структуры, их породившей). Манипулируемая личность, бюрократизированный «человек Организации», «человек-масса», «массовый одиночка», отчужденная, атомизированная личность, «направляемая другими», — вот антигерой бестселлеров западной социологической литературы (популярность которых во многом объясняется тем, что среди интеллигенции Запада растет протест против всех форм и видов манипулирования, грозящий перерасти в протест против самих манипуляторов). Вся «активность» человека массы, не вступающего на путь активной борьбы против капитализма, сводится к исполнению

предписанных сверху функций. Неудивительно, что личность в этом обществе лишена возможностей гармонического развития, обречена на одностороннее, робоподобное существование.

Но может быть, система, обрекая на бесчеловечное существование трудящегося, создает условия для гармонического развития личности капиталиста? Ф. Энгельс писал: «...не одни только рабочие, но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа поработан своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли...» (2, 20, 303—304). И западным социологам приходится признать, что современный капитализм редуцирует не только личность рабочего. Не чувствует себя самостоятельной, автономной личностью и буржуа: монополии, государственная бюрократия все более сковывают, парализуют предприимчивость, активность буржуа. Трагедия личности в «массовом обществе» оказывается тотальной.

Пытаясь объяснить положение личности в системе государственно-монополистического капитализма, критики «массового общества» в духе концепций конвергенции пишут о «массовизации, свойственной XX веку». При этом ответственность за обезчеловечивание личности снимается с капитализма и возлагается на «фатальные следствия» индустриализации, на «человека-массу». Антагонизмы умирающего строя изображаются как противоречие между личностью и массой, и это не просто фальсификация: подобным иллюзорным образом конфликты современного капиталистического общества отражаются в буржуазном сознании. Как отмечал В. И. Ленин, мещанину вообще свойственно сваливать на массу то, что сделал капитализм. Аргентинский марксист Э. Агости справедливо замечает, что «при социологическом анализе, вынося суждения относительно особенностей «массового общества», забывают о классовых отношениях и поэтому обычно искажают фактические данные проблемы» (34, 50). Так что само по себе выражение «массовое общество» всего лишь эвфемизм для обозначения современного капитализма.

**Условия
и предпосылки
«массовизации»**

Общим для всех вариантов доктрины «массового общества» выступает стремление как-то осмыслить включение масс в структуру производства, потребления, политики, культуры современного буржуазного общества. (По С. Багу, в «массовом обществе» население «принимает активное участие в динамике национальных структур»; см. 34, 53.) При этом определения «массового общества» нарочито широки, под них стремятся подвести и капиталистические, и социалистические страны. Но ведь народные массы по-разному «включаются» в структуру производства, потребления, культуры в условиях капитализма и социализма. При капитализме «включение» масс носит такой характер, что львиная доля национального продукта, политических прерогатив, социального престижа, достижений культуры оказывается в руках ничтожного меньшинства.

Описание социально-экономических предпосылок «массовизации» обычно начинается с указания на демографический взрыв последних ста лет¹. Признается, однако, что сам по себе рост населения не может привести к возникновению «массового общества». Как отмечает Корнхаузер, «большое народонаселение само по себе еще не создает массовых отношений, хотя массовые отношения менее вероятны при небольшом населении... если общество состоит из тысяч деревень, это еще не массовое общество, ибо человеческие отношения концентрируются на уровне деревни и поддерживают интегральность деревни» (88, vol. 10, 58). В «массовом обществе» основной уровень социальных отношений — государственный.

В экономической области «массовизацию» западные социологи связывают с индустриализацией и урбанизацией. «Массовизация» рассматривается как продукт «индустриальной цивилизации», в которой техницизм глубоко проник в сознание людей, а наука

¹ В западногерманском философском словаре мы читаем: «Буржуазное общество уже примерно с середины XIX в. вследствие все более быстрого роста населения стало приходить к убеждению, что оно преобразуется в общество масс. Эту форму общества многие социологи считают единственно возможной для европейской... цивилизации» (45, 351).

и техника превратились в культ, в новую форму религии. Техническое мышление, отмечает западногерманский врач и социолог И. Бодамер, стало всеобъемлющей формой духовного самовыражения: «массовый» человек уклоняется от всех задач, которые не укладываются в привычные ему технические категории. Отмечая негативные стороны технического прогресса, критики «массового общества» видят зло в самой технике, а не в ее капиталистическом применении; «массовизация» рассматривается как фатальное следствие современной научно-технической революции.

При этом особое место отводится массовому производству. «Массовая продукция — символ «массового общества»», — пишет Мартиндейл (102, 48, 49). При этом массовое производство связывается с манипулированием вкусами людей¹. Капитализм свободной конкуренции исходил из суверенитета потребителя. Монополии не могут пустить на «самотек» потребление и берут его под жесткий контроль, «уравнивая» вкусы потребителей. Как пишет Дж. Гэлбрейт, «фирма — изготовитель продукции распространяет свой контроль на рынки и за их пределы, то есть она управляет рыночным поведением и формирует социальные установки тех, кого она предположительно обслуживает» (38, 260). В «критических» вариантах рассматриваемой доктрины массовое производство — источник зла, в «позитивном» варианте — ключ к благоденствию.

В социальном отношении «массовизацию» связывают с отрывом населения от патриархально-общинных и иных типов докапиталистических отношений, с переносом центра деятельности общества на государственный уровень. Эти процессы, по мнению буржуазных социологов, приводят к тому, что человек

¹ Без стандартизации вкусов поломался бы весь производственный процесс, замечает тот же Мартиндейл. Пуританское отношение к потреблению, характерное для XIX века, уступило место «потребительскому подходу». И «массовое общество» — это потребительско-приобретательское общество, в котором центр тяжести перенесен на потребление. Если в производстве субъект активен, то в потреблении он по преимуществу пассивен. Этому обществу соответствует и потребительская идеология.

становится одиноким, отчужденным от природы и других людей. «Потеряв свое прочное место в замкнутом мире, человек перестает находить ответ о смысле жизни, начинает испытывать сомнения в себе самом» (42, 493—494). Конфликт между стремлением обрести индивидуальность и требованиями общества приводит к «разорванности сознания», возникает «человек массы», социально отчужденный, неустойчивый, несамостоятельный, ориентирующийся на других, обезличенный, подверженный пропагандистским лозунгам.

«Массовое общество» обычно рассматривают как модель определенных типов социальных отношений, доминирующих в обществе, при которых социальные институты организованы таким образом, что «имеют дело с народом в агрегате» (88, vol. 10, 58), а сходство индивидуумов считается более важным, чем различие. Индустриализация и урбанизация разрушили «промежуточные» структуры, в которых функционировал индивид, — общину, ремесленный цех, сословие. Их место заняли гигантские бюрократические организации, господствующие в политике, экономике, культуре капиталистических стран. Под «массовым обществом» подразумевают систему социальных связей, внутри которой личность соотносится с социальным целым лишь как элемент массы — механической совокупности индивидов, подчиняющихся системе принудительных норм и правил, заданных элитой.

В политической области критики «массовизации» утверждают, что «массовая демократия», опирающаяся на всеобщее избирательное право, ведет к «вторжению неквалифицированных» в сферу управления, следствием чего является упадок политического лидерства, подрыв позиций элиты. Вместе с тем левые критики «массового общества» указывают на монополизацию власти элитой, которая манипулирует людьми, превращая их в «политически инертную массу» (Миллс).

В области духовной жизни это — общество «массовой культуры»; элитарная культура гибнет, массовые средства общения унифицируют и нивелируют «духовное потребление», снижают культурные стандарты. Духовное производство стало индустриаль-

ным, подавляющим самостоятельность мышления; оно «подключает» индивида к чуждой его интересам социальной системе, превращая в послушного агента буржуазного псевдоколлектива, навязывая ему определенную систему символов потребления, предписывая социальные роли, ориентируя на принятие санкционированных элитой ценностей.

Теоретики «массового общества» не могут пройти мимо возрастающей роли народных масс в историческом процессе, но даже левые среди них не верят в историческую миссию пролетариата и связывают свои надежды лишь с радикальной интеллигенцией. В целом же теории «массового общества» представляют собой выражение классовой позиции господствующего класса, теряющего свои привилегии, но бешено цепляющегося за них, видящего в «нашествии масс» смертельную опасность для своего господства и рассматривающего возросшую роль народных масс как закат цивилизации. Теории эти опираются на определенные реальные процессы, учитывают закономерности деятельности больших масс людей, но дают им неадекватное, извращенное, субъективистское объяснение.

Буржуазный «группизм»

В социально-психологическом и идейном отношении «массовое общество» (читай государственно-монополистический капитализм) характеризуется кризисом буржуазного индивидуализма, вытеснением его буржуазным псевдоколлективизмом и группизмом. Процесс концентрации и централизации капитала, монополизации бизнеса подорвал свободную конкуренцию, а вместе с тем и идеологию, основанную на вере человека в свои силы и возможности; он принес социальные болезни миллионам буржуазных индивидуалистов, осознавших свое поражение в битве за успех (см. подробнее 25). «...Миллионы мелких, средних и даже часто крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов» (3, т. 22, 185). По мере развития монополий, их огосударствления индивидуальный капиталист уступает место коллективному. Субъектом капиталистических отношений оказывается уже не частный предприниматель, а гигантские

объединения, диктующие рынку цены и общую политику. Процветание буржуазной личности зависит не столько от ее предприимчивости, сколько от принадлежности к этим объединениям. В мире монополий «человек не ощущает себя центром своего мира, автором своих собственных поступков» (Фромм, 99, 56).

Протест против «падения ответственности» в «массовом обществе» сопровождается романтизацией капитализма свободной конкуренции, якобы дававшего простор для развития творческих потенций личности. Романтическая «тоска» по прошлому дополняется критикой отношения к человеку как к средству, как к винтику монополистической организации. Борьба против регламентации личности с позиций индивидуализма неизбежно ограничена; критики «массового общества» не видят подлинную причину трагедии личности в капиталистическом мире, и их критика бьет мимо цели.

Среди буржуазных социологов мы видим как бы «разделение труда». Одни пропагандируют государственно-монополистический «группизм». Другие — среди них и ультраправые, и прикрывающиеся либеральной и даже «леворадикальной» фразеологией — стремятся подчинить своему влиянию растущий протест масс против всевластия монополий, придать ему вид борьбы в защиту индивидуализма. В условиях монополистического капитализма происходит, писал В. И. Ленин, «удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу» (3, т. 27, 321). И вместо того, чтобы указать метущемуся индивидуалисту его действительного врага — монополистический капитал, буржуазные теоретики, претендующие на «защиту личности», указывают ему врага иллюзорного — организацию как таковую, коллективизм, а отсюда и коммунизм, поскольку он выступает за коллективизм, против индивидуализма. При этом глубокое недовольство политически незрелой массы «переводится» в русло антикоммунизма. Индивидуалистический протест против коллективизма как «потери личности» оказывается глубоко реакционным: он направлен острием своим против пролетарской солидарности, в нем явственно виден страх

буржуазии перед народными массами, перед их организацией.

Почти все современные буржуазные социальные психологи признают возросшую роль коллектива в жизни человека XX века. Но каков характер влияния коллектива на личность? Ответ на этот вопрос обнаруживает наличие различных точек зрения, и среди них — антиколлективизм (Лебон, Ортега) и псевдоколлективизм (Мэйо). Монополистическая буржуазия боится организации народных масс, их сплоченности, создания ими революционной партии, и ее идеологи проповедают, что коллектив поработает личность, что личность должна освободиться от этих угнетающих ее зависимостей.

Вместе с тем традиционный буржуазный индивидуализм уступает место буржуазному «группизму», более отвечающему потребностям государственно-монополистического капитализма. И в этом случае речь идет отнюдь не об академическом интересе: социальные психологи подчас выполняют прямые заказы монополий, стремящихся создать видимость «коллектива» на своих предприятиях, внушить рабочим и служащим мысль об их принадлежности к «группе», создать в ней оптимальный психологический климат, чтобы, с одной стороны, поднять производительность труда, с другой — привить рабочим и служащим буржуазную идеологию, заменить классовую солидарность рабочих «солидарностью» с капиталистическим предприятием.

Капитализм создает большие объединения людей как инструмент получения прибыли; К. Маркс называл их «псевдоколлективами». Это карикатура на подлинно человеческий коллектив, здесь нивелируется, обесчеловечивается личность. Такого рода иллюзорная коллективность представляет собой для угнетенного класса лишь «новые оковы» (2, т. 3, 75) и выступает как чуждая ему сила. Этому «суррогату коллективности», где подлинно человеческие отношения заменены отчужденными отношениями господства и подчинения, Маркс противопоставлял подлинную коллективность, ту добровольную ассоциацию, которая основана на активности, самостоятельности людей.

В условиях «массового общества» вырабатывается и соответствующая этика, которая, как отмечает У. Уайт, оправдывает принудительную духовную манипуляцию людьми ссылками на «интересы дела», «интересы предприятия» (120, 6—7). С ее помощью пытаются заставить массы поверить в псевдоколлективистские ценности, принять их в качестве норм своей жизни. Анализ поведения бюрократизированной личности, стремящейся сделать карьеру, добиться видного положения в бюрократической иерархии, посвящены такие социологические бестселлеры, как «Искатели статуса» Паккарда или «Человек Организации» Уайта.

Конкуренция, а вместе с ней индивидуализм и эгоизм — характерные черты капитализма; но в современных условиях их формы изменяются. Уайт убедительно показывает, что воздействие гигантских организаций (монополистических объединений, послушных им правительственных учреждений) порождает тип личности, характеризуемой такими чертами, как стереотипное мышление, несамостоятельность, приспособленчество, лицемерие.

Бюрократизация «массового общества» и личность Бюрократизация — неизбежный продукт государственно-монополистического капитализма (см. 25); не случайно она рассматривается как характернейшая черта «массового общества». Фромм называет американское общество «всеобъемлющим бюрократизированным индустриализмом», где «человек умер», а живы организации и машины, поработившие человека. Признавая, что бюрократизированное «массовое общество» несет угрозу личности, большинство западных социологов объявляют бюрократизм фатальным следствием технического прогресса, современного разделения труда, не могут связать его с конкретными социальными структурами. Принимается созданная Вебером теория бюрократии как идеального типа организации деятельности массовидного субъекта, в которой рациональность и обезличенность достигают высшей степени. Бюрократия в этой концепции — наиболее эффективный способ управления высокодифференцированным обществом, из которого изгоняются лич-

ностные, эмоциональные отношения. Она включает: централизацию власти, расчленение деятельности на элементарные операции и жесткое закрепление их в правилах, безличность отношений управления, иерархичность, подчинение бюрократическому «авторитету», формальную дисциплину и регламентацию. «Бюрократия,— пишет Танненбаум,— система закона в большей мере, чем система людей» (115, 7). А распространенное понимание бюрократии как извращений в работе государственного аппарата — затягивание дел, рутинерство и т. д. — рассматривается как вульгарное.

Насколько «эффективна» бюрократия? Можно признать, что бюрократическое управление оказывается не только «эффективным», но и единственно возможным в определенных социальных условиях. Весь вопрос в том, что понимать под «эффективностью», какова ее социальная природа. Бюрократизация «эффективна» лишь с позиций манипулятивного управления, оторванного от народных масс и противопоставленного им. Именно бюрократия обеспечивает «беспрепятственную» эксплуатацию масс, создает видимость компетенции, беспристрастности, даже «таинственности» управления, а институтизированные процедуры — впечатление фатальности, неотвратимости.

Однако положение об эффективности бюрократии неверно и по отношению к структуре самого управления: формализм, тщательно соблюдаемая субординация, формализованный ритуал, косность, ориентация на ожидание «руководящих указаний» со стороны не самых компетентных, но самых высокопоставленных, подавление инициативы снизу далеко не «рациональны» с точки зрения даже буржуазной теории менеджмента. Становится все более явным, что бюрократические формы приходят в противоречие с содержательными функциями управления, требующими гибкой структуры управленческих органов¹.

¹ Вебер отмечал дуализм бюрократии: с одной стороны, она требует компетентности, использует достижения техники, с другой — власть в бюрократии основывается на определенных иррациональных предпосылках; подчинение рассматри-

Но наиболее глубокие противоречия бюрократии заключаются в ее отношении к объекту управления. Еще Вебер высказывал опасения по поводу гибели личностного начала из-за подчинения обезчеловечивающей регламентации. Исследователи бюрократии признают, что она ведет к «упадку демократии», к производству стандартизированных людей, создает систему казенщины, бездушного манипулирования людьми¹.

Бюрократическая система управления, созданная монополиями, внешне выглядит как безличная, но на деле она маскирует отношения эксплуатации, обеспечивает манипулирование людьми, заставляя их делать то, что выгодно владельцу контрольного пакета акций корпорации. Так, путем осуществления над ними всеобъемлющего контроля глушится инициатива масс. Народные массы полностью исключаются из участия в управлении общественной жизнью, принятие решений рассматривается как прерогатива элиты. «Рядовой гражданин не в силах отстаивать свои взгляды перед людьми, делающими политику,— признает американский социолог Ф. Хантер.— Решения принимаются в верхах, заседания, на которых вырабатывается политика, происходят негласно, кан-

вается в известной мере как самоцель, вышестоящему подчиняются не в силу его особых знаний, а потому, что он занимает определенный формальный пост. Противоречия двух видов авторитета в бюрократии — основанного на пребывании в должности и на компетентности — отмечают и современные исследователи. Э. Голднер пишет: «...В одной и той же организации одновременно действуют два в корне различных критерия узаконения власти — власть, основанная на технических знаниях и опыте, и власть, основанная на пребывании в должности. Одно из наиболее сильных трений в современной организации, часто принимающее форму конфликта между оперативными и центральными управленческими группами, возникает в результате несоответствия между этими двумя основами власти» (42, 461).

¹ Миллс бросил горький упрек соотечественникам: американцы склонны считать себя самым индивидуалистическим народом, а между тем бюрократические корпорации достигли у них наивысшего расцвета, проникли во все области жизни. Как пишет американский социолог Нельсон, «бюрократия подтачивает каждый порыв. Всякое новое видение подчиняется стандартизации. Всякая вспышка духа гаснет в единообразии» (122, 162).

дидаты на общественные посты подбираются по соображениям личного характера и удобства для корпорации» (84, 252). И все большая часть американского народа, признает П. Блау, превращается в «винтики сложной машины бюрократических организаций» (66, 2).

Представители традиционного либерализма пропагандировали невмешательство политической власти в экономику и частную жизнь людей. Государственно-монополистический капитализм отказывается от «невмешательства» и, напротив, переходит к далеко идущему «вторжению» в экономику, к тотальному контролю за частной жизнью. Соответственно перестраиваются и буржуазные идеологи: «неолиберализм» признает необходимым государственное регулирование экономики, рассматривая бюрократические учреждения как «надклассовые».

Еще одно последствие бюрократизации — дальнейшее углубление социального неравенства или, как осторожно пишут буржуазные социологи, «противодействие эгалитаризму» (97, 161). Бюрократическая организация ведет к усилению социальных перегородок, создает систему замкнутых каст и клик. Лассуэлл признает, что «стандартизация положения в современных индустриальных обществах эквивалентна рангу в феодально-аграрных системах» (93, 304). Бюрократическо-иерархическая система во многом напоминает феодальную иерархию. Современное капиталистическое общество становится, по существу, кастовым, это вынуждены признать даже его апологеты.

Перед лицом растущей критики бюрократизации ее апологеты развернули спасательные работы. Предлагается различать «хорошую» и «плохую» бюрократии. Бюрократия грубая, опирающаяся на насилие, отвергается как «устаревшее управление», ей противопоставляется современная «рафинированная» бюрократия. Парсонс утверждает, что она ныне становится более демократичной, ссылаясь на то, что администратор считается с мнением эксперта¹. Про-

¹ Высказывая сомнение в правомерности подобного подхода, Г. Сьоберг пишет: «... Многие структуралисты-функционалисты преувеличивают степень гармонии, существующей

тестовать против послушания администрации бессмысленно, поскольку она вырабатывает оптимальные решения (оптимальные для кого? для какого класса? — этот вопрос Парсонс благоразумно обходит), а радикалы типа Миллса, протестующие против бюрократии, мыслят категориями прошлого века.

Теоретики государственно-монополистического капитализма стремятся учесть буржуазно-либеральную критику и замаскировать бездушные и казенщину, свойственные этому типу управления, «гуманизировать» его. «Модернизированная» бюрократия претендует на то, что она заботится о личности. Но «внимание» к человеку оказывается на поверку полицейской слежкой за ним. Лозунг «принимать во внимание личность подчиненного» рассматривается как способ «улучшения» манипулирования людьми. Современный бюрократизм не удовлетворяется контролем за поведением людей, он стремится контролировать их думы и помыслы; бюрократическая «забота о людях» вылилась в стремление дополнить обычный полицейский надзор духовной инспекцией.

Буржуазные социологи не могут раскрыть подлинную сущность и социальную роль бюрократии, ибо игнорируют ее классовый характер, изображают дело так, будто зло заключается в организации как таковой: век господства организаций подавляет личность. Они не могут разглядеть, что манипулирование человеком — продукт специфической формы, которую государственная организация принимает в условиях капиталистической системы. Еще К. Маркс показал, что отделение управления от управляемых, превращение его в особую силу, отличную от населения, в орудие классового господства эксплуататоров, порождает бюрократическое управление, ориентированное на пассивность масс (и порождает специфическую болезнь бюрократии, которая вырождается

в социальных системах... Хотя подобные бюрократии могут обеспечить известную степень мобильности в классовой структуре, выбирая персонал главным образом на основе универсалистских критериев, однако уже сам факт существования иерархических лестниц (у вершины которых стоит четко очерченная управленческая группа) противоречит требованиям равенства...» (42, 389).

в машину, функционирующую прежде всего для себя самой). «...Чиновник, в случае явного для всех бедствия, бóльшую часть вины возлагает на частных лиц, которые будто бы *сами* являются причиной своих невзгод,— не позволяя, с другой стороны, подвергать сомнению совершенство тех принципов управления и тех установлений, которые сами представляют собой продукт бюрократического творчества... Тот же взгляд, будто начальство *все лучше знает*, и то же противопоставление администрации объекту ее управления существуют и внутри самого бюрократического мира» (2, т. 1, 201). Именно с пониманием антинародного существа бюрократической государственной власти связано важнейшее положение марксизма о том, что победившая социалистическая революция не может просто взять у буржуазии государственный аппарат, она должна его сломать и создать новый, ориентированный на привлечение миллионных масс трудящихся к управлению обществом.

«Современная» капиталистическая бюрократия создала весьма совершенный механизм решения вопросов социального управления в интересах господствующего класса. Но и идеально отлаженная, она остается по существу антинародной. Именно бюрократия есть наиболее развитая форма отделения власти от народа. «Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это — бюрократия,— писал Ленин.— Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории... и из самых условий образования и комплектования этого класса...» (3, т. 1, 439).

Отчужденная личность.
«Толпа одиноких»

Мы видели, что, вместо того чтобы обрушиться на действительную причину кризисного состояния западного общества, критики «массовизации» нашли более доступную мишень — «человека-массу», продукт и жертву государственно-монополистической организации. «Человек-масса», у которого место самостоятельного мышления заняли стереотипы и символы массовой буржуазной пропаганды, глубоко одинокий, отчужденный человек, заполняющий свою внутреннюю пустоту низкопроб-

ной «массовой культурой», более всего боящийся осуждения конформистской массы и опасющийся остаться в меньшинстве (даже если речь идет о протесте против фашизма), представляет собой вырождение *homo sapiens*. Это уже не суверенная личность, это новый тип человека — *homo insapiens gregaris* — стадный неразумный человек, подверженный массовым психозам, манипулятивному управлению. «Человек-масса — это примитив, проскользнувший через кулисы на сцену цивилизации» (108, 80), и тем более опасный, что «современный дикарь» вооружен новейшей техникой.

Кризис буржуазного общества, буржуазной культуры трактуется теоретиками «массовизации» иллюзорно, как конфликт между «человеком-личностью» и «человеком-массой». Тут все как бы перевернуто: социальные условия обрекают большинство на нетворческое существование, превращая творчество в привилегию избранных (которых Ортега считает носителями личностного начала); но «аристократические» критики делают из этого вывод, что большинство людей является нетворческим по своей биологической и психологической природе. Отсюда главное зло усматривается в «массовом человеке»; предлагается уничтожить следствие, сохранив причину, ибо причина — капитализм — «табу» для критики и борьба с «человеком-массой» выливается в аристократизм Ортеги или культ гениев Ясперса.

Не подлежит сомнению антикоммунистическая направленность концепций «массовизации». Их авторы обвиняют прежде всего социализм в «растворении» личности, в превращении ее лишь в средство укрепления государства. Это — один из распространеннейших тезисов антикоммунизма, выдвигавшийся еще Ортегой и О. Хаксли, писавшим, что «цель коммунизма — лишить индивидуум малейших признаков личной свободы, превратить его в составную часть великого коллективного Человека». Можно было бы оставить в стороне эти вымыслы, если бы не один курьез. Психологический тип человека, придавленного социальными условиями, стандартизированного, существует в действительности. Но не по тому адресу, который указывают антикоммунисты. Тип мани-

пулируемого человека, порабощенного внешними силами, теряющего индивидуальность, модель которого разработана доктриной «массового общества», найден в современных странах Запада, этих, по уверению антикоммунистов, бастионов свободы. Виднейшие западные социологи показали, что процесс обезличения человека, использования его как средства, порабощение бюрократическими институтами имеет место в современных капиталистических странах.

Тот глубокий кризис личности, который фиксирует доктрина «массового общества», связывается чаще всего с понятием отчуждения, причем неадекватно интерпретируемым буржуазной социологией (рассматривая его неисторически, как антропологическое свойство человека или как фатальное следствие технического прогресса, она тем самым, по существу, снимает вопрос об условиях снятия отчуждения¹). Это понятие охватывает факт отчуждения личности от управления обществом, превращения ее в простого исполнителя чужой воли, что порождает чувство социального и политического бессилия. У манипулируемого человека, как показывает Рисмен, атрофируется даже потребность в социально-политической активности, он не активен, а реактивен; как конформист, он участвует в социальных движениях, в том числе тоталитарных, поскольку это требует Организация, интересы карьеры и т. д. Он связан с остальными людьми не посредством решительного волевого акта, а в силу внешних обстоятельств, определяющих его поведение.

Э. Фромм пишет: «Отчуждение — вот участь отдельного человека при капитализме. Под отчуждением я понимаю тип жизненного опыта, когда человек становится чужим самому себе. Он как бы «отстраняется», отдаляется от себя. Он перестает быть центром собственного мира, хозяином своих поступ-

¹ Категория отчуждения подробно исследована в нашей литературе. И. С. Кон справедливо отмечает, что этот термин используется в разных смыслах в буржуазной социологии (26, 216); им обозначают и всякое опредмечивание человеческой деятельности, и ограничение активного, творческого начала в ней, и психологическое состояние человека, ощущающего себя порабощенным внешними силами, и превращение человека из субъекта в объект истории.

ков, наоборот,— эти поступки и их последствия подчиняют его себе, он им повинуется и порой даже превращает их в некий культ» (99, 56). Причем самым губительным следствием «духа отчуждения» Фромм считает отношение к своему собственному «я». «Человек не только продает товары, он продает самого себя и начинает чувствовать себя товаром».

Отчуждение характеризует не только объективное положение человека в эксплуататорском обществе, но и отражение его в сознании — разлад сознания личности, не чувствующей себя творцом истории, а лишь объектом неподвластных ей сил. Человек ощущает свое бессилие, тщетность, бессмысленность своих действий и глубоко страдает. Он деперсонализируется, теряет ощущение своего «я», и это вызывает у него тревогу, страх и чувство вины перед собой за потерю индивидуальности. Огромная концентрация капитала свела до минимума возможность личной инициативы, пишет Фромм. «Человек стал винтиком огромной машины — важным, если обладает большим капиталом, и неважным, если у него нет капитала» (79, 110). Эта машина навязывает ему свой темп, который он не может выдержать, он бесконечно ничтожен по отношению к ней, отсюда — чувство неуверенности, бессилия, враждебности миру. Человек, «управляемый другими», не обладает прочными убеждениями, его жизнь — «чередование ролей и ситуаций», приводящее к тому, что он «сомневается в том, кто он и куда идет» (110, 165).

Отметим склонность западных социологов сводить проблему отчуждения к состояниям сознания личности, оставляя в тени объективные причины явления. Отсюда — иллюзия возможности избавиться от отчуждения посредством «терапии личности», не затрагивающей существующие социальные институты. Проблема отчуждения исследуется не для того, чтобы отвергнуть социальную систему, порождающую ее, а для того, чтобы по возможности ослабить отчуждение во имя сохранения системы¹.

¹ Позиция Фромма более радикальна. Он понимает, что государственно-монополистическая система порождает новые формы отчуждения. Но он может противопоставить ей лишь мелкобуржуазный идеал «гуманистического социализма».

Отчужденный «человек-масса» рассматривается лишь как частичный человек. В капиталистическом обществе трудящийся включается в производство лишь как исполнитель предписанной роли, а не творец, он лишь средство для присвоения прибавочной стоимости капиталистом. Подневольный труд, в процессе которого рабочий лишь подчиняется, не будучи в состоянии влиять на производство, труд на эксплуататора неизбежно оказывается отчужденным и воспринимается рабочим как таковой¹. Поэтому трудящийся ищет возможность реализации своей личности вне сферы производства. Еще Маркс показал, что в условиях капитализма «рабочий только вне труда чувствует себя самим собой» (1, 563). Это еще более справедливо в наши дни. Американский социолог П. Бергер так характеризует позицию американского рабочего: «Я только работаю здесь, но если вы хотите знать, каков я на самом деле, приходите ко мне домой» (65, 217). Бергер пишет, что «жизнь в труде имеет тенденцию принимать характер псевдореальности и псевдоценности для личности». Он справедливо полагает, что уход в частную жизнь означает обеднение личности, иллюзорный уход от отчуждения. Ведь и досуг «массовой одиночки» оказывается регламентированным владельцами средств массового общения и другими «боссами».

Чтобы ослабить социальную напряженность, монополистическая буржуазия поощряет приватизацию, снижение интереса к проблемам «большого мира». Боясь организации трудящихся, она стремится изолировать их друг от друга, ограничить их кругозор узкими рамками личного мирка. Миллс писал, что, если люди в буржуазном обществе не видят связи между своими действиями, своими нуждами и

¹ Х. Сводос, исследовавший труд на конвейере методом участвующего наблюдателя, пишет: «Грубая правда заключается в том, что работа на заводе отупляет людей... Люди, с которыми я работал, за редким исключением, чувствуют себя как животные, попавшие в капкан... Они либо покоряются судьбе, либо делают отчаянные попытки найти другое занятие. Им опротивели вечные понукания мастеров. Опротивело состояние загнанных лошадей, опротивело, что их жизнь зависит от бессмысленно устроенного мира, где все основано на купле-продаже» (87, 200).

социальной структурой общества и причины неполадок ищут в самих себе, объясняя их собственными неудачами, результатом может быть апатия, равнодушие к общественным проблемам. И Миллс предупреждает, что, если подобная позиция становится массовой, «люди массы» оказываются объектом манипулятивного управления правящей капиталистической элиты.

Рост отчуждения и дезагрегации вызывает опасения у буржуазных идеологов в том плане, что дезагрегированный субъект может как-то уйти из-под контроля властвующей элиты. Неустойчивость отчужденного индивида представляется критикам «массового общества» опасной для социальной системы, ибо в своем отчаянии такой индивид способен поддержать антиправительственные выступления. Западные социологи рекомендуют «занять» чем-то массы, направив их активность в нейтральное, безопасное для капитала русло. Индивидуум в «массовом обществе», пишет А. Стюарт, не может найти свое место в жизни. «Он чувствует себя беззащитным перед силами, которые не может ни контролировать, ни понять... Это ведет к отчуждению, к отказу от всякой, кроме минимальной активности, к подверженности тоталитарным движениям» (114, 23). Стремление избежать гнетущего одиночества выступает как важнейшая потребность «человека-массы», являясь причиной его податливости тоталитарным движениям: состояние отчужденности становится невыносимым для человека, и он бежит от «свободы» бездушного буржуазного мира (Фромм), готовый принять тот иллюзорный выход, который предлагает фашистский экстремизм¹.

¹ Фромм пишет: «Отсутствие связи с ценностями, символами... можно определить как моральное одиночество; оно так же невыносимо, как и физическое, или, скорее, физическое одиночество становится невыносимым тогда, когда сопровождается моральным одиночеством... Если экономические, социальные и политические условия... не создают основу для самовыражения индивидуальности... и если в то же время нарушены первичные связи людей, обеспечивающие им внутреннюю стабильность, свобода превращается в невыносимое бремя... Люди всеми силами стремятся уйти от такого рода свободы — в мир подчинения... которое обещает освобождение от неуверенности» (79, 36—37).

Для критиков «массового общества» характерна абсолютизация противоречия между личностью и обществом. Фромм пишет о борьбе двух потребностей личности — в социализации, в коммуникации и в свободе, автономии, индивидуализации. Справедливо считая, что человек должен иметь как широкие социальные связи, так и свободу от ограничений, мешающих его индивидуализации (скажем иначе, нуждается в условиях, создающих простор для проявления его индивидуальности), он говорит о невозможности такого сочетания. В отношении капиталистического общества это реальная альтернатива. Но мы уже отмечали склонность теоретиков «массового общества» оперировать тысячелетиями и «вечными» свойствами человеческой природы, хотя они описывают определенные отношения, присущие современному капитализму. Они мыслят, так сказать, «не в масштабе». Противоречие, описываемое ими, разрешается за пределами «массового», точнее, государственно-монополистического общества, в условиях коммунистической формации.

Категория отчуждения характеризует тот этап социального развития, на котором разделение труда принимает классово-антагонистический характер, деятельность человека и ее результаты противостоят ему, превращаясь в чуждую, враждебную силу, господствующую над ним; жизнь человека лишается творческого содержания (это — отчуждение творческой сущности человека), и он выступает не как активный субъект социального процесса, но как его объект, его жертва. Эта категория лишь в самой общей форме фиксирует противоречие антагонистического общества, в котором трудящиеся, лишены средств производства, отчуждены от продуктов их собственного труда, от управления социальной жизнью. Отчуждение достигает своего апогея в условиях капитализма, превращающего человека в товар, в средство, используемое для извлечения прибыли. Активная, волевая личность подавляется капиталистической системой с характерными для нее отношениями господства и подчинения, классовым разделением труда, требующим от индивида ограниченных функций, предписанных данными производственными

отношениями; падает престиж труда; бюрократизация, ограничение буржуазно-демократических свобод способствует аполитичности масс; человек обезличивается, становясь податливым элементом чудовищной социальной машины, интересы которой ему чужды. Категория отчуждения и отражает несовпадение целей эксплуататорского общества с интересами трудящихся масс.

Буржуазные социологи стремятся выхолостить социально-классовое содержание категории «отчуждение». Необходимо решительно возразить против «вневременного» подхода к ней, перенесения ее в область «внеклассовых» отношений, изображения отчуждения как трагедии, причины которой заложены в самой сущности человека. Отчуждение не «вечное состояние», на которое «обречен» (пользуясь словами экзистенциалистов) человек, это атрибут именно эксплуататорских отношений. «Если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит *другому человеку, не рабочему*... Не боги и не природа, а только сам человек может быть этой чуждой силой, властвующей над человеком» (1, 568). Именно там, где разделение труда связано с экономическим и внеэкономическим принуждением, «собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» (2, т. 3, 31). Маркс боролся против игнорирования активности человека как агента преобразования мира и творения самого себя. Именно творческим трудом индивид реализует свою индивидуальность, связывается с социальным целым. Капитализм, дегуманизирующий труд, обрекающий человека на нетворческое существование,— главный носитель отчужденных отношений; капиталистическая собственность разъединяет людей; отсюда одиночество, моральная опустошенность личности в этом обществе.

Было бы ошибкой считать, что капиталистическое общество состоит целиком из социально изолированных, отчужденных людей с разорванным сознанием, страдающих от своей внутренней дисгармонии, или

из «веселых роботов», которые не чувствуют цепей отчуждения и поэтому являются его добровольными рабами. В нем активно действуют, постоянно расширяя свои ряды, борцы против строя угнетения и эксплуатации; именно борьба масс за социальный прогресс превращает их в субъект истории. Эта борьба с неизбежностью приводит к социалистическому преобразованию общества, к ликвидации частной собственности на средства производства, к освобождению общества от гнета и эксплуатации. Лишь на пути коммунистического строительства возможно полное преодоление отчуждения, порожденного антагонистическим разделением труда, системой эксплуататорских общественных отношений.

**Конформизм
в «массовом
обществе»**

Критик «массового общества» не преминет заметить, что оно плодит конформизм. Конформизм — судьба человека «массового общества», которое требует для выполнения своих функций «хорошо обструганных», стандартизированных людей, ориентированных на выполнение предписанных им ролей¹. «Массовое общество» требует подчинения личности господствующим буржуазным стандартам; социализация личности в нем и означает впитывание ею этих стандартов, становящихся содержанием ее «я». Такой конформист более всего боится отойти от групповых стандартов, быть не таким, «как все», получить неодобрение окружающих; все его поведение определяется ожиданиями последних. Таков механизм социального контроля, социальных санкций в «массовом обществе», плодящем массу, ориентированную на буржуазные стандарты поведения.

Констатируя, что конформизм — неотъемлемая черта «массового общества», многие его критики искажают причины этого явления, ища их в «массовизации» как таковой, «психической неполноценно-

¹ Нельзя считать конформизм принципиально новым явлением, порожденным государственно-монополистическим капитализмом. В докапиталистических обществах с их бедной ролевой структурой поведение личности еще более конформно. Как отмечает И. С. Кон, чем примитивнее общество, тем единообразнее составляющие его индивиды, тем выше уровень конформизма (см. 26, 96).

сти» людей массы¹. Но именно капитализм насаждает конформизм, бюрократизируя управление, обрушивая санкции на «отклоняющееся» поведение. «Массовое общество», согласно Фромму, возводит в добродетель стремление жить как другие и считает грехом попытку отличиться от других², предписывает конформисту проживать в определенном районе, соответствующем его положению, потреблять то, что потребляют его «равновеликие» соседи. «Человек-масса» отвечает на вопрос «кто ты?» формулой «я как другие» (недаром у американцев в ходу фраза: «Как у Джонсов»). Не отстать от соседа, но и не быть выскочкой — образец поведения «массового одиночки». «Соседи купили автомобиль последней марки, и нам следует сделать то же», — описывает Паккард психологию американского обывателя. Здесь ценится не индивидуальность человека, а, напротив, его способность подгонять себя под требования стандартов и предписаний. И продвижение «наверх», замечает Рисмен в «Одинокой толпе», «меньше зависит от того, чем кто-то является, чем от того, что о нем думают другие и насколько он может манипулировать другими и быть манипулируе-

¹ Конформизм рассматривается как главная психологическая характеристика человека в массе. «Великий закон массы — конформизм, — пишет французский социолог Л. Боден. — Свободная мысль — ересь, всякое размышление — провокация». Итальянский философ Б. Кроче рассматривал конформизм и послушание «черни» как ее естественное состояние, ее «глубокий инстинкт самосохранения, чувство глубокой необходимости повиноваться законам истории».

² Как пишет Фромм, «каждое общество создает тот или иной тип социального характера, в котором он нуждается, чтобы нормально функционировать... Наш всеобъемлющий бюрократический индустриализм нуждается в людях, которые считают себя свободными и независимыми и в то же время готовы подчиняться, делать то, чего от них ждут, быть хорошо притертыми деталями социальной машины». Это общество нуждается во «внутренних конформистах», принимающих его цели и ценности, служащих ему не за страх, а за совесть, причем это не просто результат приказа и контроля, но и их внутренняя потребность. Ища различия между конформизмом человека «домассового» и «массового» общества, Корнхаузер писал, что первый приспособляется к окружающим, чтобы выполнить свой долг, второй — стремясь преодолеть чувство беспокойства, сопровождающее утерю своего «я».

мым». Ключ к успеху в буржуазном обществе — произвести благоприятное впечатление на окружающих и использовать его для продвижения «вверх»¹. Однако следует иметь в виду, что, обличая процесс роста конформности в условиях государственно-монополистического капитализма, буржуазные социологи рассматривают его абстрактно, вне конкретного социального контекста, пытаются заклеить как «конформизм» и пролетарскую солидарность, участие в забастовках, демонстрациях и других коллективных действиях трудящихся.

Ряд западных социальных психологов призывают отказаться от идеала автономной личности, характерного для капитализма свободной конкуренции, и рассматривать ее как элемент социальной группы. Ставится задача помочь приспособить человека к выполнению социальных ролей и функций, нужных для поддержания системы (монополистического капитализма), способствовать укреплению механизма стандартизации форм поведения, способствовать правящей элите в манипуляции массами для стабилизации «системы». Как отмечает Липсет, для социологических исследований характерен интерес к «условиям социальной стабильности» (42, 122). Парсонс видит путь «стабилизации системы» в такой социа-

¹ Много лет бестселлером американской социально-психологической литературы является книга Карнеги «Как завоевать друзей и влиять на людей». Представляют интерес советы, которые дает автор: не критиковать, не обострять ни с кем отношений, делать людям, особенно стоящим выше на иерархической лестнице, приятное, но не льстить слишком грубо, интересоваться другими людьми, помнить их имена и чаще их произносить, больше улыбаться. Таковы правила для конформиста, желающего преуспеть в «массовом обществе».

Конформизм ведет к интеллектуальному шаблону, к оглядке на «начальство», на полицейские организации, создает атмосферу травли инакомыслящих, благоприятствует экстремизму. «Почему мы позволили анонимности, безликости, бюрократии заменить принципы индивидуальности и независимости?» (89, 145) — уныло размышляют буржуазные социологи, не понимая, что этого требует монополистический капитал, которому нужны слепая исполнительность, бюрократическая система управления, при которой разветвленный аппарат надсмотрщиков руководит процессом получения прибавочной стоимости.

лизации личности, которая представляет собой приобщение ее к санкционированным нормам поведения («образам социального действия»), а также в механизме социального контроля, используемого для удержания людей в «нужных обществу» (капиталистическому) рамках поведения. Неудивительно, что при подобном подходе человек обрекается на конформизм: ему отрезают путь борьбы против существующей социальной системы и оставляют одно — «приспособление» к ней.

Описание конформизма есть отражение процессов, действительно происходящих в обществе. Какова же реакция на насаждение конформизма? Она может выражаться в принятии конформистских образцов поведения (человек стремится сделать карьеру в сложившейся бюрократии, принимая ее ценности) или в нонконформизме. Последний представляет собой весьма пеструю картину — от организованной борьбы против капитализма до индивидуалистического протеста против любой социальной организации. Популярность «демократических» критиков «массового общества» во многом объясняется критикой ими конформизма. Но это критика непоследовательная, ведущаяся с позиций индивидуалистического идеала капитализма свободной конкуренции; «массовизация» трактуется неисторически, в духе конфликта между рациональной организацией общества и иррациональной природой человека.

В полном соответствии с обыденным сознанием буржуазии западные социологи рассматривают нонконформистское поведение как невротическое. Фрейдизм, фиксируя трудности приспособления индивида к социальной среде, предлагает соответствующую терапию. Социальный протест рассматривается как иррациональный и патологический. Бунт против «хозяина», лидера объясняется классическим фрейдизмом прежде всего как следствие неудачи бунта против отца в детстве. Несколько по-иному подходят к проблеме неофрейдисты, и особенно Фромм. Монополистический капитализм рассматривается им как система, глубоко враждебная человеку. Подавляя мучительные чувства, связанные с бременем одиночества, бессилия, негативной свободы («свободы» от

связи с природой, от уз солидарности с другими людьми), человек вырабатывает защитные механизмы, среди которых наиболее типичны мазохизм-садизм и конформизм автомата. Характерное проявление садистского механизма Фромм видит в жажде власти (79, 189), подчинения себе других людей. Мазохистский механизм заставляет человека искать лидера, которому он мог бы подчиняться, им движет желание отдаться во власть лидера авторитарного типа. Важнейшим механизмом бегства от чувства ничтожества и бессилия Фромм считает «конформизм автомата»: индивид перестает быть самим собой, тонет в массе, становится неотличимым от других, полностью соответствующим стандартам «массовой культуры». Он с готовностью подчиняется властям, дающим ему безопасность и освобождение от сомнений, он уклоняется от того, чтобы быть творческим человеком, превращается в автомат. Подобный конформист часто и не осознает утраты своего «я»: он принимает внушенные ему мысли за собственные. Все эти виды невротического поведения, считает Фромм, направлены как бы на бегство от одиночества, но бегство это фиктивное: конформизм дает лишь временное ощущение «сопринадлежности», а затем еще более обостряет чувство одиночества и отчужденности.

«Отклоняющееся поведение» и аномия в «массовом обществе» Противоположностью конформизма выступает так называемое «отклоняющееся поведение». Отклоняющееся поведение — весьма широкое и неопределенное понятие.

И западные социологи не спешат уточнять его: им гораздо «удобнее» заклеить отклоняющееся (девиатное) поведение в целом как нарушение стабильности социальной системы. При этом признается: «Трудно определить, где пролегает та грань (если она вообще существует), которая отделяет социальную дезорганизацию от отклоняющегося поведения» (42, 537), а последнее — от аномии.

«Массовое общество» — агрегат социально отчужденных людей, подчиняющихся противостоящей им системе принудительных норм и правил, санкционированных буржуазной элитой; приспособление к

мнениям, вкусам и запросам социального окружения — основа поведения личности. Это нередко травмирует личность и ведет к ее деградации. Поэтому «массовое общество» — рассадник социальной аномии, морального опустошения, порождающего цинизм, преступность, коррупцию, неврозы, нравственный распад личности¹ (см. 25).

Причиной «несанкционированного поведения» и аномии Р. Мертон считает противоречие между культурными целями и институциональными средствами социальной системы. Сама структура «массового общества» оказывается источником девиантного поведения. В «нормальных условиях» социальная структура должна выполнять две главные задачи: определять культурные цели и обеспечивать пути их достижения. Но когда «система культурных ценностей выше всего превозносит цели успеха, в то время как социальная структура жестко ограничивает или полностью закрывает доступ к дозволенным способам достижения этих целей для значительной части населения, результатом будет отклоняющееся поведение в больших масштабах» (104, 63). Западные социологи признают противоречие между традиционными индивидуалистическими ценностями, преподносимыми в оболочке буржуазной демократии, и

¹ Аномия, по Мертону, «сознание человека, оказавшегося оторванным от моральных корней, не имеющего прочных основ для своего поведения... человека, у которого нет моральных обязанностей...» (103, 162). Проявления аномии, которой охвачено современное капиталистическое общество и его витрина — США, достаточно многочисленны. Американский журналист Дж. Москин пишет в книге «Нравственность в Америке»: «Мы, американцы, — члены огромного, одноликого, снедаемого жаждой денег и помешавшегося на сексе общества. Горькие плоды морального кризиса заметны всюду в нашей стране. Куда ни посмотришь, везде битники, расисты, хулиганы, жулики, продажные профсоюзные боссы, подкупленные члены спортивных команд, везде бедность, необеспеченная старость, преступность». В США ежегодно совершается более двух миллионов тяжелых преступлений, причем рост преступности в несколько раз обгоняет рост населения. Алкоголиков насчитывается свыше пяти миллионов. Каждый двадцатый американец лечится от психических заболеваний (а еще больше не лечится, не имея средств для этого), половина коек в больницах выделена для нервных больных. Недаром США именуют больным обществом...

реальным положением масс при капитализме. Система ориентирует членов общества на цели, недостижимые для подавляющего большинства. Человек из народа осознает невозможность реализации навязанных ему индивидуалистических целей, осознает иллюзорность мифов индивидуализма с их концепцией «равных возможностей». Отсюда — не только массовый цинизм и аморализм, о которых пишет Мертон, но и все большее понимание враждебности существующей системы интересам народных масс и организованная борьба против этой системы.

В этих условиях откровенный индивидуализм оказывается в известном смысле даже опасным для элиты, поскольку ведет к поиску «неинституционализованных» средств продвижения вперед, порождает социальные болезни разочарованных индивидуалистов¹. К массам элита обращается с «терапией смирения»: церковь пропагандирует долготерпение, психоанализ рекомендует курс лечения по примирению с социальными условиями. Призыв к смирению, к приспособлению адресован именно массам; монополистическая элита руководствуется «реальными» индивидуалистическими ценностями (только она и имеет возможности для их реализации); впрочем, и она старается прикрыть их лицемерной маской псевдоколлективизма.

Многие западные социологи констатируют патологию, аномию «массового общества», но рецепты,

¹ Воспитанный в традициях индивидуализма, предписывающего «выйти в люди», всеми способами разбогатеть, «рядовой человек» сталкивается с невозможностью реализовать эти цели на практике, ибо в обществе, где, по выражению Дж. Брэйна, «все мечены от рождения», «теплые места» уже заняты представителями «более счастливых классов». Это ведет к душевным травмам личности, к чувству собственной неполноценности, к психическим расстройствам, часто к алкоголизму, наркоманству, а также преступности. Для миллионов людей характерна глубокая неудовлетворенность своей жизнью, своим местом в буржуазном обществе, самим этим обществом. Те рамки, в которые ставит рядового человека монополистическая элита, подавляют индивидуальность, лишают личность перспективы, обрекают на неуверенность в завтрашнем дне. Для десятков миллионов, признает Паккард, «бесполезны любые устремления», они лишены чувства уверенности в себе, ощущения творческих сил (109, 17).

которые предлагает большинство из них,— отнюдь не переустройство общества, а, напротив, «лечение» личности, чтобы привести ее в соответствие с требованиями государственно-монополистического капитализма, превратив ее в «нормального» конформиста.

**Манипулятивное
управление.
Планы
манипуляторов**

Как подавить активность масс, особенно политическую, представляющую непосредственную угрозу существующему социальному строю, или направить ее в нужное (хотя бы в безопасное) для капитала русло, как контролировать эту активность — вот проблема, оказывающаяся в центре внимания буржуазных социологов.

Возрастание роли народных масс в историческом процессе приводит к тому, что буржуазия не может управлять обществом, не создавая видимости массовой поддержки, не завербовывая на свою сторону определенную массу; поэтому она разрабатывает широкую систему воздействия на массы, манипулирования ими. В. И. Ленин указывал, что без масс в эпоху парламентаризма не обойтись, а вести их за собой буржуазия не может без разветвленной, «прочной оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,— лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии» (3, т. 30, 176).

В условиях государственно-монополистического капитализма манипулятивный тип управления достигает своего апогея, он охватывает все сферы социальной жизни. Личности негде укрыться от всеобъемлющего, тотального контроля¹.

¹ Манипулятивное управление включает в себя жесткий социальный контроль, «отсечение» девятного поведения, усовершенствование механизма «социализации личности» до безоговорочного принятия ею целей и установок, задаваемых правящей элитой. А. Этциони рассматривает любую власть как процесс навязывания воли людям, являющимся объектом управления, манипулирования ими (их заставляют действовать в соответствии с волей других). Он различает манипулирование личностью на микроуровне (социализация личности в буржуазном псевдоколлективе, воздействие последнего на нее) и на макроуровне (управление обществом, опирающееся на средства массовых коммуникаций). «Социе-

Выше мы говорили о росте протеста против манипулятивного управления со стороны широких слоев населения капиталистических стран, в том числе со стороны интеллигенции (с особой силой он проявился в студенческом движении последних лет). Его можно рассматривать как проявление возросшей сознательности интеллигенции. Вместе с тем, если интеллигенция не стоит на позициях рабочего класса, марксизма, то ее протест подчас носит индивидуалистический, полуанархистский, неконструктивный характер¹. Неприятие манипуляторства столь популярно, что на нем пытается спекулировать ряд «левых» теоретиков в целях, ничего общего не имеющих с борьбой против государственно-монополистического капитализма. Дезориентируя массы, они стремятся отвлечь их от борьбы против капитализма

тальное действие» (аналог макроскопического) — «мобилизация» человеческих коллективов (77, 388). Причем «социетальное знание» — достояние элиты. Манипулятивное управление не вызывает восторга у многих западных социологов. Французский социолог М. Крозье с грустью констатирует: «Мы выработали систему правления, в которой, хотя она и называется демократией, немногие олигархии... манипулируют невежественными и индифферентными массами» (52, 1961, № 2, 196).

Фромм отмечает, что общество (имеется в виду капитализм) преуспело в формировании структуры характера массового человека до такой степени, что он удовлетворяется теми условиями, которые ему навязываются. В. Паккард в «Беззащитном обществе» нарисовал убедительную картину тотального наступления монополистического капитала на демократические свободы, картину слезки и запугивания обывателя, порождающих массовый психоз. «Миллионы американцев живут в атмосфере, в которой сверлящие взгляды электронных глаз, агенты, детекторы лжи, скрытые магнитофоны, бюрократические установки и навязчивые анкеты... стали факторами повседневной жизни. Становится все труднее сохранить свою жизнь от контроля, все более ее пронизывающего».

¹ Отметим, что эти настроения отражают процесс объективной дифференциации внутри интеллигенции, большая часть которой все более «пролетаризируется», объективно сближаясь по своему положению и роли в производстве с рабочим классом, а другая, меньшая часть, активно способствующая эксплуатации трудящихся монополистической буржуазией и соответственно вознаграждаемая последней, «интегрируется» в системе капитализма; ее идейным знаменем становится лозунг деидеологизации, являющейся идеологией менеджерско-бюрократической верхушки общества.

лозунгом борьбы против авторитаризма как такового. Тут власть смешивается с авторитаризмом, руководство — с манипулированием; анархистско-индивидуалистическое утверждение «личной свободы» в противовес «низменной толпе», «левиафановскому государству» весьма напоминает лозунги М. Штирнера.

Ряд представителей анархистствующей интеллигенции (от Камю до Маркузе), выступая против манипулирования личностью, отождествляют с ним любое управление; их позиция, мниморадикальная, играет объективно реакционную роль. Важно различать, какой класс осуществляет социальное управление, каков характер этого управления.

Содержание управления, его цели и принципы зависят от господствующих в обществе социально-экономических отношений. В условиях антагонистических формаций управление противостоит трудящимся как враждебная сила, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям. В отношениях между руководителями и исполнителями отражаются объективные отношения между собственниками средств производства и производителями материальных благ. Управление превращается в прерогативу эксплуататорского меньшинства.

Господствующие социально-экономические, классовые отношения определяют и тип управления. В антагонистических формациях оно имеет целью обеспечить господство меньшинства над большинством; в условиях коммунистической формации — реализацию воли большинства, а затем и всего общества. Тип управления, таким образом, исторически обусловлен. Но с ним органически связаны и методы, средства его осуществления. В условиях капитализма тип управления, при котором массами командуют вопреки их интересам, порождает соответствующие приемы и технику: необходимыми моментами управления становятся организованное насилие над массами, манипулирование их сознанием в целях навязывания им воли господствующего класса. В рамках концепций «массового общества» и «массовой культуры» и исследуются возможности и пути *манипулятивного* управления большими массами людей, утверждается вечность деления общества на субъект

и объект управления. При этом обычны ссылки на то, что высокий профессионализм управления в современном обществе делает невозможным участие в нем народных масс. Но подлинная причина отстранения масс от участия в политическом управлении капиталистических стран лежит не в технических трудностях этого участия, а в том, что интересы народных масс находятся в глубоком антагонистическом противоречии с интересами монополистической буржуазии, в руках которой сосредоточены рычаги государственной власти.

Манипулятивный тип управления включает ряд форм, определяемых тем, как навязываются человеку способы поведения, выгодные элите, задаются цели деятельности. Можно выделить: 1) прямое манипулирование, когда цели задаются директивным путем, а в виде санкций выступает преимущественно голое насилие; 2) скрытое манипулирование, связанное преимущественно с идеологическим воздействием, с использованием экономических стимулов и приманок.

Продление своего господства монополистическая буржуазия во многом связывает с совершенствованием системы манипулятивного управления массами. Для этой цели привлекаются буржуазные социологи, психологи, медики, футурологи. Наряду с совершенствованием системы социально-психологического манипулирования через массовые коммуникации изыскиваются возможности дополнить ее более прямыми, эффективными и «дешевыми» способами, прежде всего медицинскими стимуляторами, транквилизаторами. И. Бодамер различает среди этих медикаментов болеутоляющие, стимулирующие и успокаивающие. Стимулирующие вещества повышают работоспособность. Боль ставит под угрозу точность производственной операции, и она снимается. Успокаивающие средства оказываются необходимыми вследствие того, что «в индустриально-бюрократическом обществе работающий человек находится в состоянии хронического перевозбуждения». В результате складывается тип «медикаментозного человека», который не может жить без лекарств и большей частью добровольно принимает их, чтобы существовать в бес-

человечном мире, чтобы приспособиться к нему. Приспособление — вот главный лозунг «массового общества», считает Бодамер, делая вывод, что подобный «приспособленный человек» и есть квинтэссенция несамостоятельного человека.

Планы манипуляторов становятся все более зловещими. Фармакология уже сейчас накапливает средства для массового психологического воздействия. Как пишет английский физиолог Д. Керч, «химические вещества, введенные в систему водоснабжения, в пищу или распыленные над землей, могут воздействовать на миллионы людей, причем жертвы такой обработки не будут иметь об этом ни малейшего представления». Он признает, что в лабораториях Питтсбурга, Нью-Йорка, Беркли крысы, мыши, рыбы и обезьяны, получая порции химических препаратов, уже живут, полностью контролируемые их хозяевами. Следующим шагом будет человек¹.

Американские футурологи единодушно прогнозируют усиление психологического воздействия на массы, усовершенствование способов манипулирования ими. «Постиндустриальное общество» характеризуют «тотальным целенаправленным контролем» над личностью. Группа футурологов в книге «К 2018 году» пишет, что статистические показатели, относящиеся к социально-психологической сфере, получают не меньшее распространение, чем экономические. Так, будет рассчитываться сводный индекс настроений населения, а также отдельных групп его для «оптимального» манипулятивного управления (116). Усиленно разрабатывает «усовершенствованные» методы этого управления известная «РЭНД корпо-

¹ Керч продолжает: «...создав для человека определенное психологическое окружение в ранний период жизни, мы сможем так повлиять на развитие его мозга, что он вырастет с отсталым или развитым умом. И это будет связано с такими изменениями мозга, которые окажутся необратимыми... Легко представить себе, как таким образом можно было бы создать группы интеллектуально развитых или отсталых индивидуумов. В конце концов управление обществом будущего может быть «запрограммировано» на специальных площадках для игр в группах дошкольного воспитания». «Ученые приказчики» монополий ищут способы воплощения в жизнь извечной мечты эксплуататоров о создании касты послушных рабов.

рейшн». Ж. Марабини, описывая ее деятельность, пишет, что, по ее прогнозам, у рычагов управления «новым индустриальным обществом» должна стоять элита «ответственных лиц» и, если массы будут протестовать, их можно подавлять, пуская в ход газ, парализующий волю. Сотрудник этой корпорации Б. Хэйвен пишет в книге «Двухтысячный год», что возможности элиты манипуляторов колоссально возрастут, они добьются «тотального манипулирования» личностью. Средства электронного контроля и подслушивания исключают возможность неконтролируемого поведения масс. Широкое применение транквилизаторов, действующих на психику в направлении, нужном манипулятору, сделают массы удовлетворенными их образом жизни. Помимо транквилизаторов Хэйвен считает, что к концу века можно будет посылать из центра сигналы, действующие на психику человека, управляющие его поведением.

В модели общества 2000 г. Д. Белла правящая элита (меритократия) состоит помимо политиков из социологов и ученых-естественников, овладевших тайнами психологического воздействия на массы, искусством социального манипулирования. Она опирается на электронную технику, которая обнаруживает способности и склонности детей, определяет их на будущие «роли», анализирует и систематизирует мотивы поведения масс, определяет их потребительский спрос, поведение на выборах, регулирует миграционные потоки, задает им ритм и распорядок жизни (91). Итак, на помощь манипуляторам призывается новейшая техника, они обеспечиваются индустриальной базой, для них разрабатывается «технология» управления. Нет сомнения в том, что опаснейшие планы манипуляторов могут быть и будут сорваны активной борьбой трудящихся масс за преобразование общества на социалистических началах.

Буржуазные социологи вынуждены писать о трагедии личности в современном капиталистическом обществе, обезчеловечивающем ее, констатируют социальные болезни, моральную опустошенность. Такова реакция личности на манипуляторскую практику. Человек со страхом обнаруживает, что социальная система превращает его в специализирован-

ного идиота, предназначенного для выполнения определенных функций в бесчеловечной системе, и, если он не является сознательным борцом за социальный прогресс, его протест носит стихийный, иррациональный характер, принимая форму пассивного неучастия в общественной жизни, добровольной отверженности или отчаянных антисоциальных действий. Отметим в заключение, что настойчивое стремление монополистической буржуазии искусственно сдерживать участие широких народных масс в историческом творчестве неизбежно приводит к застою, омертвлению капиталистического общества, к глубокому кризису его политики, экономики, культуры.

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА» И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

Если в «массовом обществе» растет «дезагрегация» социально атомизированных, отчужденных людей, то как осуществляется их интеграция в этом «высокоспециализированном» (Парсонс) обществе, наконец, управление ими? Ответом на этот вопрос и является концепция «массовой культуры», которая раскрывает механизм манипулятивного (причем скрытого) управления массами в интересах буржуазии. Зачастую «массовую культуру» понимают весьма узко — как низкопробное зрелищное искусство, ориентированное на широкий рынок. Но «маскульт» не только произведения «массового искусства», не только комиксы и вестерны, это и образ жизни, и способы «духовного потребления», тесно связанные с «массовой» социальной структурой. «Массовое искусство» только меньшая, видимая часть айсберга, именуемого «массовой культурой».

Функция «массовой культуры», таким образом, определенное включение личности в систему производства, потребления и других сторон жизнедеятельности современного государственно-монополистического капитализма.

**«Массовое общество»
и «массовая культура»**

К феномену «массовой культуры» приковано внимание многочисленных социологов, социальных психологов, философов, культурологов. Вопрос о ее сущности — область острейшей полемики. «Является ли массовая культура мерзостью, безобидным успокаивающим

средством, или же благословением? Это вопрос острых дискуссий, в которых никто не уступает...» (113, 343).

Большинство западных исследователей рассматривает «массовую культуру» как общечеловеческое явление, не связанное с социальной структурой и коренящееся скорее в некоторых тенденциях развития современной техники и технологии. Впрочем, односторонность подобного подхода осознается рядом социологов, рассматривающих «массовую культуру» как культурологический аспект более широкого социального феномена — «массового общества». «Массовое общество» и «массовая культура» и в самом деле взаимосвязаны, правда совсем не так, как это представляется теоретикам, трактующим эти явления в духе модных на Западе теорий «конвергенции». Если «массовое общество» оказывается описанием государственно-монополистического капитализма, то под «массовой культурой» разумеется способ социализации личности в условиях современного капитализма, навязывания личности ценностной системы ориентаций, адаптирующих ее к данной социальной структуре, средство цементирования, интеграции этого общества.

Вместе с тем следует признать, что «массовая культура» не жестко связана с «массовой» социальной структурой, она обладает относительной самостоятельностью. На это, в частности, обратил внимание американский социолог Г. Виленский, писавший, что «социальная структура и культура изменяются с различной скоростью» и разрыв между ними может увеличиваться (121, 178). «Массовая культура» рассматривается часто как причина и одновременно следствие «массового общества». Д. Белл уверяет, что именно благодаря системе массовых коммуникаций сложилась современная социальная структура Соединенных Штатов. «Массовой культуре» отводится роль средства, обеспечивающего функционирование «массового общества».

Отметим, что «неподлинность», отчужденность этой культуры осознается, пусть в превращенном виде, и рядом буржуазных теоретиков, в частности экзистенциалистами. Человек стремится к «подлин-

ной коммуникации», ищет ее и, не находя в условиях «массового общества» общения, которое позволяет ему развивать себя как личность, примыкает к общности-массе (буржуазному псевдоколлективу), не развивающей, а принижающей его личность («неподлинная коммуникация»¹). «Массовая культура» и есть то «неподлинное общение», суррогат общения, которое не освобождает человека от атомизации, отчуждения, а, напротив, воспроизводит это отчуждение, адаптируя человека к антигуманному обществу, калечащему личность. «Массовое общество» является обюрокращенным до таких размеров, что оно исключает активность человека, разрушает человеческие связи, заменяя их отчужденными, овеществленными связями.

«Массовая культура» используется для того, чтобы навязать индивиду ценности капиталистического общества как основу его жизни. В условиях господства монополий, опирающихся на бюрократический государственный аппарат, создается «индустрия развлечений», производящая в массовом масштабе «культуру», которая глушит социальную активность масс, подобно тому как ее глушили (более грубыми методами) феодальные и рабовладельческие отношения. Конечный продукт этой культуры — стандартизированный «массовый» человек. Она образует систему общения людей в условиях «массового общества», циркуляции в нем информации и основанного на ней управления, систему знаковой символики и социального регулирования. Монополистический капитализм производит «массового» человека, лишь задетого внешними признаками буржуазной цивилизации, а на деле ограбленного ею, жертву «массовой культуры», мучимую страхом перед социальным процессом, неподвластным ей, и калечит творческого человека.

¹ Грубая ошибка немецкого экзистенциалиста К. Ясперса заключается в том, что «неподлинная коммуникация», которая «не выделяет человека из общности», рассматривается им как «социальная», а «подлинная коммуникация», предполагающая сердечные отношения между Я и Ты,— как асоциальная; но именно «подлинная коммуникация» и есть «подлинно социальная».

Буржуазные социологи часто пишут о «демократизме» «маскульта» на том основании, что это предмет потребления широких масс, «идеология масс». В действительности мы имеем дело не с идеологией народных масс, а с буржуазной культурой «для масс», выработанной для «подключения» их к чуждой их интересам социальной системе. Итак, социальная функция «массовой культуры» — цементирование «массового общества», интеграция масс с этим обществом, внесение в них буржуазного сознания, пусть на самом низком уровне, через шаблоны и ходячие представления обыденного сознания. Характерна изначальная ориентация именно на него; каналы массовых коммуникаций в системе «маскульта» выступают мощным усилителем обыденных представлений. В определенном смысле «массовую культуру» можно рассматривать как «современную» организацию обыденного сознания, используемую владельцами массовых коммуникаций для «проталкивания» буржуазной идеологии.

«Массовая культура» связывает высокоспециализированное «массовое общество», в котором человек интегрирован лишь как исполнитель конкретной производственной функции, как частичный человек. Но как осуществляется коммуникация между этими «частичными людьми», узкими специалистами? Очевидно, она невозможна на уровне человека-эксперта (тогда из нее исключится подавляющее большинство членов общества), а происходит на уровне неспециалиста, «массового человека», на «среднем», общедоступном языке, неизбежно оказывающемся упрощенным. Таким образом, «массовую культуру» можно рассматривать как особую знаковую систему, особый язык, на котором основываются коммуникации в «массовом обществе». Она не столько явление культуры в традиционном смысле слова, сколько способ функционирования этого общества, такой же имманентный, как его материальная организация и аппарат классового господства и принуждения.

В условиях «массового общества» усложнилась культурная стратификация, по сравнению с предшествовавшими обществами, где приобщение к духовной культуре в любой форме было монополией

немногих представителей господствующих классов: насчитывается целый ряд «культурных срезов», включающих людей, «потребляющих» культуру на разных уровнях. Эта стратификация рисуется в американской социологии слишком упрощенно, как уровень «высоколобых» (высокая культура), «средне-лобых» («мидкульт») и «низколобых» («маскульт»). «Массовая культура», обеспечивающая известную интеграцию всех «культурных срезов», ориентирована не на ликвидацию этих уровней, а на их стабилизацию.

«Массовую культуру» можно рассматривать с различных точек зрения: с позиций эстетической ценности ее произведений и констатировать, что это профанация культуры, что она ориентирована не на шедевры, как традиционное искусство, а на заведомо заурядные, «массовые» произведения; с точки зрения форм ее распространения и констатировать, что она «потребляется» миллионами людей, циркулируя по каналам массовых коммуникаций. Но сущность ее состоит в том, что она выполняет функцию адаптации человека к капиталистическому обществу; используется как средство манипулирования массами, для массового обмана и одурманивания и превращается, таким образом, в новую, невиданную ранее форму власти элиты над массами. «Массовая культура» есть индустрия, производящая «массового» буржуазного человека, у которого отсутствуют внутренние критерии мышления, который заимствует «свои» мысли из радио- и телепередач, рекламы и превратился в простого исполнителя заданных ролей, у которого атрофирована, редуцирована личность.

«Потребительская» культура.
«Культура» манипуляции

Именно для того, чтобы вытравить у трудящихся классовое сознание, превратить их в пассивную потребительскую массу, буржуазия и создает гигантский аппарат «лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян...» (3, т. 40, 15).

К. Маркс высказал глубокую мысль о том, что «буржуазия должна одинаково бояться невежества масс, пока они остаются консервативными, и созна-

тельности масс, как только они становятся революционными» (2, т. 8, 209). 100—150 лет назад невежественные массы были опасны буржуазии, поскольку могли поддержать против нее феодальную реакцию. Ныне монополистическая буржуазия рассматривает «маскульт» как оптимальный уровень для манипулирования массами: масса ниже этого уровня не поддается манипуляции в силу неграмотности, неохватченности средствами массовых коммуникаций; люди выше этого уровня могут сопротивляться манипулятивному управлению, ибо относятся к нему критически¹.

Производители «массовой культуры», превратившейся в весьма загруженную отрасль индустрии, опираются на исследования социальных психологов, специалистов по «мотивации поведения» и рекламе, массовой психологии, чтобы протащить свой товар, сделать его доходчивым для массовой аудитории и прибыльным. Владельцы средств массового общения и их ученые приказчики тщательно изучают «рынок культуры» и пытаются его «организовать». В итоге вкусы и симпатии «потребителей культуры» оказываются в значительной мере продуктом манипулирования, а сами они превращаются в товар, которым торгуют с другими капиталистами (беря плату за рекламу, передаваемую по радио, телевидению, публикуемую в прессе). Владельцы системы массовых коммуникаций стараются держать массовую аудиторию в идейном плену, эксплуатируя ее как в прямом

¹ Система манипулирования, или, как пишет Дж. Гэлбрейт, предпочитающий эвфемизм, «убеждения», требует, «чтобы существовала всесторонняя непрерывная и обязательная связь между теми, кто управляет спросом, и теми, кто является объектом управления... Никто не должен ускользать из-под контроля из-за неграмотности или нежелания читать» (38, 255). Уровень «маскульта», по мнению буржуазных теоретиков, позволяет управлять материальным и духовным потреблением. Белл утверждает, что «маскульт» — «деидеологизированная» культура. Тезис о надклассовости «маскульта» разделяет большинство западных социологов, считающих, что «это не культура класса или группы» (73, 58), ибо «маскульт» обращен ко всем классам. Да, он обращен ко всем классам и слоям общества, что не опровергает положения о том, что это и есть средство пропаганды буржуазной идеологии, средство привлечения масс на сторону буржуазии.

смысле — обирая зрителей своих «зрелищ», — так и особенно в переносном — протаскивая буржуазную идеологию, навязывая ее массам¹.

Важная особенность «массовой культуры» — превращение ее в зрелище для пассивной аудитории; на трудящегося обрушивается поток «маскульта», тщательно подготовленный и всесторонне приспособленный для превращения человека в инертного, одурманенного потребителя буржуазной пропаганды. Западногерманский публицист Г. Андерс остроумно заметил по этому поводу, что массовый потребитель оказывается по существу неоплачиваемым работником на дому. Действительно, капиталист оплачивает его рабочее время на производстве; это, так сказать, официально проданное работодателю время. Но коллективному капиталисту этого мало, он не оставляет рабочего в покое и в свободное от работы время, стремясь даже досуг «организовать» в своих интересах, использовать для навязывания буржуазной идеологии, присвоить себе само свободное время, чтобы сделать рабочего еще более зависимым, конформным. И вместо того чтобы платить за право манипулировать сознанием человека, владелец массовых коммуникаций заставляет платить его самого: трудящийся вынужден оплачивать свое собственное превращение в «массового человека» — обывателя, пассивного потребителя массовых товаров и «массовой культуры».

Возникновение «массовой культуры» поэтому тесно связано с проблемой использования свободного времени. «Только в XX веке массы получили досуг, — пишут американцы Дж. Рамни и Дж. Мейер. — Сокращение рабочего времени и сравнительное повышение жизненного уровня породили специфически современную проблему: что делать народу в свободное время» или «как убить время». Миллионы

¹ Массовое производство требует такого же массового «производства потребителей», — отмечает Дон Мартиндейл (102, 12). Дж. Гэлбрейт пишет: «...Потребителю может казаться, что его действия обусловлены исключительно тем, как он сам понимает удовлетворение. Но это поверхностное и наивное представление — результат иллюзий, возникших вследствие управления потребностями индивидуума» (38, 263).

людей, не получая удовлетворения от своей трудовой деятельности на капиталиста, пытаются обрести свое «я» хотя бы в потреблении. Но тщетно: формы потребления связаны с формами производства и определяются последними; отчуждение человека в области производства неизбежно захватывает и область досуга, оказывается всеобъемлющим. «Отчуждение... распространяется на наш досуг... — пишет Фромм. — С той же отстраненностью и безразличием, как купленные товары, «потребляет» он (отчужденный человек. — Г. А.) спортивные игры и кинофильмы, газеты, журналы, книги, лекции... И мерилom оказывается вовсе не истинная ценность этих удовольствий для человека, но их рыночная цена» (11, 1966, № 1, 231—232).

При этом апологеты «маскульта» не стесняются говорить о «свободе потребителя», который якобы может выбрать любой источник информации и форму развлечения. Но все они монополизированы капиталом, и «свобода» потребителя сводится лишь к свободе переключать свой телевизор с одной программы на другую, каждая из которых оглушает его, навязывая потребительскую идеологию, буржуазный образ жизни; она аналогична «свободе» политических выборов, в которых избирателю предлагается выбрать «своего» депутата из двух кандидатов буржуазных партий.

Западные социологи говорят о массовом бегстве людей в капиталистическом обществе в сферу потребления, и это отнюдь не спонтанный процесс, как они это представляют, но инспирированный буржуазной элитой. Паккард отмечает: «Роковым образом растет число людей, не знающих чувства гордости за проявленную инициативу и творческую деятельность. Эти люди должны искать удовлетворения вне работы». И они пытаются найти его в «страстном потреблении», подобно тому как «беспокойные массы древнего Рима искали рассеяния в цирках, заботливо устроенных императорами» (109, 317). Но и зрелища не приносят удовлетворения; люди и здесь не более чем объект манипуляций. Подобные зрелища лишь наркотики, отвлекающие от неурядиц реального мира. Поскольку работа не является сферой

самоутверждения личности, а выступает лишь как средство к существованию и «потреблению», отчужденный человек покупает, по словам Миллса, развлечения, которые несут искусственное возбуждение и которые в действительности не развлекают, не возбуждают и не освобождают.

Буржуазные социологи давно уже заметили, что на смену «героям производства» в западном обществе пришли «герои потребления», что установки обывателя сместились в сторону потребления (на этом основании пишется о «потребительском обществе»). Крен в сторону досуга, оторванного от труда, ведет к измельчению человека, стереотипизации его мышления, такой человек легче поддается манипуляции. Производители «маскульта» не без оснований рассматривают «бегство в досуг» как средство обеспечения духовной пассивности и покорности масс.

Развитие производительных сил в условиях монополистического капитализма, механизация, автоматизация производства дали возможность производить с минимальными издержками предметы потребления, в том числе культурного, массовым тиражом. Но для продажи этой продукции необходимо создать рынок, соответствующий интересам монополий. Прежде всего продавцам «культуры» оказался невыгоден индивидуальный вкус. Чтобы «убить» его, воспитать аудиторию в нужном духе, широко используются каналы массовых коммуникаций, реклама; с их помощью стремятся обезличить и унифицировать вкусы людей. При этом владельцы средств массового общения, по существу, совершают грубое насилие над населением, укладывая его в прокрустово ложе «среднего зрителя», «среднего потребителя культуры». Кто же виноват в таком положении? Капитализм! Но такой вывод слишком радикален для критиков «массовой культуры». Виновниками обычно объявляются либо сами массы, либо владельцы средств массовых коммуникаций. Но последние — те же капиталисты, не лучше и не хуже прочих. Э. Ван ден Хааг пишет: «И производителей, и потребителей словно пропускают через жернова массового производства, они выходят оттуда совер-

шенно одинаковые...¹ Создатели массовой культуры прежде всего торговцы. Они поставляют развлечения и, фабрикуя их, думают только о выгоде. Нынешний кинорежиссер, певец и писатель приспосабливаются к безликому рынку, обращаются к толпе и пытаются завоевать ее расположение. Оглушительный грохот, хриплый вой и крики — всего лишь попытка заглушить отчаянный вопль подавленной личности, обреченной на бесплодие... человек тоскует не по обществу других, как ему кажется, а по себе самому. Он чувствует, что ему не хватает самостоятельности и самобытности, умения по-своему воспринимать мир, от которого его сознательно отгораживают» (73, 58—59). Ван ден Хааг правильно связывает «массовую культуру» с рыночными отношениями, с превращением культурных ценностей в товар. (Его ошибка в том, что причину вырождения определенной (буржуазной) культуры он ищет не столько в структуре этого общества, сколько в ее массовидности, влиянии массовых коммуникаций и т. д.)

Произведения «маскульта» изначально создаются не как средство самовыражения художника, а как товар для продажи массовой аудитории. Само духовное производство перестает осознаваться правящей элитой как привилегия, напротив, она третирует творческую деятельность, которую она покупает за доллары, как деятельность «второго сорта». Перемещение внимания на потребление приводит к тому, что само потребление становится нетворческим. «Массовая культура» видит в массах лишь пассивного потребителя готовой продукции, а не активного

¹ И далее: «Люди в качестве потребителей вынуждены отказаться от собственных вкусов. В конечном счете производство стандартизированных вещей требует производства стандартизированных людей». В результате «большинство людей до седых волос кормится манной кашкой, они приучены к тому, что им все разжуют и в рот положат. В таких условиях искусство не может духовно обогатить зрителя и слушателя, развить его. Искусство теряет связь с жизнью... Широкую публику прельщает все шумное, броское, легко доступное. Она... уже и сама требует дикой мешанины из серьезного и пустяков, из атомной бомбы и модной песенки, из симфоний, слезливых историй, доступных девиц и плоских шуток».

соавтора. И массы вынуждены потреблять бездумную, бездуховную продукцию, проходящую по каналам массовых коммуникаций, принадлежащих монополистической элите. Цель этой «культуры» — сделать массы недумающими, она, как заметил кинорежиссер Ф. Феллини, играет со зрителем в поддавки, оглуляя его.

Критики «маскульта» начиная с Ортеги пишут о появлении «новой публики», которая рассматривает культуру потребительски, отрицательно воздействуя на нее, превращая ее в штампы. Главная беда усматривается во вторжении масс в область культуры. Но «массовая культура» — продукт не народных масс, а монополистического капитализма, который и создает соответствующую публику. Дело не в расширении круга зрителей или слушателей, не в приобщении широких масс к культуре, но в потребностях государственно-монополистического капитализма, определяющего характер господствующей в его условиях культуры.

«Массовая культура» носит потребительский характер в том смысле, что художественные ценности в ней циркулируют по способу функционирования самого общества, по способу движения в нем потребительных стоимостей¹. Наряду с художественными произведениями, циркулирующими по каналам массовых коммуникаций, в «потребительском обществе» равным образом продаются другие товары — от зубной пасты до политической платформы претендента на президентское кресло. Недаром Паккард признает, что американцы с их культом потребления стали потребителями даже в политике, которая приобрела товарную форму. А потребление в политике и есть средство отстранения от нее масс. Потребительский образ жизни как раз и делает массы несамостоятельными, подверженными манипуляции.

Потребление в «массовом обществе», как мы видели, носит престижный, или статусный, характер. Обыватель потребляет не то, что ему действительно хочется, а то, что предписано его положением в

¹ М. Рагон писал, что буржуа покупает картины для помещения капитала, поскольку акции Сезанна оказались более солидными в его глазах, чем акции Суэцкого канала.

обществе, ролью, которую он играет или стремится играть. Длина машины, квартира в определенном районе прежде всего «символы престижа». И произведения искусства для буржуазного обывателя не предмет эстетического наслаждения (он часто покупает то, что не соответствует его вульгарному вкусу), а символ престижа, служащий утверждению его социального статуса. Он покупает произведения абстрактного искусства не потому, что оно ему нравится, а потому, что это модно, принято в его среде. Обладание предметом культуры имеет символическое значение в его коммуникативной деятельности, служит обеспечению определенной реакции со стороны его референтной группы. Как пишет американский социолог М. Бэнтон, «символы роли являются средством коммуникации, указывающим отношение, в котором кто-либо готов взаимодействовать с другим» (69, 91). Престижное присвоение культуры выполняет регулятивную функцию: «символы культуры» регулируют поведение людей в соответствии с нормами «массового общества».

В таких условиях особенно широки возможности для манипулирования сознанием людей, их вкусами. Именно потребностью монополистической буржуазии в управлении массами вызвано щедрое финансирование ею той области социальной психологии, которая известна как «мотивационный анализ». Несколько десятилетий назад среди западных социологов господствовала уверенность в возможности абсолютного манипулирования реципиентами. Схема коммуникации рисовалась односторонне, имела вид $S \rightarrow R$: коммуникатор доводил до реципиента выгодную ему информацию, побуждая действовать определенным образом; аудитория, воспринимающая информацию, рассматривалась как «масса» не связанных друг с другом реципиентов. Дальнейшие исследования показали, что процесс коммуникации более сложен. Прежде всего, нигде нет стопроцентной монополизации коммуникации, а всегда имеется больший или меньший информационный плюрализм. А главное, реципиент не является абсолютно манипулируемым, ибо его сознание не *tabula rasa*, а относительно устойчивая структура, воспринимающая

информацию строго определенным образом, как бы «просеивая» ее: реципиент воспринимает сообщения, соответствующие его прошлому опыту, стереотипам его восприятия, и обычно не реагирует или слабо реагирует на информацию, идущую вразрез с ним. Во-вторых, сообщения коммуникатора принимаются, как правило, не прямо, а сквозь добавочную призму референтных групп, в состав которых входит (или к которым причисляет себя) реципиент; часто и сама информация получается не непосредственно от коммуникатора, но от «лидера мнений» локальной группы, с которой он связан в повседневной жизни. Поэтому американские социологи П. Лазарсфельд и Б. Берельсон указывают на необходимость исследования интерперсональных отношений как фактора, опосредующего связь коммуникатора и реципиента.

Ныне общепринято, что информация через массовые коммуникации воспринимается индивидом не как социально изолированным человеком, а как членом класса, социальной группы. «...Реципиент массового коммуникативного сообщения редко получает его непосредственно в своей роли анонимного и изолированного члена бюрократии или массового общества. Получение им этого сообщения скорее всего бывает «опосредствовано» тесно сплоченными неформальными группировками, к которым принадлежит и он» (42, 637). Поскольку из всех социальных связей, воздействующих на реципиента при приеме им информации, выделяется роль «лидера мнений», задающего тон в группе, специалисты «мотивационного анализа» весьма интересуются тем, как выявить этих «лидеров мнений», чтобы влиять на них, постоянно контролируя общественное мнение. Эксперименты М. Шерифа, С. Эша показали, что члены группы склонны соглашаться с мнением большинства других членов независимо от того, соответствует ли это истине. Как отмечают Дж. и М. Райли, тот или иной индивид часто решает приобрести определенную вещь, голосовать определенным образом или просмотреть ту или иную телевизионную программу потому, что так поступают люди, которым он доверяет. «Таким образом, его реакции не являются случайными по отношению к реакциям «других». Его вос-

приятия и реакции образуют составную часть модели взаимодействий и взаимных ориентаций между всеми членами группы» (42, 630).

Итак, личность дифференцированно относится к информации, поступающей через массовые коммуникации. Воспринимая сообщение, человек отбирает (часто ниже уровня сознания) определенные его части, нередко искажая их, другие части «пропускает мимо ушей». Поэтому коммуникатор стремится подогнать свое сообщение под уже сложившуюся систему восприятий, шаблоны, стереотипы буржуазного сознания. Изменение шаблона может привести к тому, что реципиент попросту не поймет сообщения. «Массовое общество» специалисты по массовым коммуникациям часто определяют как такое, в котором управление осуществляется посредством системы символов, однозначно понимаемых коммуникатором и массовой аудиторией. В целом такое положение устраивает властвующую элиту. Вместе с тем, бумеранговый эффект тесной связи коммуникатора с аудиторией может оказаться отрицательным для коммуникатора, которому трудно преодолеть инертность подобной аудитории.

«Массовая культура» не произвольное манипулирование массами. Оно основывается на тщательном изучении социально-психологических особенностей массовой аудитории в условиях современного капитализма. Коммуникатор тщательно «вычитывает» нужные ему мнения массы, чтобы спекулировать на ее незрелости, «возвращая» массе ее собственные предрассудки, культивируя их, заставляя служить целям капиталистической элиты¹. Большинство ис-

¹ «Успех» имеет тот коммуникатор, который опирается на уже сложившиеся предрассудки и привычки буржуазной массы, ее непосредственный опыт. Неправильно думать, что реклама создает вкусы людей, она оказывается успешной только тогда, когда опирается на определенную встречную тенденцию со стороны потребителя, не просто навязывает ему что-то, но, опираясь на его собственные предрассудки, привычки, подсказывает ему, выявляет его действительные или мнимые потребности, улавливает тенденции и лишь усиливает их. Хвостизм манипуляторов — так можно охарактеризовать стремление изучать и культивировать предрассудки масс, чтобы паразитировать на них при пропаганде буржуазной идеологии.

следователей «маскульта» констатирует, что в «массовом обществе» существуют разнородные культурные группы, интегрировать которые не удалось никому манипулятору (хотя тенденция к однородности культурных запросов несомненна); все, на что он может надеяться,— это достичь при помощи «массовой культуры» определенного уровня общения между этими «субкультурами». Поэтому «массовая культура» выступает как интегратор различных секторов «массового общества», как язык управления им.

Скрытое манипулирование

По своей социальной функции «массовая культура», таким образом, предстает как один из механизмов господства монополистической буржуазии над массами. В классовых антагонистических формациях, когда интересы господствующего класса противостоят интересам трудящихся масс, управление неизбежно принимает форму манипуляторства¹. Наиболее сложную, всеохватывающую, причем преимущественно скрытую, форму манипуляторства принимает в условиях государственно-монополистического капитализма. Чтобы заставить массы действовать вопреки их собственным интересам, правящие классы традиционно использовали физическое принуждение, опирались на аппарат государственной власти, репрессии, подачки. Ныне многим буржуазным социологам представляется более целесообразным не просто принуждать каждый раз массы, но так «запрограммировать» их сознание, чтобы они и сами, «добровольно» принимали выгодные буржуазии нормы поведения. Задача состоит не только в том, чтобы навязать массам «санкционированные» образы поведения, но и «санкционированный» образ мыслей, воспитать их «убежденными» адептами существующего строя. Система скрытого манипулирования вдвойне выгодна буржуазии: она «экономнее» и вместе с тем тоньше, «рафинированнее», поскольку прикрывается «рес-

¹ В коллективном исследовании марксистов ГДР «манипулирование» определяется как действия, направленные на «приспособление», по возможности, сознания широких масс, вопреки их объективным интересам, к интересам монополистической буржуазии, к установкам империалистической идеологии» (98).

пектабельной» псевдодемократической оболочкой. «Маскульт» и представляет средства для такого скрытого манипулирования человеческим сознанием.

Задача перехода от грубых методов прямого командования массами к более тонким методам скрытого манипулирования, принимающего вид формирования нужных элите представлений и ценностных ориентаций (К. Левин назвал ее «преобразованием поведения людей посредством преобразования представлений»), ставит новые проблемы перед буржуазной социальной психологией, обращающейся к разработке «научных» методов скрытого манипулирования, пропаганды, культивирования массовых иллюзий. Г. Лассуэлл, Р. Мертон, Ч. Чайлдс, Ф. Мумли, М. Яновиц, М. Чоукас, К. Ховланд, И. Янис и другие западные социологи разрабатывают «научные методы пропаганды»¹. Чоукас определяет ее как «искусство заставить людей делать то, что они не стали бы делать, если бы располагали всеми данными о ситуации» (72, 36). Конечную цель пропаганды он видит в производстве людей, способных действовать только под влиянием внешних сил. Пропагандист стремится нейтрализовать внутреннюю способность человека рационально мыслить, обеспечить манипулятору контроль над поведением. Механизм этого процесса попытались описать А. Видич и Дж. Бенсмен, показавшие, как население небольшого городка попадает в зависимость от «массового общества», точнее от государственно-монополистических институтов (см. 118).

Чтобы раскрыть возможности манипулирования массами, формирования нужных коммуникатору убеждений, западные социологи изучают сопротив-

¹ Понятие «пропаганда» в буржуазной социологии неизменно носит негативный оттенок. Чоукас, рассматривая пропаганду как деятельность по распространению преднамеренно односторонней информации, признает, что она противоречит демократии (72, 280). Однако он далек от мысли призвать к отказу от распространения «сознательно культивируемых иллюзий». Напротив, ссылаясь на необходимость «глобальной борьбы» с коммунизмом, он требует поставить на «научные рельсы» обработку общественного мнения и пишет, что «современный пропагандист является социальным инженером, пытающимся сконструировать тип поведения так же, как инженер строит мосты, дороги...» (72, 93).

ляемость реципиента пропаганде и пути ее преодоления. К. Ховленд, И. Яниц и Г. Келли пишут, что масса весьма чувствительна к манипулятивному управлению. «Ожидание манипулирующего намерения связывается с чувством унижения, ведет к неподатливому поведению. Следовательно, ожидание манипулирующего намерения дает повод резистентным тенденциям» (86, 293). Коммуникатор, подозреваемый в манипулятивных намерениях, рассматривается реципиентом как «ненадежный». Поэтому эффективность коммуникации максимальна, когда «коммуникатор избегает говорить что-то, могущее быть интерпретировано таким образом, что он получит выгоду от навязывания другим своих выводов». Впрочем, их рекомендации камуфлировать манипулятивные намерения достаточно банальны: манипуляторы, как известно, традиционно прикрывались разговорами о «всеобщем благе».

«Массовая культура» дает определенные средства для манипулятивного управления, обработки и унификации массового сознания. Исследователи «массового поведения» насчитывают много способов воздействия на массовое сознание — от гипноза («наиболее простой пример изменения поведения») и личного воздействия до использования средств массового общения. Последним уделяется наибольшее внимание. Исследователя интересует главным образом вопрос о том, «каков эффект средств массового общения, как они влияют на индивидуума, заставляя верить в новую политическую идеологию, голосовать за определенную партию, покупать больше товаров, изменять культурные вкусы» (75, 118).

В условиях государственно-монополистического капитализма, считают многие буржуазные социологи, возникает возможность «технологического руководства» мотивацией личности — «новой, более эффективной формы социального контроля и господства» (101, 158). Достижения науки, которая сама по себе нейтральна в социальном отношении, создают огромные возможности для оболванивания масс через телевидение, радио (психологическое воздействие технических средств массового общения может вызвать массовый экстаз и тому подобные эффекты). В этих

условиях протест против системы, в которой контроль над индивидом осуществляется не в форме персональной зависимости, а путем ссылок на «объективные» требования производства и административного управления, изображается как бесперспективный и «иррациональный».

Под влиянием средств массового общения стандартизируется мышление членов «массового общества». Стандартизированный человек теряет самостоятельность, утрачивает даже желание обладать индивидуальностью, жить своим умом; это и есть «внешне ориентированная личность». Большинство представлений, сложившихся у такого человека, внушено средствами массового общения; нередко дело доходит до того, что он отказывается верить собственным глазам, пока не прочтет об увиденном в газетах или не услышит по радио, т. е. он не склонен доверять собственному опыту, пока последний не будет подтвержден массовыми коммуникациями. «Массовые средства общения проникли не только в область нашего познания внешней действительности,— пишет Миллс,— они проникли также и в область нашего самопознания... 1) само представление рядового человека о себе внушается ему массовыми средствами общения, они дают ему образцы и мерилы, с помощью которых он судит о себе; 2) они подсказывают ему, каким он хотел бы быть, то есть формируют его стремления; 3) они подсказывают ему, как этого достигнуть, то есть внушают ему пути и способы осуществления желаний, и 4) они... дают ему забвение в иллюзии... Это формула ложного мира, созданного и поддерживаемого массовыми средствами общения» (41, 421—422).

**«Массовая
культура»
и массовые
коммуникации**

Современная научно-техническая революция и связанные с ней социальные изменения привели к усилению потребности в общении между людьми и вместе с тем дали

технические средства для реализации этой потребности — кино, радио, телевидение, которые в огромной степени расширили аудиторию «потребителей» культуры. Уровень развития средств массовых коммуникаций находится в связи с развитием способов

производства материальных благ: чем ниже способ производства, тем ограниченнее возможности общения; низкий уровень развития производительных сил в докапиталистических формациях предопределял низкий уровень коммуникативных связей. Процесс расширения средств массовых коммуникаций, роста грамотности в условиях капитализма внутренне противоречив: буржуазия заинтересована в определенном повышении уровня грамотности, поскольку он повышает производительность труда, но не заинтересована в духовном просвещении масс, которое привело бы к осознанию ими их коренных интересов. «Средний» путь, избираемый монополистической элитой, — приобщение масс не к подлинной культуре, делающей человека сознательным субъектом социального процесса, а к суррогату культуры, лишь «подключающей» его к эксплуататорскому обществу. Она заинтересована в расширении тех коммуникаций, которые адекватны «массовому обществу». Нужный буржуазии уровень духовного развития масс поддерживается принадлежащей ей системой массовых коммуникаций.

Многие теоретики «массовой культуры» склонны рассматривать ее как фатальное следствие техники, и прежде всего технических средств массового общения¹. Можно согласиться с тем, что с ростом производительных сил общества, с развитием массовых коммуникаций растет зависимость распространения культуры от технических средств. Но само использование массовых коммуникаций для увеличения

¹ Массовые коммуникации — материальное средство существования «массовой культуры». Отдельные теоретики на этом основании отождествляют массовую культуру и систему массовых коммуникаций. Ж. Фридман, например, определяет «массовую культуру» как совокупность культурных потребительных стоимостей, представляемых широкой публике массовыми коммуникациями; супруги Джозефсон — как систему коммуникаций, техническую по форме, идеологическую по содержанию. Последнее определение гораздо ближе к истине, чем утверждение Белла о том, что «массовая культура», деидеологизирована, что благодаря ей в США сложилась «единая система идей, образов и развлечений», — как будто для подобного единства нужны только современные каналы информации, как будто они разрушают социальные перегородки.

общения между людьми отнюдь не обязательно ведет к «снижению стандартов культуры». Почти любое содержание может быть пропущено по каналам массовых коммуникаций и стать достоянием массового сознания, но превратится ли оно в результате этого автоматически в продукт «маскульта»? Отнюдь не обязательно. Сами средства массовых коммуникаций нейтральны по отношению к информации, носителями которой они являются. Миллионы грампластинок с записями 9-й симфонии Бетховена не становятся автоматически предметами «маскульта». Это относится и к фильмам Феллини и Антониони, хотя они просмотрены сотнями миллионов кинозрителей. Значит, беда не в самих средствах массового общения, а в содержании передаваемой по ним информации.

И глубоко ошибается Рисмен, приписывающий коммунистам страх перед массовыми коммуникациями, которые якобы сами по себе прививают массам буржуазное сознание (111, 347)¹. Нет, не сами по себе технические средства массового общения несут буржуазную «массовую культуру». Больше того, можно говорить об огромном прогрессивном значении средств массовых коммуникаций: они увеличивают возможность соучастия людей в различных событиях, делают достижения науки и культуры более доступными для масс. Иное дело, что в условиях частной собственности на средства производства, в том числе на средства массовых коммуникаций, их владельцы дают массам искаженную информацию, выгодную классу капиталистов. Таким образом, основные пороки буржуазной культуры связаны не с техническими средствами ее распространения, а с той отчужденной от масс формой, какую культура принимает в условиях капиталистических отношений. Значит, не сами средства массового общения фатально предопределяют вырождение культуры,

¹ Ряд «новых левых» выдвинул лозунг бойкота «официальной культуры» и отказа от использования радио и других средств массового общения, как «виновных» в обуржуазивании масс. Такая позиция чревата сектантством, отказом от борьбы за массы, которые таким образом остаются под влиянием владельцев массовых коммуникаций.

это вырождение — следствие тех социальных форм, внутри которых существуют и развиваются на Западе массовые коммуникации, следствие капиталистических отношений.

Именно господствующие классы в конечном счете решают, какую информацию передать массам. Массовая продукция доходит до потребителя благодаря доступной цене, броскому внешнему виду. Сама ее дешевизна в значительной мере предопределяет ее попадание к тому, кому она, собственно, и предназначена, — к массам¹ (ибо интеллектуальной элите для «внутреннего потребления» предлагается дорогостоящая элитарная культура; наряду с «поп-арт» существует и «мин-арт» — искусство для меньшинства). В итоге «доступным» для масс оказывается то, в чем заинтересована буржуазия. Доступны иллюстрированные журналы, комиксы, издающиеся миллионными тиражами, но недоступны дорогостоящие серьезные книги, изданные малым тиражом.

Неудивительно, что монополистическая буржуазия, особенно владельцы средств массовых коммуникаций, — горой за «маскульт». Западногерманский «король прессы» А. Шпрингер нападает на противников «массовой культуры» как на «высоколобых интеллигентов», а своим газетам ставит в заслугу то, что они рассчитаны на людей, «которые в последний раз заглядывали в книгу при конфирмации»; бульварная пресса и направлена на закрепление культурной и политической отсталости человека².

¹ Отметим, что плодами «массовой культуры» пользуются и представители властвующей элиты, особенно элиты бизнесменов (о чем говорят социологические исследования и свидетельства журналистов, описывавших духовное потребление американской элиты — от президентов Трумэна, Эйзенхауэра, Джонсона до видных финансовых магнатов). Но тут уж дело не в цене «маскульта», а в интеллектуальном уровне «потребителей культуры».

² «Маскульт» развращает массы, будит в них низменные склонности, выполняя социальную функцию, аналогичную боям гладиаторов в Древнем Риме. Американский публицист М. Ньюберри с полным основанием пишет: «Обработка человеческого сознания превратилась в профессию... Представители этой профессии, почти или вовсе неизвестные широкой публике... в подавляющем большинстве... тяготеют к крайним правым оттенкам нашего политического спектра» (11, 1964, № 5, 233).

Итак, «маскультом» называют ту профанацию культуры, которой удовлетворяется буржуазная по своей идеологии масса, интеллектуально слишком отсталая, чтобы интересоваться серьезными проблемами, предпочитая те суррогаты культуры, ту халтуру, которой питают ее «думающие» за нее владельцы массовых коммуникаций. Это культура тех «хороших американских парней», для которых смысл жизни — автомобиль, телевизор, холодильник, для которых, по словам Бредбери, владелец двух телевизоров вдвое счастливее владельца одного. Нельзя не согласиться с критиками «массовой культуры», отмечаящими в качестве ее главных особенностей то, что это низкопробная продукция, рассчитанная на возбуждение жестоких и низменных побуждений, вульгарная, похотливая, щекочущая нервы и еще более оглупляющая и без того непритязательную аудиторию. Это конформистская культура, функционирующая в соответствии с ожиданиями буржуазной публики, потакающая вульгарным вкусам и закрепляющая эти вкусы¹.

Особенностью «маскульта», являющегося предметом ширпотреба, становится стандартизация. Поскольку «потребители культуры» — люди самого различного культурного уровня, а владелец средств массового общения заинтересован в том, чтобы давать массовую, единообразную продукцию, он на первый взгляд сталкивается с неразрешимой проблемой. Однако выход находится, причем крайне простой: принимается стандарт, удовлетворяющий наиболее отсталые слои населения, иными словами,

¹ Итак, информация, идущая по каналам массовых коммуникаций, отнюдь не «деидеологизирована», как утверждает Белл, но, напротив, идеологична. Разумеется, она оставляет достаточно места и чисто развлекательным программам, информации познавательного характера и т. д. «Маскульт» удовлетворяет определенные человеческие потребности — в развлечении, информации и т. д., но это оказывается как бы фоном для пропаганды буржуазной идеологии. Ф. Альбертони отмечает: «Отношение правящей элиты к средствам массовых коммуникаций может быть различным: она может проводить идеологию во всех средствах информации, может не трогать определенные области, при условии, что они не компрометируют главную линию» (117, 39).

культура «усредняется» на уровне наименее развитых в интеллектуальном отношении членов «массового общества»¹. Результат — господство серости, стандартного единообразия, безликости. Стандартизируются и образ жизни, и образ мыслей «массового человека».

Ван ден Хааг пишет: «По самой природе своей массовая продукция исключает подлинное искусство и неизбежно подменяет его общедоступными суррогатами культуры... Подлинное искусство всегда предполагает свежий взгляд на жизнь... Если оно не воссоздает, а только повторяет — это не искусство. Задача массовой продукции — подкреплять «образцовые» нормы, но ведь искусство призвано творить, а вовсе не подкреплять какие-либо взгляды» (11, 1966, № 1, 241—242).

Не случайно пропаганда «маскульта» сопровождается активным антиинтеллектуализмом, описанным рядом американских социологов. Протестующие против «гомогенизации культуры» третируются как снобы, «яйцеголовые». «Интеллигент» становится в таком обществе бранным словом, отмечают исследователи культурной жизни США².

¹ Было бы наивным выступать против шаблонизации, стандартизации определенных способов поведения, как таковых. Механизм, переводящий осознанные действия человека в привычные, автоматические, не противоречит тенденции повышения роли сознательности в социальном процессе, напротив, он освобождает интеллект для творческого решения новых задач. Сама коммуникация, взаимопонимание может осуществляться при наличии определенных шаблонов. Поэтому научная критика «массовой культуры» не может базироваться на голом отрицании шаблонов и стереотипов сознания, присущих любой культуре. Но дело в том, что «маскульт» направлен на производство стереотипов буржуазного сознания, основанного на признании капитализма как «естественного строя», к которому нужно приспособляться.

² «Ни в одной другой стране слово «интеллигент» не употребляется так часто в насмешливом и даже оскорбительном смысле... — пишет М. Коэн. — Ведь это факт, что американский бизнесмен... не создал почти никаких культурных ценностей... относится равнодушно, если не враждебно, к подлинно интеллектуальным интересам» (39, 28—38). Средства массовых коммуникаций стремятся создать у американцев впечатление, что «размышление почти всегда приводит людей к беде», — замечает Л. Гурко (37, 55) и приводит выдержку из характерной статьи Э. Гибсона: «...Во многих отношениях

**«Элитарная»
и «массовая»
культуры**

Противопоставление «элитарной» и «массовой» культур — характерная черта буржуазной социологии и искусствоведения (называется также и народная культура — фольклор, но она рассматривается как остаточная, отмирающая под напором остальных форма культуры). За этим противопоставлением скрывается стремление выдать названные формы за всеобщее расчленение культуры XX века.

В элитарных концепциях нашли свое отражение, пусть превратное, определенные процессы, происходящие в обществе, расколотом на антагонистические классы. Эксплуататоры всегда рассматривали духовную культуру как свою монополию, призванную укреплять их экономическое и политическое господство. В условиях антагонистического разделения труда творческая деятельность вообще становится привилегией элиты, по отношению к которой остальная часть общества рассматривается как потребительская масса. Элитарные концепции и выступают как мистифицированное отражение объективных противоречий развития культуры в антагонистических формациях. Отчуждение, противопоставление двух сторон человеческой деятельности — материального и духовного производства достигает своего апогея в период империализма. Не случайно целостные концепции элитарной культуры формируются в конце XIX — начале XX века (Ницше, Буркхард, Шпенглер, Шелер, Ортега, Т. Элиот, см. подробнее 24).

Защита «элитарной» культуры характерна для большинства современных буржуазных культурологов. Ленинскому принципу «искусство принадлежит народу» они противопоставляют лозунг «искусство

лучше быть глупым, чем иметь в голове много шариков... Если вы несколько слабоваты по части мозгов, то, наверное, будете более счастливым и дольше проживете. Вы быстрее поправитесь после болезни... будете в меньшей степени подвержены и бессоннице и даже сможете лучше водить автомобиль» (37, 57). Подобными ссылками элита владельцев средств массовых коммуникаций хотела бы оправдать свою собственную деятельность по оглушению масс, примитивизации их мышления.

принадлежит элите»¹. Народные массы объявляются не только неспособными создать культурные ценности, но и понять и оценить творения «избранных». Отсюда, провозглашает Ортега, и негодование, и чувство ущербности, которое вызывает элитарное искусство у «толпы», неспособной понять живопись Пикассо, музыку Стравинского, драму Пиранделло. Подобные рассуждения в устах буржуазных идеологов — сплошной цинизм: ведь именно капитализм отчуждает трудящихся от культуры, а его апологеты рассуждают об «отсталости» масс, их «неспособности» развивать культуру.

Теоретики элитаризма, нападая на «маскульт», часто считают себя находящимися в оппозиции к современному обществу, в том числе капиталистическому, так как именно монополистический капитал не только финансирует эту культуру, но и ставит ее на индустриальные рельсы. В буржуазной социологии сложился целый калейдоскоп точек зрения на сущность «маскульта». «Аристократические» критики (Ницше, Ортега, Элиот) видят зло в самом факте популяризации, рассматривая ее как источник снижения критериев «высокой культуры», оплакивают ее былую эзотеричность. Либеральные критики (Макдональд, Ван ден Хааг) видят причину кризиса западной культуры в ее коммерческой организации, в превращении средств массового общения в средства массового манипулирования.

¹ Р. Жилуэн пишет: «Массы требуют права доступа к культуре. Но недостаточно обладать правом, чтобы им пользоваться. Массы не принимали никакого участия в создании классической культуры... И они не чувствовали себя хуже из-за этого, ибо подлинные потребности масс — не интеллектуальные, а спиритуалистические». Аристократический снобизм буржуазных философов культуры откровенно выразил Дж. Сантаяна, писавший: «Культура находится в затруднительном положении: если она глубока и благородна, она должна оставаться редкой, если она распространена, то должна быть посредственной... Уничтожить аристократию в смысле общественных привилегий и санкционированной власти означало бы уничтожить источник, из которого проистекает культура». Р. Страус-Хюпе, обрушиваясь на «вульгарную массу», осмелившуюся вторгнуться в запретную для нее зону культуры, призывает «защитить храм культуры от внутренних варваров».

Аристократические критики рассматривают современное общество как век «засилья масс», чуждых подлинной культуры. Элиот с тоской вспоминает «традиционное общество», где массы знали «свое место» и элита смогла создать высокие образцы классического искусства. «Массовое общество» растаптывает культурное наследие и элитарные традиции; в этом обществе элита утрачивает свою исключительность. И здесь аристократические критики не преминут заметить, что правящая элита Запада не является более изысканной, она вульгаризировалась, включив в себя парвеню, выскочек из вульгарной массы, сохранивших вкусы и привычки толпы, что она ныне не отличается высокими стандартами культуры, что все эти богачи из «новых классов» не выработали эзотерических ценностей, которыми бы огородились от толпы, как это делали элиты «традиционных обществ». Обычны также утверждения, что средства массовых коммуникаций в значительной мере разбили перегородки, отделяющие элиту от масс, информация идет от элиты к массе несравненно быстрее (за что масса должна быть благодарна элите!) и само понятие «культура», означавшее когда-то моральную и интеллектуальную утонченность, теперь чудовищно расширилось. «Утечка информации» от элит к массе ведет к тому, что масса перенимает вкусы, моды элиты (современными «пособиями по этикету» выступают кино, телевидение, реклама), имитирует ее образ жизни, воспринимает ее мысли. Рост образования, диктуемый потребностями техники, разрушил представление об «исключительности» власть имущих, их монополию на культуру (добавим: выбив тем самым один из аргументов для оправдания самого существования эксплуататорских классов). Аристократические критики повторяют мысль Шпенглера о том, что культура умирает в омассовлении. Само обращение культуры к массе вызывает ее опошление и в конечном итоге гибель.

Однако все большее влияние приобретает «демократическая» критика «маскульта». Х. Арендт показывает, как буржуазное общество превращает искусство в товар, извлекая из него прибавочную стоимость, что ведет к деградации культуры. В «мас-

совом обществе» обесценение культуры достигает крайних форм, это общество вообще не ищет культуры, а только развлечений, и товар, предлагаемый индустрией развлечений, потребляется, как любой другой товар. Многие критики «маскульта» сочетают либерализм и аристократизм. Они нападают на «массовую культуру» за ее пошлость, вульгарность, потакание неразвитым вкусам масс и власть имущих и призывают «подлинную интеллигенцию», «аристократию духа» уйти от этого «культурного кошмара» в башню из слоновой кости. По мнению Т. Адорно, в таком обществе нет иного убежища для художника, не желающего снижаться до массовых стандартов, принимать конформистские критерии, насаждаемые правящей элитой. Ныне, рассуждал он, культурная элита не должна стремиться не господствовать над массами, а, напротив, всячески отгораживаться от них. Только обособившись как от элиты манипуляторов, так и от масс, может сохраниться «независимая духовная элита», творящая эзотерические ценности¹.

Подобные концепции выражают позицию определенных кругов буржуазно-либеральной, «рафинированной» интеллигенции. Ей претит конформистская псевдокультура и мещанский образ жизни капитализма; в то же время она не имеет связей с прогрессивными силами, борющимися с капитализмом, прежде всего с пролетариатом, даже боится этих связей, которые, как она считает, грозят ей опасностью нового конформизма, опасностью «омассовления».

Левые критики «маскульта» разоблачают его манипуляторский характер, энергично протестуют против бесправного положения деятеля культуры, полностью утратившего свою независимость и отданного на милость элите власть имущих, заботящихся лишь о прибылях и откровенно третирующих находящихся

¹ Ю. Н. Давыдов справедливо замечает, что Адорно хочет бороться с господствующей элитой «организованного общества» насквозь элитарными методами, обнаруживая тем самым кровное родство со своим противником — властвующей элитой (24, 336—340). Отметим близость его с откровенно «аристократической» позицией Н. Бердяева с его «катакомбной» культурой избранных.

у них на службе интеллектуалов. Представители творческой интеллигенции не могут не быть обеспокоены тем, что не художник в капиталистическом обществе является законодателем эстетических вкусов, а денежные мешки, владельцы средств массового общения, крупные рекламодатели; они диктуют свою волю художникам, попирая свободу творчества. Деятель культуры превращается в исполнителя заказов капиталистической элиты. Как говорил Ж.-П. Сартр, «мы — писатели, которые вынуждены считаться с тем фактом, что широкая публика пока еще не находится в нашем распоряжении и для того, чтобы до нее добраться, нам нужно использовать возможности, находящиеся в руках буржуазии... Мы имеем право доступа к массам только в том случае, если мы понравились господствующей элите» (11, 1963, № 11, 243). И художники, отказывающиеся ставить свой талант на службу капиталистической элите, часто обречены на непризнание, процветают же ловкачи, проституирующие свое перо, а то и просто шарлатаны, спекулирующие на очередной моде — ташизме или поп-арте.

Литература о «массовой культуре» выражает различные точки зрения, «от исторически-пессимистических до наивно-оптимистических» (114, 23). Последние, впрочем, не так уж «наивны»: их отстаивают обычно теоретики весьма консервативные. У. Ростоу и другие, фетишизируя технический прогресс, заявляют, что он ведет к общему подъему культуры. Д. Белл считает, что средствам массового общения американцы обязаны «просвещению низов» и складыванию «единой культуры». Наиболее откровенные из апологетов «маскульта» полагают, что, раз массы довольствуются культурным ширпотребом, они не заслуживают ничего другого.

Западные социологи, таким образом, не в силах замолчать глубокий кризис, переживаемый буржуазной культурой. Но при этом они всячески обеляют капитализм, перекладывая вину за этот кризис на народные массы, вторгающиеся в святая святых элиты — область духовного творчества, диктующие элите свои вульгарные вкусы, разрушая эзотерическую культуру. Подобные взгляды находятся в во-

пьющем противоречии с реальным положением дел. Именно народ — подлинный творец и хранитель культурных ценностей. Действительная причина упадка и разложения буржуазной культуры коренится не во «вторжении» масс, а, напротив, в отрыве культуры от народных масс, в ее антинародном характере.

«Элитарная» или «массовая» культура — такова дилемма, перед которой, по утверждению буржуазных теоретиков, стоит человечество. Но это ложная дилемма. Ложность ее заключается прежде всего в том, что «массовая культура» отождествляется с демократической культурой масс и противопоставляется высокой культуре, которая в свою очередь, отождествляется с «элитарной». На самом деле и «маскульт» («культура» для оболванивания масс, подчинения их буржуазной идеологии), и «элитарная» культура (рассчитанная на снобов из «высших классов») представляют собой две стороны буржуазной культуры (первая обращена к эксплуатируемым массам, вторая — к элите капиталистического общества), обе антинародны по содержанию, обе противоположны подлинно народной демократической и социалистической культуре. Так называемая «массовая» культура отнюдь не культура масс, это псевдокультура, выработанная по заказу господствующего класса для масс, используемая в качестве духовной сивухи и средства манипулирования.

Чтобы выяснить подлинный характер «массовой культуры», поставим вопрос: помогает ли она массам повысить идейный уровень, сознательность, понимание своих социальных целей, или же уводит в сторону от главных общественных проблем, дает иллюзорное решение, пропагандирует эскапизм и голую развлекательность? Критерием дифференциации культуры являются прежде всего не средства ее распространения, а ее идейная направленность, классовое содержание. В. И. Ленин, обосновывая этот критерий, писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идео-

логию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры» (3, т. 24, 120—121). Подлинная альтернатива состоит, следовательно, не в различении «массовой» или «элитарной» культуры, а в противопоставлении культуры буржуазной (в обеих ее формах — «элитарной» и «массовой») культуре социалистической. Отметим, что критика «маскульта» современными буржуазными социологами страдает отсутствием классового анализа, неумением и нежеланием связать «маскульт» со специфическими чертами современного капитализма. Объективно же критика «массовой культуры» Ван ден Хаагом, Арендт, Фроммом и др. подтверждает глубокую мысль К. Маркса о враждебности буржуазного общества культуре. Вот почему коммунистические партии ведут решительную борьбу с буржуазной идеологией, в каких бы формах она ни выступала. Л. И. Брежнев в выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. отметил: «...ежечасно, и днем и ночью трудовой народ почти всего земного шара подвергается в той или иной мере воздействию буржуазной пропаганды, буржуазной идеологии. Наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглушение масс, на притупление их общественного сознания. Борьба против ее развращающего влияния на трудящихся — важный участок работы коммунистов» (7, 401).

Остановимся в заключение еще на одном вопросе. Ряд социологов, в том числе польских и чехословацких, используют термин «массовая культура» при анализе духовного развития социалистического общества. Разумеется, нельзя возражать против нового термина, отражающего такие социальные процессы, как колоссальное расширение массовых коммуникаций, рост образовательного уровня трудящихся, повышение спроса на произведения культуры и т. д. Но следует иметь в виду, что термин «массовая культура» введен буржуазной социологией с определенным содержанием; он предполагает деле-

ние культуры на элитарную и массовую, третирование массы как нетворческого элемента. Поэтому нужный термин можно ввести только с принципиально иным содержанием: нам представляется более правильным говорить о подлинно народной, демократической и социалистической культуре. Данное расхождение во многом носит терминологический характер: тот, кто определяет в качестве «массовой» культуру, циркулирующую среди миллионов людей с помощью массовых коммуникаций, естественно, находит ее и в условиях социализма (равно как и соответствующие закономерности ее функционирования); напротив, тот, кто подходит к анализу «массовой культуры» прежде всего с точки зрения ее содержания и социальных функций, не может не отрицать ее в условиях социализма. В нашей постановке проблемы этот вопрос вообще не может возникнуть: «маскульт» рассматривается как способ подключения личности к «массовому обществу», а последнее — как зашифрованное описание государственно-монополистического капитализма.

Социологи, пишущие о «массовой культуре» при социализме, смешивают вопрос о том, *как* существует эта культура, с вопросом о том, *почему* она существует, абсолютизируют один вопрос, отрывая его от второго и подчеркивая лишь однотипность движения элементов культуры через каналы массовых коммуникаций. С точки зрения реальных функций «маскульт», как и «элитарная» культура, чужд социалистической культуре. Напротив, с точки зрения форм циркуляции духовных ценностей нельзя не видеть элементов сходства между «маскультом» и социалистической культурой. Однако фундаментальное различие между ними обнаруживается при анализе такого вопроса: ориентирует ли культура массы на творчество, самодеятельность или же на пассивное приспособление к институтам буржуазного общества. Ориентироваться на творческую деятельность масс может только общество, свободное от эксплуатации, в котором народ является подлинным сувереном; напротив, эксплуататорский строй глушит социальную активность масс.

Неправомерно отождествлять «массовую куль-

туру» и с популяризацией знания. Проблема популяризации культуры нигде не стоит так остро, как в социалистических странах. Задача сделать культуру достоянием самых широких масс решается не путем понижения ее уровня, а путем повышения культурного уровня масс. Народные массы нуждаются не в халтурных поделках, не в имитации, а в подлинно реалистических произведениях искусства, в подлинно научном мировоззрении. Популяризация науки и искусства ничего общего не имеет с их профанацией; она не снижает, а поднимает культуру масс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существенные модификации идеалистических взглядов на роль народных масс и личности в истории связаны с социально-экономическими, политическими, идеологическими процессами XX века; в них отражаются социальные изменения, порожденные перерастанием капитализма в монополистический и особенно в государственно-монополистический капитализм; причем это отражение неадекватное, производимое с позиций класса, цепляющегося за отживающие производственные отношения. Современные буржуазные идеологи уже не могут отрицать возросшей роли народных масс в историческом процессе: от отрицания этой роли они перешли к ее извращению. К тому же буржуазия ныне не может управлять обществом, не создавая хотя бы видимости массовой поддержки своей политики, не завербовывая на свою сторону определенную массу. От игнорирования роли народа в истории буржуазная социология перешла к разработке приемов, связанных с вербовкой консервативной массы. Буржуазия создает широкую, разветвленную систему воздействия на массы, свое господство она камуфлирует псевдодемократической оболочкой (хотя на деле даже куцые буржуазные свободы ограничиваются), переходит к методам скрытого манипулирования, используя сложный социально-психологический механизм управления и контроля над поведением и сознанием трудящихся.

Влиятельнейшей социологической концепцией, в которой отчетливо обнаруживаются модификации идеалистических взглядов на роль народных масс и

личности в истории, и явилась доктрина «массового общества». Концепции «массового общества» представляют собой, несомненно, широкое полотно, отображающее социальные и социально-психологические процессы, характерные для государственно-монополистического капитализма. Но это искаженное отражение, ибо критика имманентных пороков современного капитализма — бюрократизации, отчуждения личности, манипулирования — отрывается от их существенных причин, от капиталистического способа производства, а во всех бедах обвиняются сами массы. Доктрина, и прежде всего ее четвертый вариант, смыкается с теориями «единого индустриального общества», «конвергенции», затушевывая коренную противоположность двух социальных систем.

То, что квалифицируется буржуазными социологами как «массовое общество», является в действительности обществом, глубоко враждебным народным массам. И ответственность за дегуманизацию общества, калечащего личность, несут отнюдь не массы. Ее несут отживающий, умирающий капитализм и классы, отстаивающие его существование.

Доктрина «массового общества» внутренне противоречива: один фланг ее сторонников видит главную цель в защите элиты от давления масс, другой — в защите традиционных буржуазных свобод от наступления монополий. Те и другие опасаются «стадности», «растворения в массе» (первые боятся за властвующую элиту, вторые — за «интеллектуальную элиту», стремящуюся сохранить свою независимость от давления правящей элиты и завербованной ею буржуазной массы).

Западные социологи не могут не чувствовать, что защищаемый ими мир привилегий элиты, мир угнетения заколебался, что он рухнет под напором тех самых масс, угнетенное положение которых считалось коренным условием «нормальной» жизнедеятельности общества. Теории «массового общества» и отражают страх перед этими процессами: признавая возросшую роль народа в историческом процессе, они извращают ее, ибо сами представляют собой одну из форм идеологии умирающего класса. Теории эти — тоска по элитизму и одновременно пани-

хида по нему. В них — признание того, что идеал элитарного общества разбивается о «суровую» действительность, в которой все большую роль играют «неблагодарные массы», не знающие своего «законного» места. В ряде работ западных критиков «массового общества» мы находим яркие страницы, обличающие дегуманизацию капиталистического общества, гнет бюрократических учреждений, попирающих демократические права и личность простого человека. Они пишут о разобщенности людей в этом обществе, социальной атомизации, «дезагрегации», о дисгармонии человека, о внутренней пустоте, апатии, чувстве заброшенности и неполноценности, от которых страдают миллионы людей, о культе потребления и эротики. Но необходимо видеть буржуазную ограниченность этих авторов, не умеющих и не желающих поставить наблюдаемые ими явления в связь с капиталистическими производственными отношениями. Их цель — «улучшить» капитализм, исправить его «недостатки». Весь запал подобной критики обращается против производных явлений, от которых капитализм в принципе не может освободиться. Ибо последние неизбежно сопутствуют государственно-монополистическому капитализму. Подлинная критика в таких условиях возможна лишь на путях борьбы за революционное переустройство общества. Действительный способ преодоления отчуждения, гнетущей власти денег, бюрократизации состоит не в уходе «аристократии духа» в башню из слоновой кости, — это лишь иллюзия буржуазной интеллигенции. Он связан с пробуждением творческой активности масс в борьбе за социалистическое преобразование общества.

Гибнущий класс не способен рационально осознать свое историческое положение; свою гибель он рассматривает как катастрофу человечества. Мирозрение буржуазных социологов неизбежно ограничено неспособностью выйти за пределы капиталистической системы (а только при этом условии можно раскрыть законы развития системы), и поэтому трагедия умирающего капитализма превращается для них в трагедию мироздания, закат человеческой цивилизации. И причины «катастрофы» ищутся не в

сущности капиталистического строя, а в самой природе человека. Печать такого мироощущения лежит на теориях «массового общества». Его «критикам» и сторонникам кажется, что «распалась связь времен», что мир стал иррациональным, хотя в действительности иррационально отношение буржуазии к перспективам всемирной истории. Понятие прогресса кажется неуместным; отсюда — исторический пессимизм, столь характерный для доктрины «массового общества». Представители класса, идущего к гибели, утрачивают чувство причастности к историческому творчеству, оно сменяется обреченностью и неуверенностью, выливается либо в фатализм, либо в волюнтаризм, возлагающий надежды на гениальных лидеров, якобы способных спасти капитализм.

В частности, это выражается в констатации расстройства механизма капиталистического управления массами, в качестве важнейших элементов которого называются отношения лидер — масса и элита — масса. Осознать это как следствие общего кризиса капитализма буржуазная социология оказывается неспособной. Она видит причину неудач политики своего класса именно в расстройстве аппарата управления и лихорадочно ищет способы его стабилизации. Предпринимаются «спасательные работы» по улучшению управления, изменению методов лидерства, что, разумеется, не может дать решающих результатов. Создать «оптимальное лидерство», не меняя капиталистической системы, — безнадежное дело. Никакие псевдодемократические процедуры не способны изменить антинародный характер управления при капитализме.

Тем не менее нельзя недооценивать опасность и силу сложной и разветвленной машины управления, манипулирования массами. Задачи борьбы за высвобождение народных масс из-под влияния буржуазной идеологии требуют учета, всестороннего исследования этой машины. Необходимо исследовать новые формы господства буржуазии (использование массовых коммуникаций и т. д.), все более тонкие методы манипулирования людьми, механизм обезличения, стандартизации человека, превращения его в конформиста, адепта существующей структуры,

приспособленного к выполнению заданных ею функций.

Государственно - монополистический капитализм делает человека манипулируемым, отчужденным от социального творчества; отсюда — трагедия личности, фиксируемая доктриной «массового общества». Социальное творчество — важнейшая потребность личности, ее атрибут; личность здорова в социальном отношении, если она творец истории. Напротив, если она отчуждена от исторического творчества, превращена в объект манипуляции, она редуцируется, переживает глубокий внутренний кризис: человек не видит смысла жизни, ощущает себя вещью, средством, а не целью. Не личность, а единица населения, «притертая деталь» безликой бюрократической машины, которая не должна обладать ни индивидуальностью мышления, ни способностью к неповиновению, — вот цель этой системы.

Отношение личности и социального целого, личности и истории стоит в центре теорий «массового общества». Метафизики, ставя вопрос о личности и истории, идут традиционным путем, представляющимся самоочевидным: исходят из того, что личность и история — две сущности, которые можно познать изолированно друг от друга и затем найти их взаимоотношение. Но подобный подход содержит внутреннее противоречие, обрекающее его на неудачу. Антиномия: история — продукт деятельности личностей, личность — продукт истории изначально «задана» в нем. Существует лишь один путь ее преодоления, указанный марксизмом. Личность вне истории и история вне личностей — пустые абстракции; личность и история не являются независимыми друг от друга сущностями, они взаимосвязаны общей основой (индивид потому и выступает как личность, как субъект истории, что он социализировался, вобрал в себя опыт человечества, класса, социальной группы; а содержание истории — производство личности и реализация ее творческих потенций). История не есть нечто существующее вне людей; предметом исследования выступает не личность и история в отдельности, а система личность — история. Поэтому ошибочно рассмотрение лишь одного отношения этой

системы (воздействие личности на историю или, напротив, только исторических условий на личность); оба эти отношения предполагают друг друга. Историчность личности выступает как способность ее ассимилировать прошлое, интегрировать богатство социальных (общечеловеческих, классовых, групповых) отношений, активно участвовать в творчестве новых форм общественной жизни. Социализация есть процесс формирования индивида как личности, процесс, посредством которого люди становятся участниками социальной деятельности группы, класса, общества, творцами истории; это не пассивное принятие норм и требований общества, а активное усвоение их личностью (культура и опосредует отношения личности и общества, личности и истории, соединяет их, превращает богатство человеческой истории во внутреннее богатство личности, пробуждает активность личности).

Приведенные соображения могут рассматриваться как слишком общие и скорее нормативные, чем действительные, ибо в классово-антагонистических структурах отмеченные зависимости существенно искажаются. Творческая сущность человека не реализуется автоматически; эта реализация исторически детерминирована системой объективных общественных отношений. В условиях эксплуататорского строя человек, не будучи в силах проявить себя творцом, оказывается отчужденным от своей собственной социальной сущности, от реализации своих исторических возможностей. Вот причина трагедии буржуазной личности, получившая извращенное отражение в концепции «массового общества». Последняя объявляет деперсонификацию всеобщей исторической тенденцией, хотя фиксирует процессы, свойственные государственно-монополистической организации (и делает вывод, что человек является не творцом истории, но лишь конформистом-приспособленцем). Можно признать законным вопрос: существует ли тенденция к развитию творческой сущности человека или же к росту безликости и анонимности? Западные социологи придерживаются обычно второй точки зрения, но характерно, что они опираются на исследования определенной социальной структуры, а именно

современного капитализма. Их ошибка в том, что законы функционирования этого общества они экстраполируют на всю новейшую историю.

Неадекватность доктрины «массового общества» реальным отношениям, ею описываемым, видна и в попытках решить такой вопрос: выступает ли массовидный субъект в форме обезличенной массы или же в форме общности, в которой сохранено личностное начало? В подобной постановке проблемы нельзя не разглядеть определенное рациональное содержание, хотя разрешить ее буржуазная социология оказывается не в состоянии. Подлинная социальная интеграция и индивидуализация, обособление личности — взаимосвязанные процессы; коллективизм коммунистического общества ничего общего не имеет с нивелировкой личностей, единообразием и серостью; напротив, он утверждает ценность личности, дает максимальный простор для ее развития. Буржуазная ограниченность западных социологов проявляется в том, что сохранение индивидуальности они связывают с сохранением частной собственности, а ликвидацию последней рассматривают как обезличение индивида. В действительности индивид обезличен, поскольку он включен в социальное целое как функция собственности; включившись же в отношения, исключаящие эксплуатацию человека человеком, преодолевающие последствия антагонистического разделения труда, личность получает все необходимые условия для расцвета.

Система государственно-монополистического капитализма производит неполноценную, манипулируемую личность. Реакция личности на манипуляторскую практику не однозначна: человек может принять установки системы и попытаться сделать карьеру в ее рамках; он может пойти на индивидуалистический протест против всякой социальной организации; он, наконец, может стать на позиции сознательной борьбы за революционное преобразование античеловеческого строя, тем самым утверждая себя как личность. И эти варианты связаны с тем, что возможности монополистов далеко не безграничны и в условиях общего кризиса капитализма механизм манипулирования сознанием масс дает перебои. Стерео-

типы и иллюзии «довольного сознания» разбиваются о факты капиталистической реальности. Перманентная инфляция, безработица, расизм, миллионы обездоленных, рост преступности, милитаризация и военные авантюры, оборачивающиеся серией поражений,— все это отрезвляюще действует на миллионы людей, еще находящихся в плену буржуазной идеологии. Они разочаровываются в иллюзиях и ценностях капиталистического общества.

Однако буржуазные идеологи стремятся не выпустить из-под своего влияния этих разочарованных людей. Они подсказывают им путь индивидуалистического протеста, предлагают идеологию «мирового пессимизма», стремятся дезориентировать массы, отводя их удар от монополистической системы: бунт индивидуалистов, разумеется, не так опасен для «системы», как организованная борьба народных масс во главе с рабочим классом. Но сама жизнь, логика классовой борьбы вовлекает все более широкие народные массы в организованную борьбу с капитализмом. Причем этот процесс протекает не самотеком, он требует огромных усилий со стороны прогрессивных сил, прежде всего повышения руководящей роли их авангарда — коммунистических партий.

В современном капиталистическом обществе возрастает сопротивление народных масс антинародной политике монополий, повышается уровень их сознательности и организованности. И это повергает в панику большинство теоретиков «массового общества», в том числе и его левых критиков. Главная их слабость — непонимание исторической роли пролетариата. Именно недоверие к народным массам и их творческим потенциям отличает Г. Маркузе и других «ультралевых», сбрасывающих со счета революционные возможности пролетариата, отрицающих его руководящую роль в революционном движении и возможность его союза с крестьянством, роль марксистской партии как авангарда масс. Известно, что монополии пытаются «откупиться» от классовой борьбы, «интегрировать» рабочий класс в капиталистической системе. Маркузе принимает такие попытки за совершившийся факт, по существу перепевая буржуазную теорию о преобладающей роли «средних

классов», «принимающих» капитализм. Левые критики «массового общества» оказываются как бы загипнотизированными теориями об «обществе изобилия», «массового потребления», лживость которых не вызывает сомнения в свете общеизвестных фактов о том, что в «процветающей» Америке десятки миллионов бедняков влечат жалкое существование.

Вопреки утверждениям мелкобуржуазного радикализма (и вполне единодушных с ним «левых» ревизионистов) об утере пролетариатом своей революционности, именно рабочий класс — наиболее прогрессивный класс современности — способен играть роль авангарда народных масс, борющихся за революционное преобразование социальных отношений. Характеризуя ту или иную эпоху, указывал В. И. Ленин, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, необходимо вскрыть прежде всего, какой класс стоит в центре эпохи (3, т. 26, 142). Таким классом является рабочий класс — величайшая сила современности. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорится: «Сегодня, как и вчера, роль испытанного боевого авангарда революционных сил играет *международное рабочее движение*. События последнего пятилетия в капиталистическом мире в полной мере подтвердили значение рабочего класса, как главного и наиболее сильного противника власти монополий, как центра притяжения всех антимонополистических сил» (8, 17). Именно этот класс руководит революционным движением масс, преобразующим лицо современного мира. И это движение народных масс неодолимо, ибо «за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян» (3, т. 35, 194).

Выход на широкую историческую арену миллионов народных масс явился причиной огромного ускорения темпов общественного прогресса, величайших социальных перемен. Рабочий класс во главе с марксистскими партиями объединяет все демократиче-

ские и социалистические движения в единый могучий поток, сокрушающий власть монополий.

Однако закон возрастания роли народных масс, как и все социальные законы, действует как тенденция исторического развития, которая сталкивается с определенными контртенденциями, развивается противоречиво. В настоящее время в развитых капиталистических странах возросли материальные и идеологические возможности антинародных сил, возглавляемых монополистической буржуазией, пытающихся подкупить часть трудящихся, рекрутировать консервативную массу, расколоть рабочий класс, ослабить его классовую борьбу, активизируется пропаганда, направленная на разжигание националистических чувств, культивирование политического индифферентизма, потребительской ориентации. Таким образом, закон возрастания роли народных масс в истории необходимо рассматривать во всей сложности и противоречивости его проявлений, анализируя совокупность разнонаправленных сил и тенденций. На эту сложность и противоречивость социальных процессов современной эпохи обратило внимание Советское коммунистическое и рабочее партии 1969 г., отметившее, что империализм — этот главный враг народов, основное препятствие на пути исторического прогресса — лихорадочно пытается изменить соотношение сил в мире в свою пользу. Но он бессилён вернуть утраченную им историческую инициативу, повернуть вспять развитие современного мира (5, 289). В условиях обострения общего кризиса капитализма в антиимпериалистическую борьбу вовлекаются все более широкие массы трудящихся, целые народы. Возглавляемые рабочим классом, широчайшие народные массы выступают подлинными творцами и преобразователями социальной жизни. «В недрах капиталистического общества складываются, умножаются и закаляются социальные силы, призванные обеспечить победу социализма» (6, 35).

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе.
3. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений.
4. «XIII пленум ИККИ. Тезисы и постановления». М., 1934.
5. «Международное Совецание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969.
6. «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1967.
7. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970.
8. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971.
9. «За рубежом».
10. «Вопросы философии».
11. «Иностранная литература».
12. Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965.
13. Ашин Г. К. Современная буржуазная социология (Критический очерк идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории). М., 1965.
14. Ашин Г. К. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966.
15. Ашин Г. К. Роль народных масс и личности в истории. М., 1967.
16. Ашин Г. К. «Массовое общество» и его «критики». «Вопросы философии», 1965, № 11.
17. Басин Е. Я., Краснов В. М. «Статусное» присвоение культуры как регулятор социального общения при капитализме. «Вопросы философии», 1969, № 10.
18. Бобровский В. С. Теория «массового общества» — новейший прием апологетики социальной структуры США. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Минск, 1967.
19. Вигнан З. К. Социологические проблемы развития техники в философии «массового общества». Черновицкий гос. университет. Тезисы докладов XXII научной сессии. Черновцы, 1966.
20. Винник Э. В. Западногерманская буржуазная социология и проблема народных масс. «Философские науки», 1964, № 3.

21. Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967.
22. Гершкович З. И. Критика буржуазной концепции «массовой культуры». В сб. «В тисках духовного кризиса». Л., 1966.
23. Гвишиани Д. М. Социология бизнеса. Критический очерк американской теории менеджмента. М., 1962.
24. Давыдов Ю. Н. Искусство и элита. М., 1966.
25. Замошкин Ю. А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966.
26. Кон И. С. Социология личности. М., 1967.
27. Мансуров Н. С. Личность и массовые коммуникации. В сб. «Социология и идеология». М., 1969.
28. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
29. Семенов В. С. Капитализм и классы. Исследование социальной структуры современного капиталистического общества. М., 1969.
30. Семенов Ю. Н. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965.
31. Соловьев Э. Ю. Внутрикorporативная конкуренция и некоторые аспекты доктрины «массового общества». В сб. «Современная буржуазная идеология в США (Некоторые социально-идеологические проблемы)». Под ред. Ю. А. Замошкина, Ю. Н. Семенова, Н. С. Юлиной. М., 1967.
32. Замошкин Ю. А., Митрохин Л. Н. Социально-психологические корни антикоммунизма в США. В сб. «Современная буржуазная идеология в США». М., 1967.
33. Стрельцов Н. Н. Концепции «массового общества» в современной американской социологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1969.
34. Агости Э. Возрожденный Тантал. М., 1969.
35. Жигульский К. Пути развития массовой культуры. М., 1969.
36. Уэллс Г. Крах психоанализа. М., 1968.
37. Гурко Л. Кризис американского духа. М., 1958.
38. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
39. Козн М. Американская мысль. Критический обзор. М., 1958.
40. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
41. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
42. Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965.
43. Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897.
44. Тард Г. Личность и толпа. СПб., 1903.
45. «Философский словарь». М., ИЛ, 1961.
46. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
47. «United States News and World Report».
48. «Encounter».
49. «The American Sociological Review».
50. «The American Journal of Sociology».
51. «The British Journal of Sociology».
52. «Esprit».
53. «The Journal of Psychology».
54. «The Journal of Social Issues».

55. *Adrian Ch.* and *Press Ch.* *The American Political Process* N. Y., Mc Grow Hill, 1965.
56. «*America as a Mass Society*». *Changing Community and Identity*, ed. by *Ph. Olson*, *The Free Press of Glencoe*, 1966.
57. *Aron R.* *Les désillusions du progrès. Essai sur la dialectique de la modernité*, P., 1969.
58. *Arendt H.* *The Origins of Totalitarianism*, N. Y., 1951.
59. *Bass B.* *Leadership, Psychology and Organizational Behavior*, N. Y., Harper, 1960.
60. *Bendix R.* and *Lipset S.* (eds.). *Class, Status and Power*. N. Y., 1966.
61. *Bensman J.* *Dollars and Sense* Macmillan C°, N. Y., L., 1968.
62. *Bensman J.*, *Rosenberg B.* *Mass, Class and Bureaucracy*, N. Y., 1963.
63. *Bellows R.* *Creative Leadership*. Prentice — Hall, 1959.
64. *Bell D.* *The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*, Glencoe, 1960.
65. *Berger P.* (ed.). *The Human Shape of Work*, N. Y., MacMillan, 1964.
66. *Blau P. M.* *Bureaucracy in Modern Society*, N. Y., Random House, 1966.
67. *Blumer H.* *Collective Behavior*, in: «*New Outlines of the Principles of Sociology*», ed. by *A. McLee*, N. Y., 1946.
68. *Bogardus E.* *Leaders and Leadership*, N. Y., 1955.
69. *Banton M.* *Roles. An Introduction to the Study of Social Relations*, L., 1965.
70. *Cattepoel D.*, *Häusler J.*, *Simpfendorfer J.*, *Schönfeld H.-M.*, *Führungskräfte Heute und Morgen*, Dusseldorf, 1966.
71. *Corbett Th.* *People or Masses. Comparative Study in Political Theory*, Wash., 1950.
72. *Choukas M.* *Propaganda Comes of Age*, W., 1965.
73. «*Culture for the Millions?*» ed. by *N. Jacobs*, Princeton, 1961.
74. *Dill W.*, *Hilton T.*, *Reiman W.* *New Managers Patterns of Behavior and Development*, Prentice-Hall, 1963.
75. *De Fleur M.* *Theories of Mass Communications*, N. Y., 1966.
76. *Elsner H. jr.* *The Technocrats, Prophets of Automation*, Syracuse Univ. Press, 1967.
77. *Etzioni A.* *The Active Society. A Theory of Social and Political Processes*, Collier-MacMillan, L., The Free Press, N. Y., 1968.
78. *Fromm. E.* *The Revolution of Hope*, N. Y., 1968.
79. *Fromm E.* *Escape from Freedom*, Farrar and Rinehart, 1941.
80. *Gleisser M.* *The World of Cyrus Eaton*, N. Y., 1965.
81. *Hageman W.* *Vom Mythos der Masse*, Heidelberg, 1951.
82. *Haimann T.* *Professional Management. Theory and Practice*, Boston, 1962.
83. *Horowitz J.* (ed.) *The New Sociology. Essays in Social Science and Social Theory in Honor of C. W. Mills*, N. Y., 1964.
84. *Hunter F.* *Top Leadership, USA*, Chapel Hill, 1959.

85. *Horia S.* Destinée du nationalisme, Paris, 1951.
86. *Hovland C., Janis J. and Kelly H.* Communication and Persuasion, N. Y., 1953.
87. «Identity and Anxiety. Survival of the Person in Mass Society», ed. by M. Stein, A. Vidich. D. White, Glencoe, 1960.
88. «International Encyclopedia of the Social Sciences», The MacMillan and The Free Press, 1968.
89. *Jennings E.* An Anatomy of Leadership. Princes, Heroes and Supermen, N. Y., 1960.
90. *Jennings H.* Leadership and Isolation, N. Y., 1943.
91. *Kahn H. and Wiener A.* The Year 2000. A Framework for Speculations in the Thirty Three Years. N. Y.-L., 1968.
92. *Kornhauser W.* The Politics of Mass Society. L., Routledge and Kegan Paul, 1960.
93. *Lasswell H.* Psychopatology and Politics, The Viking Press, N. Y., 1960.
94. *Lederer E.* The State of the Masses. The Threat of the Classless Society, N. Y., 1940.
95. *Lincoln E.* Kennedy and Johnson, N. Y., 1968.
96. *Lippman W.* Essays in the Public Philosophy, Boston, 1955.
97. *Lipset S.* and Lowenthal L. (eds.) Culture and Social Character. The Work of David Riesman Reviewed. Glencoe, 1961.
98. «Manipulation. Die staatsmonopolistische Bewußtseins-industrie». Dietz Verlag, Berlin, 1969.
99. «Man Alone: Alienation in Modern Society». Ed. by Eric and Mary Josephson, N. Y., 1962.
100. *Maclver R.* and Page Ch. Society. An Introductory Analysis, L., MacMillan, 1962.
101. *Marcuse H.* One-dimensional Man, N. Y., 1964.
102. *Martindale Don.* American Society, N. Y., D. Van Norstrand, 1960.
103. *Merton R.* Social Theory and Social Structure, Glencoe 1962.
104. *Merton R. and Nisbet R.* Contemporary Social Problems, N. Y., 1961.
105. *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy, N. Y., 1962.
106. *Mills Ch. W.* The Sociological Imagination, N. Y., 1959,
107. *Nisbet R.* Community and Power, N. Y., 1962.
108. *Ortega y Gasset J.* The Revolt of the Masses, N. Y., 1932.
109. *Packard V.* The Status Seekers, L., 1960.
110. *Riesman D.* in collaboration with Denney R. and Glazer N. The Lonely Crowd. A Study of the Changing American Character, New Haven and London, Yale Univ. Press 1967.
111. *Riesman D.* in collaboration with Glazer N. Faces in the Crowd, New Haven — London, 1965.
112. *Riley J.* (ed.) The Corporation and its Public Essays on the Corporate Image, N. Y.-L., 1963.
113. *Rosenberg B.* Mass Culture — A Cri de Coeur, Dissent, July — Aug., 1968, v. 15, No 4.

114. *Stewart A.* Mass Society. «New Society», L., 6 Febr. 1964.
115. *Tannenbaum A.* Social Psychology of the Work Organization, Univ. of Michigan, 1967.
116. «Toward the Year 2018», N. Y., Cowless Education, 1968.
117. «Transactions of the Sixth Congress of Sociology», 1966, v. 1.
118. *Vidich A.* and *Bensman J.* Small Town in Mass Society, N. Y., 1960
119. *Walter E. V.* Mass Society. The Last Stages of an Idea. «Social Research», Albany, Dec., 1964. v. 31, No 4.
120. *White W. jr* The Organisation Man, N. Y., 1956.
121. *H. Wilensky.* Mass Society and Mass Culture: interdependence or independence? American Sociological Review, v. 29, No. 2, Apr., 1964.
122. *Weiss (ed.).* The Origins of Modern Consciousness, 1965.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
Глава I. «Массовое общество»: сторонники, критики, критики критиков.	13
Эволюция доктрины	17
Торжествующая масса или властвующая элита?	25
Элита, масса и «промежуточные группы»	32
Глава II. Понятие «масса» в доктрине «массового общества»	41
Масса как толпа	49
Масса и публика	54
Масса и «страты»	57
Масса и народ	62
«Феномен массы»	67
Массовые и тоталитарные движения	70
Глава III. Лидерство в «массовом обществе»	76
Социально-психологические аспекты лидерства. Методика исследований	80
«Демократизация» лидерства в «массовом обществе»	91
Лидер или «человек Организации»? Кризис лидерства в «массовом обществе»	100
Глава IV. Манипулируемый человек. Социально-психологическая ситуация «массового общества»	107
Условия и предпосылки «массовизации»	110
Буржуазный «группизм»	113
Бюрократизация «массового общества» и личность	116

	Отчужденная личность. «Толпа одиноких»	121
	Конформизм в «массовом обществе»	129
	«Отклоняющееся поведение» и аномия в «массовом обществе»	133
	Манипулятивное управление. Планы манипуляторов	136
Глава V.	«Массовая культура» и ее социальная функция	143
	«Массовое общество» и «массовая культура»	—
	«Потребительская» культура. «Культура» манипуляции	147
	Скрытое манипулирование	157
	«Массовая культура» и массовые коммуникации	160
	«Элитарная» и «массовая» культуры	166
	Заключение	175
	Цитированная литература	185

Ашин Геннадий Константинович
ДОКТРИНА «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»

Заведующий редакцией *А. П. Поляков*

Редактор *Э. В. Безчеревных*

Младшие редакторы

Ж. П. Крючкова, Е. С. Молчанова

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Л. К. Уланова*

Сдано в набор 5 августа 1971 г. Подписано в печать 28 октября 1971 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 10,08. Учетно-изд. л. 9,48. Тираж 25 тыс. экз. А 11968. Заказ № 692. Цена 31 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

31 коп.